



УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ



УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ

2014–2016

ВИПУСК 2

55-А ОКРЕМА АРТИЛЕРІЙСЬКА БРИГАДА

**УСНА ІСТОРІЯ
РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ
ВІЙНИ
(2014-2016 РОКИ)**

Випуск 2

55-а окрема артилерійська бригада

УКРАЇНСЬКИЙ ІНСТИТУТ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
Історичний факультет
ЗАПОРІЗЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
Департамент культури, туризму, національностей та релігій
ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЇ
ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА
ІМ. М. С. ГРУШЕВСЬКОГО НАН УКРАЇНИ
Запорізьке відділення

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2016 РОКИ)

Випуск 2
55-а окрема артилерійська бригада

К.І.С.
Київ
2016

УДК: 821.161.2'06-92 + [94:355.4](477)"2014/2016"

ББК: 84(4Укр)6-4 + 63.3(4Укр)64

У75

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
Запорізького національного університету
(протокол № 9 від 22.03.2016 р.)

Редакційна колегія серії:

д.і.н. Геннадій Васильчук, к.і.н. Владислав Мороко,
к.і.н. Роман Моддавський, к.і.н. Сергій Білівненко,
к.і.н. Олексій Штейнле, Володимир Лініков,
Михайло Павленко

У 75 Усна історія російсько-української війни (2014-2016 роки) /
ред. Г. Васильчука та В. Мороко ; Укр. ін-т нац. пам'яті, Запорі-
р.з. нац. ун-т., Іст. ф-т, Запоріж. облдержадмін., Департамент
культури, туризму, національностей та релігій, Ін-т укр. ар-
хеології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН
України, Запоріж. відділення. — Вип. 2. — Київ, 2016. —
464 с., іл.

ISBN 978-617-684-151-7

У збірнику наведено результати опитувань учасників війни
на Сході України 2014-2016 рр. дослідниками історичного фа-
культету Запорізького національного університету. До друго-
го випуску серії увійшли спогади бійців 55-ї окремої бригади
Збройних сил України — найбільшого з'єднання, що базу-
ється у місті Запоріжжя. Розкривається специфіка участі у
війні артилерійських підрозділів.

Інтерв'ю доповнені фотографіями із зони бойових дій.

Для дослідників, студентів та усіх, хто цікавиться перебі-
гом військового конфлікту на Донбасі. Російською та укра-
їнською мовами.

УДК: 821.161.2'06-92 + [94:355.4](477)"2014/2016"

ББК: 84(4Укр)6-4 + 63.3(4Укр)64

© Український інститут національної пам'яті, 2016.

© Запорізький національний університет, 2016.

© Запорізька обласна державна адміністрація, 2016.

© Інститут української археології та джерелознавства
ім. М.С. Грушевського НАН України, 2016

© Ольга Сало, дизайн, 2016.

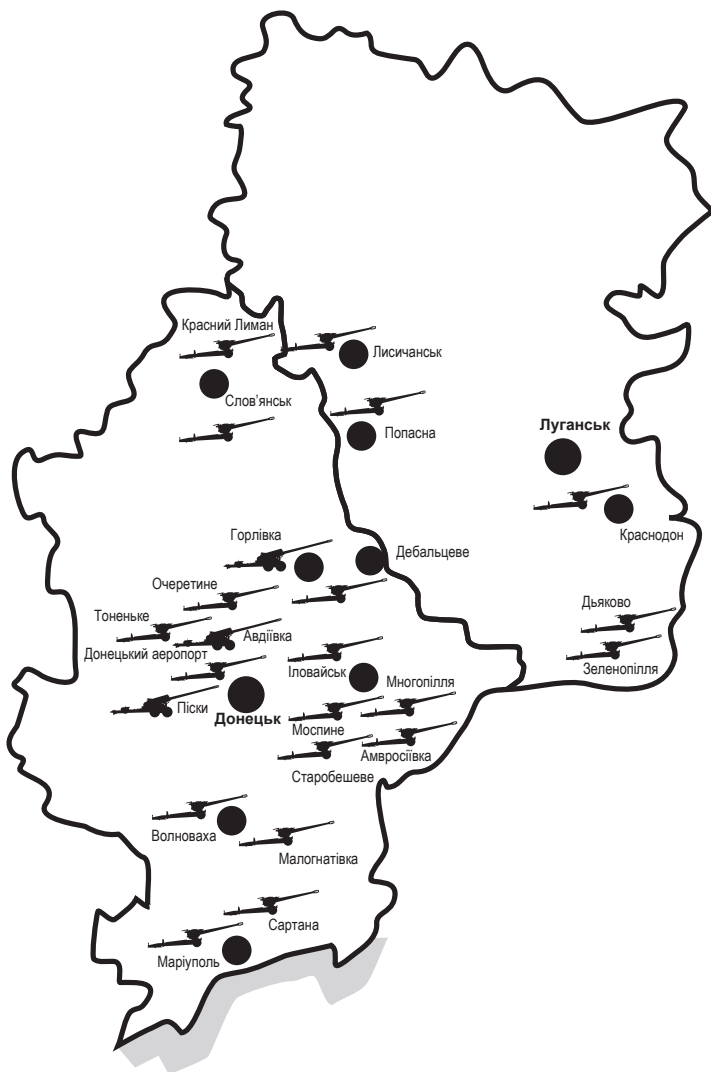
ISBN 978-617-684-151-7

Мені мій тренер завжди казав (ще у цивільному житті). Я у нього питаю: «Льоха, чому мені не щастить? Я не зустрічаю цікавих людей». А він завжди відповідав: «А де ти їх хочеш знайти? У магазині? Йди шукай надзвичайні місця і там будуть надзвичайні люди»

(Віталій, артилерист)

ЗМІСТ

Звернення артилеристів	9
Вступне слово	11
Військові терміни в тексті	19
Андрій (запис 20 лютого 2015 року).....	25
Володимир (запис 20 лютого 2015 року).....	35
Віталій (запис 20 лютого 2015 року)	47
Віктор (запис 23 лютого 2015 року)	64
Кирило (запис 24 лютого 2015 року)	88
Євген (запис 24 лютого 2015 року).....	104
Валерій (запис 25 лютого 2015 року)	119
Максим (запис 25 лютого 2015 року).....	131
Володимир (запис 25 лютого 2015 року).....	158
Валентин (запис 25 лютого 2015 року).....	165
Олег (запис 25 лютого 2015 року).....	204
Роман (запис 25 лютого 2015 року)	230
Віталій (запис 1 березня 2015 року)	246
Сергій (запис 13 березня 2015 року).....	272
Олександр (запис 25 березня 2015 року).....	303
Олександр (запис 26 березня 2015 року).....	322
Павло (запис 27 березня 2015 року)	346
Олег (запис 27 березня 2015 року)	355
Віталій (запис 8 травня 2015 року).....	366
Загиблі герої 55-ої артбригади	451
Географічний покажчик	456



*Місця боїв 55-ої артбригади
під час російсько-української війни 2014-2016 рр.*

ЗВЕРНЕННЯ АРТИЛЕРИСТІВ

Неначе птахи чорні в гаї,
Козацтво сміливе літає,
Ніхто в світі не втече!
Вогонь запеклих не пече.
Тарас Шевченко. «Гамалія» (1842 р.)

Історичний опис 55-ї окремої артилерійської бригади імені генерал-полковника Василя Петрова — це окрема сторінка в житті кожного українця, кожної родини, турботливих матерів, вірних бойових подруг, дітей.

Особливо під час російсько-української війни сини України, солдати нашої військової частини, несли і несуть почесну службу із захисту та збереження безпеки й цілісності України від зовнішнього ворога для спокійного мирного життя наших братів, сестер, дружин, матерів і доньок...

Вже протягом двох років ми боремося з добре оснащеними та підготовленими загарбниками, які зазіхають на нашу незалежність, наші життя та країну, яку протягом багатьох віків наші діди-прадіди героїчно здобували ціною власних життів і сил. Кожен із нас — це справжній герой України, герой свого народу, який у дощ і завірюху, мороз і спеку з автоматом у руках стоїть на захисті мир-

ного життя українців. На жаль, багато наших хлопців стали героями посмертно...

Разом із нами працює на добробут і збереження України ціла армія волонтерів, які щодня та щоночі допомагають, рятують, захищають нас із тилу та на всіх фронтах... Завдяки цим простим українцям прилади нічного бачення, біноклі, одяг, розвантаження, зарядні пристрої, бронежилети і каски, запчастини та приціли — все це спочатку тонким струмком, а пізніше цілим потоком полилося на допомогу військовикам. А ще впевненість — за нами багато-мільйонна країна, ми потрібні, тільки ми стоїмо між цими людьми і хаосом зовні.

55-та окрема артилерійська бригада імені генерал-полковника Василя Петрова — це один із розділів новітньої історії незалежної України. Це приклад честі, доблесті та слави, заклик до кожного громадянина України, кожного військовослужбовця Збройних сил України: віддано служити Українському народові, мужньо, вміло і непохитно боронити Українську державу.

Кожна розповідь — це намагання зрозуміти та почути, що відчували у хвилини війни Ваші сини, чоловіки, батьки, та збагнути заради чого і кого ми вірні присязі.

Ви — справжні Герої та будете вічно жити в наших серцях.

*З повагою, офіцери
55-ої окремої артилерійської бригади
імені генерал-полковника Василя Петрова*

ВСТУПНЕ СЛОВО

«Любов к Отчизні де героїть,
Там сила вража не устоїть.
Там грудь сильніша од гармат...»
Іван Котляревський, «Енеїда», 1798 рік

Сучасна російсько-українська війна, яку умовно називають «антитерористичною операцією», спровокувала значну кількість рефлексій та відгуків, покликаних зафіксувати хронологію воєнних подій, пояснити їх логіку та передбачити подальший розвиток ситуації. Наукова спільнота не є виключенням із переважної більшості суспільства, вона також мусить у тій чи іншій формі реагувати на об'єктивні реалії сучасних викликів. Очевидно, що дізнатися правду про нелегке воєнне повсякдення за допомогою самих лише офіційних джерел навряд чи можливо. Тож збірник, який Ви тримаєте у руках, є однією зі спроб збереження й доведення до широкого загалу спогадів українських воїнів, адже саме такі окремішні особисті історії, переплівшись у одну, становлять історію нашої Батьківщини.

У серпні 2014 року було розпочато проект «Усна історія російсько-української війни». Його ініціаторами стали Департамент культури, туризму, національностей та релігій Запорізької обласної

державної адміністрації та історичний факультет Запорізького національного університету. Пізніше до нього долучилися Український інститут національної пам'яті та Запорізьке відділення Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Вчені Запорізького національного університету та волонтери цілеспрямовано розпочали збирати та досліджувати біографічні інтерв'ю шести різних груп:

- військовослужбовців Збройних сил України;
- особового складу Національної гвардії України;
- бійців добровольчих формувань;
- представників служб, що працювали на звільнених територіях (поліції, прокуратури, СБУ, Державної служби з надзвичайних ситуацій);
- волонтерів;
- вимушених переселенців.

Перший випуск серії побачив світ у жовтні 2015 року¹. До нього увійшли спогади десантника 79-ої окремої аеромобільної бригади В'ячеслава, артилериста 55-ої окремої артилерійської бригади Едуарда, нацгвардійців Михайла та Віталія, рятувальника Миколи та волонтера Михайла. Цей випуск став пробною презентацією результатів проекту і викликав значний інтерес.

Другий випуск серії є дещо іншим. Він концентрується лише на військовослужбовцях 55-ї окремої артилерійської бригади² — найбільшого з'єднання,

¹ Усна історія російсько-української війни (2014-2015 роки) / ред. В. Мороко. — Вип. 1. — К. : К.І.С., 2015. — 176 с.

² Далі 55-а оабр.

що базується на території м. Запоріжжя. Зосередившись на досвіді артилеристів, упорядники збірника хотіли показати місце «богів війни» у стримуванні російської агресії. Значний вплив мала й обставина, що службу в бригаді несуть, у першу чергу, мешканці Запорізького краю. Відтак, вона є своєрідним «дзеркалом» настроїв та характеру запоріжців. Тож в усних історіях військовослужбовців уважний читач знайде відповідь на питання, чому Запоріжжя змогло встояти перед першою хвилею наступу «руського міра» навесні 2014 року?

55-а оабр й до 2014 року мала тривалу й славу історію. 30 грудня 1942 року, у розпал битви на Волзі, у місті Чебаркуль завершилося формування 16-ої артилерійської дивізії прориву. Подібні з'єднання призначалися, перш за все, для вогневої підтримки наступу і мали на озброєнні широкий спектр артистем різного калібру. На її чолі стояв генерал-майор артилерії Микола Гусаров. 24 лютого 1943 року артилеристи отримали бойове хрещення поблизу селища Дем'янськ (нині Новгородська обл. РФ). За внесок у вигнання нацистів з Кіровоградщини дивізія отримала почесне звання Кіровоградської. Далі її бійців чекали бої за Молдову, взяття Будапешту, Відню та Братислави. Друга світова війна закінчилася для дивізії у чеському місті Брно.

Після переформатування артдивізії з її складу виділили 52-у артилерійську бригаду, місцем дислокації якої стали «Уральські казарми» в м. Запоріжжі. У 1973 році бригада перетворюється на 55-у дивізію — потужне з'єднання у складі двох гаубичних

полків, гарматного полку, протитанкового полку та реактивної артилерійської бригади. З переходом від дивізійно-полкової до бригадно-батальйонної структури у Збройних силах України дивізія перетворюється у 2005 році на 55-у окрему артилерійську бригаду. Від 2010 року з'єднання носить почесне ім'я генерал-полковника Василя Петрова — уродженця Приазовського району Запорізької області, що втратив під час Другої світової війни обидві руки, але продовжив воювати.

Нова сторінка історії запорізьких артилеристів відкривається з початком сучасної російсько-української війни. Антитерористична операція швидко переросла в повномасштабну війну між українською армією та російсько-терористичними військами. Настав час для бойових завдань гармашам. Їхні «пльотки» (як назвали бійці власні гармати) стали дуже вагомим контраргументом для окупантів, що прагнули відірвати від України землі Сходу та Півдня.

Артилеристи включилися до захисту Вітчизни вже з перших днів агресії. Підрозділи 55-ої оабр несли чергування на кордоні з окупованим Кримом навесні 2014 року, звідки могла розпочатися експансія на материкову Україну. Також запорізькі артилеристи вирушили на Схід — прикривати українські частини, що намагалися спинити потік зброї та найманців з Росії. Кілька батарей разом з воїнами 72-ої механізованої та 79-ої окремої аеромобільної бригад взяли участь у операції з блокування кордону в секторі «Д». За спогадами десантників, артилерія

якісно змінила розстановку сил у секторі. Тоді ж 55-а оабр зазнала перших втрат. 19 липня 2014 року у районі села Дякове на Луганщині загинув капітан Сергій Білокобильський. Під час виходу з Південного «котла» під ворожий вогонь потрапили майор Петро Третяк та сержант Євген Сиротін. Лейтенанти Дмитро Севостьянчик та Іван Габчак стали жертвами обстрілу українського блокпосту поблизу села Многопілля на Донеччині. Солдати Віктор Катанов та Юрій Дьячков загинули під селищем Старобешевим. Більш детально про них можна дізнатися з усних історій, опублікованих у збірнику.

Відносно затишшя після підписання перших Мінських угод восени 2014 року швидко змінилося запеклими боями, епіцентром яких став Донецький аеропорт. У боротьбі за нього 55-а оабр показала важливість артилерії у сучасній війні. Як стверджували українські «кіборги», без підтримки гармашів обороняти стратегічний об'єкт протягом 242 днів було б просто неможливо. Інтерв'ю коригувальника Віталія – останнє у даному збірнику – містить чимало деталей оборони Донецького аеропорту від першої особи.

2015 рік запам'ятався бійцям бригади відчайдушною боротьбою за місто Дебальцеве в лютому та відбиттям ворожого наступу на місто Мар'їнку. За опір ворогові довелося заплатити велику ціну. У Дебальцевому обірвалися життя сержанта Євгена Дужика та солдата Олександра Говорухи. Під час відбиття наступу терористів у червні 2015 року загинув солдат Олег Щербань.

Станом на початок 2016 року запорізькі артилеристи продовжують захищати українську землю від російської агресії. Завдяки ним та тисячам інших солдат — десантникам, танкістам, піхотинцям, нацгвардійцям тощо — Україна отримала унікальний шанс на достойне майбутнє незалежної країни, а не окраїни вмираючої імперії.

Поспілкувавшись з військовослужбовцями бригади після їхнього повернення із зони АТО, було б злочином не поділитися отриманою інформацією. З 20 лютого 2015 року почалась робота по запису інтерв'ю, яка триває й досі.

З метою збереження та наукової обробки записаних матеріалів було створено електронну колекцію при Рукописному відділі Запорізького відділення Інституту української археографії та джерелознавства НАН України (Фонд 29 «АТО»). Згадана колекція постійно поповнюється аудіозаписами, транскриптами, фото- та відеоматеріалами, які стосуються перебігу збройного конфлікту на Сході.

Крім того, під час опитувань військовослужбовців викристалізувався приблизний план інтерв'ювання, який можна розподілити на кілька тематичних блоків:

- автобіографія (з дитинства і до кінця 2013 року);
- життя під час Майдану (до лютого 2014 року);
- призов на військову службу;
- відрядження в зону АТО;
- досвід використання різних видів озброєння та техніки;

- психологічні аспекти війни;
- становище Донбасу;
- особисте бачення ситуації в Україні та світі.

Вочевидь цей поділ дуже умовний, «запитальник» залишається відкритим і постійно розширюється. Під час інтерв'ювання певні запитання могли не задаватися, і навпаки, навколо окремих питань могла бути побудована переважна частина бесіди. Розповідь про участь у збройному конфлікті, природньо, займає домінуючу частину інтерв'ю. При опитуванні ми свідомо задавали мінімум питань для того, аби кожен респондент міг самостійно відтворити своє бачення війни і її місця у власному житті. Тому кожна історія є унікальною і носить підкреслено особистісний характер. При транскрибуванні ми намагалися максимально зберегти і передати авторський стиль мовлення, тому інтерв'ю подано мовою оригіналу із дотриманням особливостей та інтонацій оповідача.

На початку кожного інтерв'ю подано коротку інформацію про респондента: ім'я, рік народження, місце та форму служби, дату проведення опитування та реквізити інтерв'ю у фонді Рукописного відділу Запорізького відділення Інституту української археології та джерелознавства НАН України. Варто зазначити, що упорядники з розумінням поставились до небажання більшості респондентів вказувати своє прізвище та деяку особисту інформацію в друкованій версії і дотримали свою обіцянку.

До другого випуску «Усної історії російсько-української війни» увійшли 19 інтерв'ю військово-

вослужбовців 55-ї оабр, які впорядковані в тому порядку, як вони записувались. Кожну розповідь доповнено фотографіями, зробленими бійцями бригади особисто. У випадку, якщо світлину було взято з іншого джерела, це зазначається окремим рядком.

Наостанок хотілося б висловити слова подяки полковнику Сергію Брусову, підполковнику Ігореві Немінському та військовослужбовцям, які, незважаючи на надзвичайну зайнятість і втому, погодились дати інтерв'ю. Без них ця книжка ніколи б не відбулась. Ми переконані, що буде правильним присвятити її всім, хто стояв, стоїть і буде стояти на захисті нашої Батьківщини.

Героям слава!

ВІЙСЬКОВІ ТЕРМІНИ У ТЕКСТІ

«**Близнюки**» – військовий полігон поблизу м. Запоріжжя.

«**Блукаючий міномет**» – застосування міномету, що передбачає раптовий обстріл противника та швидку зміну позиції.

«**Буратино**» (ТОС-1) – російська вогнеметна система калібру 220 мм. Прийнята на озброєння в 1987 р. Дальність ураження – до 6 км.

«**Вата**» – зневажлива назва проросійських сепаратистів в Україні.

«**Вертушка**» – вертоліт (військовий жаргон).

«**Воєнник**» – військовий квиток (військовий жаргон).

«**Восьмидесятка**» (82-мм міномет, 2Б14) – радянський 82-мм міномет. Прийнятий на озброєння в 1983 р. Дальність ураження – від 85 м до 4 км.

«**Град**» (БМ-21) – реактивна система залпового вогню калібру 122 мм. Випускається з 1960 р. Дальність ураження – 5-40 км.

«**Десна**» (169-й навчальний центр) – навчальний центр Збройних сил України, розташований у смт. Десна Козелецького району Чернігівської обл.

«**Залізняка**» (рос. «железняк») – бронетехніка (військовий жаргон).

«**Зеленка**» — місцевість, вкрита деревами та кущами (військовий жаргон).

«**Кіборг**» — неофіційна назва українських солдат-захисників Донецького аеропорту.

«**Лейтьоха**» — лейтенант (військовий жаргон).

«**Мішка**» — танк (військовий жаргон).

«**Передок**» — передова лінія бойових дій (військовий жаргон).

«**Самовар**» — міномет (військовий жаргон).

«**Сепар**» — сепаратист.

«**Смерч**» (**БМ-30**) — реактивна система залпового вогню калібру 300 мм. Дальність ураження — від 20 до 120 км.

«**Тітушка**» — найманець, зазвичай спортсмен або злочинець, який використовується владою для боротьби з опозицією.

«**Ураган**» (**БМ-27**) — реактивна система залпового вогню калібру 220 мм. Прийнята на озброєння в 1975 р. Дальність ураження — від 8 до 35,8 км.

«**Уральські казарми**» — пункт постійної дислокації 55-ої оабр у м. Запоріжжя.

200-й (двохсотий) — умовне позначення в армії при транспортуванні тіла загиблого військовослужбовця до місця поховання, у ширшому сенсі — загиблого солдата. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

2А65 (Мста-Б) — 152-мм гаубиця на озброєнні України і низки країн СНД. Випускається з 1987 р. Максимальна дальність ураження — 28,9 км.

300-й (трьохсотий) — умовне позначення у армії при транспортуванні пораненого солдата, якого

вивозять із зони бойових дій. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

Артбригада — тактичне військове з'єднання, до складу якого зазвичай входить 5-6 дивізіонів.

АТО (антитерористична операція) — збройний конфлікт на частині Луганської та Донецької областей між регулярними частинами Збройних сил Російської Федерації і проросійськи налаштованими терористичними угрупованнями з одного боку, та правоохоронцями і Збройними силами України — з іншого. Офіційно розпочата 14 квітня 2014 р.

Батальйон — тактичний підрозділ чисельністю до 800 осіб.

Батарейя — підрозділ в артилерійських частинах та на кораблях у складі близько 6 гармат.

Безпілотник — літальний апарат, що виконує польоти без присутності людини на борту.

БК — боєкомплект (військовий жаргон).

Бліндаж — заглиблене в землю укриття, що має перекриття з вкритих шаром ґрунту балок.

БМ-ка — бойова машина (військовий жаргон).

БМП (бойова машина піхоти) — броньована гусенична машина на озброєнні у механізованих підрозділах.

Бруствер — укріплення з бійницями.

БТР — бойова броньована машина, призначена для транспортування піхоти.

Бусоль — геодезичний пристрій, що використовується для вимірювання магнітних азимутів, магнітних румбів та внутрішніх кутів.

«**ВОГ**» (рос. «выстрел осколочный гранатометный») — осколковий боєприпас для підствольних та автоматичних гранатометів. Розроблений у 1970-х рр.

Габатр — гаубична батарея.

ГАЗ-53 — наймасовіший радянський вантажний автомобіль, що випускався в 1961-1993 рр.

Д-30 (2А18) — 122-мм гаубиця на озброєнні України і низки країн СНД. Випускається з 1963 р. Максимальна дальність ураження — 15,3 км.

Дебальцевський «котел» — часткове оточення українських підрозділів російсько-терористичними військами в лютому 2015 р. в районі м. Дебальцеве Донецької обл.

Дивізіон — основний вогневий та тактичний підрозділ у військових частинах ракетних військ і артилерії, що включає 2-4 батареї.

ДРГ — диверсійно-розвідувальна група.

ЗІЛ-131 — радянський та російський вантажний автомобіль для армійських потреб. Випускався у 1966-2002 рр.

Іловайський «котел» — оточення та розстріл підрозділів Збройних сил України російсько-терористичними військами у другій половині серпня 2014 р. у районі м. Іловайськ Донецької обл.

Коригувальник — військовий, що безпосередньо веде спостереження за результатами стрільби та передає оновлені дані на вогневі позиції.

КПП — контрольно-пропускний пункт.

КУНГ — закритий кузов-фургон для вантажних автомобілів.

МТ-12 («Рапіра», 2А29) – 100-мм радянська протитанкова гармата. Випускається з 1970 р. Максимальна дальність ураження – 8,2 км.

Нуль – уявна лінія, що визначає межі державної території (іншими словами – державний кордон).

Омбр (окрема механізована бригада) – тактичне з'єднання, призначене для ведення самостійних бойових дій. Зазвичай має у складі самохідну артилерію.

ППД (пункт постійної дислокації) – територія з капітальними будівлями, призначена для тривалого використання збройними силами.

Південний «котел» (також «битва за кордон», «тримання кордону») – боротьба за контроль над ділянкою державного кордону України Ізварине-Кумачове. Тривала з 12 червня по 7 серпня 2014 р.

ПТУР (рос. «противотанковая управляемая ракета») – вид протитанкової зброї, що має кориговану траєкторію польоту, яка задається оператором або власною головкою самонаведення.

РГД-5 – (від рос. «ручная граната дистанционная») – протипіхотна уламкова граната наступального типу з діаметром ураження до 20 м.

РПГ – 1. ручний протитанковий гранатомет;

РПГ – 2. реактивна протитанкова граната.

САУ (самохідна артилерійська установка) – артилерійська система (найчастіше гаубиця) на саморухомій базі.

Сектор «Д» – район дій сил АТО вздовж російсько-українського кордону влітку 2014 р.

СКС (самозарядний карабін Симонова) – радянський самозарядний карабін калібру 7,62 мм, взятий на озброєння в 1949 р.

СОБ (старший офіцер батареї) – офіцер, що відповідає за виконання вогневих завдань батареї.

Тепловізор – електронний оптичний прилад, що служить для відображення температурних полів.

Ф-1 – протипіхотна уламкова граната оборонного типу з діаметром ураження до 200 м.

Черкаський полігон – військовий полігон для відпрацювання вогневих завдань поблизу смт. Черкаське Новомосковського р-ну Дніпропетровської обл.

«АТО – это же и есть война, хотя и говорят, что войны нет. Там совсем другая жизнь. Когда я назад приехал, пробыв там полгода, я был в шоке, поначалу все было дико. Там и здесь – это практически разные измерения»

Ім'я: **Андрій**
Рік народження: 1994
Місце служби: **55 оабр, 1 дивізіон, 3 габатр**
Форма служби: **контрактна**
Інтерв'ю записане М. Павленком
20 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.5.

Назвіться, будь ласка.

Андрій Васильович.

Де служите? Номер батареї, дивізіону?

Був прикомандирований до першого дивізіону, третьої батареї. Ми були друзі, хто поїхав у зону АТО, і хто найдовше був там, ми були там з дванадцятим квітня і приїхали восьмого серпня. Поїхала вся батарея під Донецьк, приблизно двоє суток пробули там, потім ми поїхали під Гуляйполе, там побули. Нас відібрали там. Нас з офіцерами було двадцять п'ять чоловік, у нас чотири гармати було, на гарматі три чоловіка: командир гармати, наводчик і один номер обслуги.

А по штату скільки повинно бути?

У штаті вісім чоловік з водієм.

Тобто, замість восьми було троє, а з чим це пов'язано?

З тим, що нас не пропустили туди. Ми їхали колоною, за нами почали спостерігати, а потім

перекрили нам дорогу і супроводжували аж поки ми приїхали на місце дислокації.

А хто перекривав, як це все відбувалося?

Дончани, місцеві цивільні особи.

А хто, молоді чи старі?

По-різному: і молоді, і старі. Ми їхали туди — в нас і камінням кидалися... Були люди, що нормально реагували на нас, а були, що поводитись, як наче ми їм чужі.

А як ти думаєш, вони вийшли добровільно, чи їх хтось напоумив?

Їх настроїли, тому що навіть в міліції щось було не так, у них настрій за Росію. Навіть розмовляли там з одним, він підійшов до нас, типу: «Чого ви туди їдете?» «Охороняти кордон». А він типу: «Росія, вперед!» Я йому задав питання: «Якщо тобі Росія така гарна — їдь туди, там і живи». А він: «У мене робота тут, дім». «Ну так, а чим тобі тут погано, в Україні, якщо у тебе тут робота і дім»...

Це все міліціонер казав?

Ні, це цивільний. Міліціонери особливо не розмовляли...

Потім ми до червня були під Амвросіївкою, потім ми поїхали в район Зеленопілля. Там уже почалось дійсно, почали окопи рити, бо десь у другому місці з міномета обстріляли були, ну і ми вже почали окопи рити.

Рили вручну, чи техніка якась була?

Ні, ми постійно вручну рили. Потім ми поїхали із Зеленопілля в Свердловськ, там уже було все по-серйозному, навіть коли перемир'я було — ми

не стріляли, а по нам стріляли. Виходить, почалось перемир'я, з ПТУРа попали в БМП і три «трьохсотих» зразу... Потім після Свердловська ми поїхали в Краснодон, Ізварине, там більш-менш нормально було (до нас не діставало просто, ми на висотці були), а потім їхній коригувальник вичислив все це – і вже почали по нам з «Градів» работать.

Часто обстрілювали?

Біля Краснодону під кінець почали добре работать, і уже повинна була піхота йти на нас. Нам просто нічого не лишалось робити, ми пішли звідти, там лишилися друзі з першої бригади (піхота), з Білої Церкви, вони ще там залишались, але їх розбили повністю. Вони там пішки виходили, там з товаришем зідзвонювались, він розказував... Потім ми поїхали у Д'якове, попали в оточення. Літак, який нам скидав боєприпаси і сухпайки, був збитий, тоді вже на залишках були, вже практично і не стріляли, бо по нам били дуже чітко, не десь поряд, а саме там, де вогнева була, де окопи. Розриви були у радіусі п'яти метрів від окопу. Був випадок: нам «КАМАЗ» привіз на вогневу боєприпаси і через пару годин по тому в «КАМАЗ» зразу попало, з першого разу. Це у нас був перший «двохсотий» і один «трьохсотий». На вогневій всі вижили, нормально, не попало. Потім ми перебралися на два чи три кілометри далі, там місцевість посадкою закривалась, безпечніше було, але все одно по нам работали регулярно, вночі, щоночі «Гради», вдень теж. Потім вже, коли на свободу аж шостого серпня почали виходить, нас почали обстрілювати «Градом». А нас

йшла колона, там всі йшли: і піхота, і десантура, погранці [*прикордонники – ред.*], всі йшли, більше тисячі чоловік йшло. Це було чи о п'ятій, чи о шостій вечора. Перед очима далі двох метрів нічого видно не було, тому що все було у вогні, все в диму. Приїхала одна машина наша, бо остальні влетіли в розрив і не могли виїхати. Одна машина наша, там три чоловіка було: майор, сержант і старший сержант (старший сержант – це водій, сержант це був командир гармати, і майор – це замполіт був), вони, виходить, не туди поїхали і заблукали, нарвались на блокпост, водія в полон взяли, він вижив. Уже тут, може приблизно через місяць повернувся, а тих двох чоловік через два місяці тіла привезли, похоронили, два місяці шукали тіла...

А хто по вам работав?

По нам донські козаки работали.

А тобі особисто доводилось стикатися з цими козаками?

Ні, було таке, що наші хлопці з піхоти або з десантури брали їх в полон. Вони більше казали, що їх змусили, такі були, що їх до дерева прив'язали, а наші їх зловили, а так особисто не стикався.

А розкажи детальніше за оточення: як ви туди потрапили, як вибирались звідти?

Потрапили ми туди після Ізвариного, Краснодону, поїхали на Д'яково і там по нам почали стріляти. В основному з Росії по нам стріляли, з нульовки (це кордон) в основному звідти стріляли, ну і з другого боку стріляли, але в основному – з нульовки.

А чим стріляли, з якої зброї?

В основному були «Гради» і снаряди сто п'ятдесят два міліметри, було навіть чути, коли близько працюють «САУшки» їхні, але в основному «Гради». Перед цим я розказував як виходили: більше тисячі чоловік, техніка, все в диму, у вогні, початок шостої вечора, шостого серпня, а воно далі двох метрів видно не було. Машини взривались на очах, люди там...



*Нагородження бійців 55-ої оабр
після виходу з Дякового*

Ти казав за перемир'я...

Ми не можемо порушити договір, тому ми не стріляли, а їм все одно, тому жодне перемир'я не дотримувалось.

Тобто у вас був боєкомплект, ви знали куди бить, просто не було команди?

Да.

[Після короткотривалої паузи].

Вы были в окружении двадцать восемь дней?

Ну, приблизительно так.

А чем вы питались?

В принципе, тем, что давали, бывало сухпайки нам давали, были они, потом все по минимуму — каши чуть-чуть, воду пили дождевую или техническую, ну, как в окружении. Курили пшеницу с поля и ели, пацаны варили, питались ею, потому что того, что давали, не хватало для организма.

А как вообще с обеспечением?

Тогда у нас таких проблем не было. Поставляли не особо, сейчас уже полностью, и волонтеры помогают, а тогда же ничего не было, тогда только начиналось все, не было волонтеров тогда, нам было очень туго.

А с одеждой как?

Что-то сами шили, что-то с дому высылали родители, сами покупали... Да что там, родители все передавали. Это ж только сейчас все это расширилось, волонтеры... Тогда мы же еще дома были, это в мае сделали АТО, а до этого два месяца была подготовка. Пока было время — подготавливались.

А как проходила подготовка?

Занятия на орудиях были.

Стреляли?

Сперва нет, а потом, когда выехали на Черкасский полигон — тогда да, там постреляли. Я по штату

водитель-электрик, а меня поставили наводчиком, я до этого времени ни разу с оружием не управлялся, но научился, сейчас вот еду в свою батарею командиром орудия.

А сколько тебе лет?

В этом году будет двадцать один, сейчас двадцать. Свои двадцать лет я там встречал, с девятнадцати я там.

Как отметил День рождения?

Да ну как, в принципе, нормально, обстрела не было тогда. С десантурой нормально общался, с пацанами, они подарили сгущенки, мы тогда в поле были, у нас даже сигарет не было...

А как складываются отношения с командирами?

Если человек нормальный, если нормальный солдат, то у него, понятное дело, будут нормальные отношения и с офицерами, и с сослуживцами. Вот у нас батарея была — ни про кого ничего плохого сказать не могу, я рад, что мне так повезло с ними.

А с кем из ребят наиболее тесно общаешься?

В принципе, со всеми, просто сейчас половина поразъезжалась временно. Вот у меня командир орудия был, Сиротин, вот мы с ним последнее время, когда он был жив, вообще плотно общались, мечтали, что приедем домой... Он не доехал... В принципе, в бригаде я со всеми общаюсь, просто я человек такой, могу подход найти к людям. Иногда, конечно, бывают разногласия, именно по мелочам, ведь мы в такой ситуации находимся, терпение у всех не железное. Поговорили пару минут, выслушали друг друга, и все, через две минуты уже все нормально.

Как вы называете между собой этот конфликт? Это АТО, война? Что это?

Я даже не знаю, говорим просто — «АТО», а как по-другому? Война, АТО, ну это же и есть война, хотя и говорят, что войны нет. Там совсем другая жизнь, вот когда я назад приехал, пробыв там полгода, я был в шоке, поначалу все было дико, там и здесь — это практически разные измерения, дома, тут — все странно.

А в чем различия?

Там совсем по-другому: там другие ценности, жизненные обстоятельства...

Какие ценности ты приобрел там?

Раньше я из-за какой-то мелочи думал, что это проблема. Там я понял, что это не проблема...

Ты полгода был в АТО без ротаций?

Ну, я просто отличился, у меня со спиной проблемы были.

Ранение?

Нет, просто травма позвоночника. Я поправлял здоровье, ездил в Одессу в госпиталь, отношение там отличное, ни денег не просили, ничего, есть все лекарства, все.

А с питанием как?

«Атошникам» там даже улучшенное питание: мясо дополнительно давали, сок, печенье.

А после госпиталя как? Снова в АТО?

В принципе, я в батарее управления, связь и тому подобное, я там был...

Ты по контракту служишь?

Да, по контракту. Срочную я не служил, сразу на контракт в военный госпиталь. Потом же его

расформировали, и я третьего февраля прошлого года сюда перевелся, здесь и остался.

Как настроение перед выездом?

Позитивное. Самое главное — не думать о плохом, настраивать себя на лучшее, иначе, если бы я настраивался на худшее, то я бы не поехал. Если думать о плохом, то смысл тогда жить?

Как родители относятся?

Когда они узнали — то были категорически против, их реакция меня, конечно, не радует.

Ты смог их переубедить?

Переубедил, но все равно, они пытаются уговорить меня, чтобы я не ехал. Но я уже принял решение.

Ты с ними поддерживаешь связь постоянно?

Да, телефон с собой, от генератора заряжали, вот только последние три дня не могли, потому что там связь глушили.

Приходилось ли тебе видеть факты мародерства, дезертирства?

Нет, у нас такого не было. Единственное, что — два «двухсотых». А так — кто приехал, тот и уехал, вместе. Мародерства тоже не было. Когда мы остановились в Степановке, когда выходили, там был магазин разбитый, так командир приказал ближе двадцати метров к нему даже не подходить, чтобы потом никто не сказал, что мы мародеры.

С ребятами из других частей, других родов войск, тебе приходилось общаться?

Да, по всей Украине сейчас полно знакомых, друзей. Мы все же вместе были. И с Белой Церквы,

и с Киева, и со Львова, и с Днепропетровска, практически вся Украина.

А как складываются межрегиональные отношения? Нет раздела на «східняків», «западенців»?

Нет, все зависит от человека. Если человек нормальный — то он просто нормальный, неважно, откуда он. Ну, в принципе, все ребята, с других бригад там с нами были, со всеми общались, поддерживали отношения, да и до сих пор созваниваемся.

Как ты думаешь, долго ли еще продлится эта война?

Честно сказать, не знаю, но что-то подсказывает, что по ходу долго. Конечно, хотелось бы надеяться, что это будет последний год.

Назови главную причину, почему мы победим?

Потому что Украина — единая страна. Украинская армия уже доказала, что много чего может, даже если просто сравнить количество людей, которое было в армии раньше и сейчас, наши люди нормально держатся. Просто если бы не было российских «гуманитарных конвоев», если бы им не поставляли технику — то эта война бы уже давно закончилась.

*«Поначалу сепары нас
особо не уважали, называли
нас «укропами», говорили,
что мы недостойны.*

*А потом, когда они
поняли, что мы не уходим,
когда они увидели, что
мы пережили, — они
реально нас зауважали и
поняли, что мы реальная
украинская армия с
высокой боеготовностью»*

Ім'я: **Володимир**
Рік народження: **1991**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр³**
Форма служби:
контрактна
Інтерв'ю записане
М. Павленком
20 лютого 2015 р.
**РВ ЗВ ІУАД. — Ф.29. —
Оп.1. — Спр.6.**

Назвись, пожалуйста.

Меня зовут Владимир, я военнослужащий пятьдесят пятой отдельной артиллерийской бригады, шестой батареи второго дивизиона.

Какого ты года рождения?

Девяносто первого.

А где родился?

Родился я в Никополе.

Расскажи немного о довоенной жизни.

Детство было бурное, веселое, много чего интересного происходило, много было негатива и позитива в то же время. Учился я в интернате, закончив его, пошел в университет, но по некоторым обстоятельствам был оттуда исключен.

Запорожский национальный университет?

³ На момент запису інтерв'ю Володимир перейшов зі складу шостої батареї другого дивізіону до другої батареї першого дивізіону.

Да, исторический факультет.

Сколько ты там проучился?

Примерно месяцев семь или восемь.

В общем, не срослось?

Да, не срослось, не моя профессия. Я и до этого понимал, но в интернате настояли, что мне стоит пойти в университет. Для поднятия их репутации.

Расскажи о позитивных моментах из своей прежней жизни.

Самое позитивное воспоминание — это когда я впервые попал в зоопарк, когда нас возили в Ялту. Это было что-то незабываемое. Также остались воспоминания, как я принимал участие в духовом оркестре, тоже мы везде ездили, давали академконцерты, своего рода соревнования между разными оркестрами. Когда-то наш оркестр занял второе место — это тоже одно из самых ярких, так сказать, воспоминаний.

Как бы ты мог охарактеризовать жизнь в интернате?

Интернат раскрыл мне глаза на многие вещи, мышление стало другим, потому, что до интерната я был балованным дитяем, на учебу мне было плевать, не было никакого стремления учиться. Хотя состав ума позволял, но по некоторым семейным обстоятельствам у меня не было никакого желания учиться, больше прогуливал... Просто в детстве чего-то недодали, когда я был совсем маленьким, потому я пытался это все сам себе сделать. В интернате, конечно, были хорошие преподаватели, которые мне указали, что это неправильный путь, что нужно менять свою точку зрения.

Ты помнишь своих родителей?

Да.

Они живы?

Мать умерла, а отец живет с другой семьей, у него теперь своя семья, две дочки есть — одна родная сестра, а вторая, как бы, двоюродная, что ли.

Ты с отцом поддерживаешь отношения, он знает где ты сейчас находишься?

Да. Поначалу, когда я только пошел в армию, бабушка и отец негативно относились к тому, что я выбрал такую профессию, они хотели, чтобы я пошел учиться, нормально закончил какое-то заведение, и чтобы жизнь не была связана с армией. Но каждый решает сам для себя, чего он хочет и как он видит себя в будущем. У меня дед военный, отец — милиционер, и мне от деда, можно сказать, передалось, я пошел по его стопам.

В интернате знают, что ты сейчас воюешь?

Да, но я там уже давно не был. Раньше хотелось съездить, а сейчас особо и желания нет. Те преподаватели, с которыми я поддерживал отношения, уже ушли, там уже новые, уже не то.

Ты не служил срочку, сразу пошел на контракт?

Да, я сразу по контракту. Когда меня отчислили из университета, я думал, чем мне заниматься в этой жизни: я тогда гулял, встречался с девушкой, и она мне посоветовала, чтобы я шел в армию, чтобы мы были рядом друг с другом, чтобы расстояние нас не разделяло, и вот я пошел в армию... У меня было два варианта: либо ехать учиться в Донецкую

область, либо пойти в армию — девушка дала мне стимул пойти служить.

Как проходила довоенная служба?

Весело. Много было познавательного, интересного. По крайней мере, теперь будет, что рассказать детям. Даже не о той ситуации, что сложилась сейчас, а о том, как я раньше служил.

Скажи, в период Майдана ты принимал какое-то участие в общественной деятельности?

Тогда я толком не знал, не уделял особого внимания, у меня не было единой мысли по этому поводу. Я колебался в своем мнении. А потом, когда второго марта объявили в части тревогу, мы поехали в Херсонскую область, когда начали происходить эти все действия в Крыму, и тогда я стал размышлять о Майдане. Каждый человек хочет свободы, независимости, каждый хочет сделать для себя лучше, но на Майдане было не полностью все обдуманно, не было какой-то стратегии снятия Президента, нужно было делать как-то обдуманней, что ли...

Спонтанно как-то все получалось...

Да, спонтанно, и эта необдуманность привела к той ситуации, что у нас сейчас происходит.

А как вы между собой называете то, что сейчас происходит?

Ну, Президент и Верховная Рада говорят, что это АТО...

А вы?

Между собой мы считаем, что это война. А что это еще? Если тут есть две стороны: Украина

и Россия. Россия идет со злыми намерениями, со своими планами, производит жертвы со стороны Украины, и при этом отвергает все, будто бы это не она... Информационная война, да, молодцы, хорошо постарались... Реально сейчас идет война, а наши политики пытаются это скрыть, я не знаю, может они на этом денег пытаются заработать. Я лично считаю, что это настоящая война, а не какая-то АТО. Придумали словосочетание и думают, что люди верят, что оно на самом деле так...

Как ты считаешь, в чем заключаются причины этой войны?

Ну, первое — это то, что на войне некоторые влиятельные люди просто отмывают деньги, даже не некоторые — это большинство влиятельных людей. Ну и вторая причина — это просто, грубо говоря, захват земли, ведь Донецкая и Луганская области имеют очень большие полезные ресурсы.

А что послужило толчком для начала войны?

Началось оно все с Крыма, а потом и «Донецкая народная республика» откуда-то взялась, хотели провести «референдум», запросили помощи у России... Я думаю, что это было спровоцировано, ведь люди живут, никто никого не трогает, а тут бац — и хотят стать отдельной «республикой». Мне кажется, что для этого в Донецкую и Луганскую области были запущены специально обученные люди, которые сагитировали народ на все эти действия, на создание «республики».

Можно ли говорить, что там собрались обычные «шахтеры и трактористы»?

Вряд ли обычные люди смогли бы. Я думаю, что их прислали с России и специально подготовили, чтоб они спровоцировали население на начало войны.

Тебе приходилось общаться с противниками?

Нет, я их видел, но у меня нет никакого интереса с ними общаться, они у меня вызывают ненависть, мне не о чем с ними говорить...

Ладно, давай вернемся к началу войны. Ты говорил, второго марта вас отправили в Херсонскую область?

Да, мы были недалеко от Чонгара, у нас были там свои огневые позиции, мы должны были отражать прорыв с той стороны, чтобы враг не прошел дальше.

Опиши бытовые условия в тот момент, когда вы стояли возле Чонгара.

Там были очень хорошие бытовые условия. Мы туда только заехали, в Новотроицк, сразу через пять минут понаприезжали местные жители, понапривозили нам всего: воды, еды, все. И так вот в каждом месте, куда мы приезжали — люди съезжались и привозили. Там было все: вода, еда, электричество, особых проблем не было. Бабушки даже приготовили борща горячего. Сразу нас свозили в баню, все замечательно, жаловаться на бытовые условия не приходится.

А жили где? В палатках?

Да, но мы постоянно маскировались, маскировали технику, все время нашу бригаду находили в последнюю очередь.

С местным населением у вас отношения сложились хорошо?

Да, но бывали исключения. Например, напротив того места, где мы расположились, был забор, и на заборе были написаны некультурные вещи в нашу сторону. А так стычек напрямую с местными у нас не было.

Сколько ваша батарея пробыла на Херсонщине?

Ну, получается, март, апрель, май, июнь — грубо говоря, четыре месяца. А потом приехали в Днепропетровскую область на ППД.

Что это такое, ППД?

Пункт постоянной дислокации. Мы там были временно, разместились и подготавливались к выезду в Донецк или Луганск. Получается, там выехала первая батарея (мы были второй батареей) и была еще третья батарея. Третья выехала раньше всех, потом первая, а потом мы, через недели две выехали.

Это примерно в начале августа?

Примерно в июле. Мы там недолго пробыли, около двух месяцев, и в августе приехали сюда после ротации. Это была как бы первая поездка в АТО. После этого у нас были отпуска, а в сентябре снова был выезд.

В районе каких населенных пунктов была ваша батарея?

В районе Амвросиевки. Грубо говоря, мы стояли на границе с Россией, недалеко.

Тогда уже вас обстреливали?

Первые полторы или две недели были такие обстрелы, не особо...

А с каких видов оружия по вам стреляли?

Начиналось все с минометов, «восьмидесятка» работала по нам. То есть первые две недели мы пережили более-менее, а потом уже по нам начал работать взвод минометов, и дальше по нарастающей. И вот, когда мы эту минометную батарею накрыли, — начался «кипиш», что, мол, Украина ведет огонь по российской территории. С того момента по нам уже начали с России и «Грады» стрелять, и «САУшки», и гаубицы, и минометы... Такое...

Получается, сами сепары обстреляли российскую территорию, и...

Да, с России начали по нам стрелять, это у них было продумано. Такая провокация.

А когда это было примерно?

Ой, я если честно... В начале лета, в июне.

А дальше?

Мы не отступали, мы, держали до последнего, пока у нас были возможности. Нас полтора месяца жестко накрывали, но мы все равно давали «ответку», прикрывали дорогу, которая идет в сторону России, чтоб эта «гуманитарная помощь» не прошла. Потом, когда доставили эти фуры с боеприпасами, как говорится, вообще стало жарко, нас постоянно накрывали, а команды вывести нас не было, не выводили... Сказали держать позиции, мы держали, сколько могли. Поначалу сепары нас особо не уважали, называли нас «укропами», говорили, что мы недостойны. А потом, когда они поняли, что мы не уходим, когда они увидели, что

мы пережили, — они реально нас заужавали и поняли, что мы реальная украинская армия с высокой боеготовностью.

А вот ты лично как к ним относишься?

Негативно. Они у меня вызывают только негативные эмоции.

То есть в районе Амвросиевки ты впервые попал под обстрел?

Да. Потом Дебальцево. И третий раз тоже под Дебальцево. Там были новые ощущения. Под Амвросиевкой, на границе, там мы ощущали максимум «Грады», а в Дебальцево уже были и «Смерчи», и «Ураганы», «Буратино», видели снаряды, которые к нам прилетали.

То есть, по сути, русские испытывают на украинцах новые виды своего вооружения?

Да. Однажды я увидел, когда со своим расчетом стоял на посту, как с района Горловки пошел залп, шесть запусков. Доложил. Они накрыли периметр. Потом уже ближе к нашим окопам ударили, почти по нашей огневой. Это началось примерно с трех часов и вот так до пяти нас щемили теми снарядами. Я не знаю, что это были за снаряды... Мы сидели в окопе, а снаряд рядом с окопом упал, метров за пятнадцать, он вошел в землю и у нас в окопе такая невероятная отдача была, вот так тряслось все. Утром, когда мы вылезли, мы реально увидели, что, если б оно попало в бруствер, — то нам бы была хана, засыпало бы. Когда просто «Град» — то оно оставляет такую яму небольшую и идет кумулятивная струя, а это специально для

брустверов подготовлено, там такие глыбы земли вылетали, по пятьдесят сантиметров, что в длину, что в ширину. Вот так вырывало из земли. Когда мороз минус двадцать и земля мерзлая, а там такие глыбы повырывало...



Воронка від вибуху та осколки ворожого снаряду

То есть он не взорвался, а зарылся в землю?

Он взрывается в земле. При том земля была такая, что невозможно выкопать окоп, рыли экскаватором. А тут просто ракета залетела. Я не знаю, я такое в первый раз увидел.

Страшно было?

Конечно, страшно. Сидишь в окопе, у тебя все тело трясется, коленки трясутся, руки, все трясется

и ты уже просто не знаешь куда себя деть, у тебя начинается паника. Ты уже думаешь: пускай оно или в окоп попадет, где ты сидишь, или пускай уже быстрее прекращается...

Сдают нервы...

Да, нервы сдают после первого раза. Уже когда побываешь — не так страшно. Страшно — когда нет уверенности в себе, в своем бруствере. А когда ты уверен — то особого страха нет.

Давай вернемся к Дебальцево. Там было окружение, или нет?

Было-было, там пускай говорят, что не было «котла»... «Котла», может и не было, но по нам стреляли с трех сторон, только со стороны Артемовска не стреляли, а так огонь велся плотно, по кругу, грубо говоря. Вот как «котел» есть — так и стреляли.

Сколько дней это все длилось?

Я точно не скажу, мы приехали, поменяли своих пацанов, чтоб они отдохнули, а так особо не скажу.

Как с провизией было в окружении?

По-разному, что есть — то и есть. Вот под Амвросиевкой иногда могли и не есть, потому что не было воды, с питанием было туговато. Первые две недели сухари кушали, а потом уже и на этом наша лафа закончилась... Когда еще была открыта «дорога жизни» — привозили нам что-то там с Амвросиевки, а потом стало уже туговато. Экономили провизию. А в Дебальцево нам, в принципе, хватало и еще местному населению давали, все было — и хлеб был, и все. За это, конечно, спасибо волонтерам, они нам там очень сильно помогали.

Часто приїзжали?

Не то чтобы часто, но когда приезжали, — привозили нормально. В Дебальцево нам волонтеры помогали очень даже хорошо, все пацаны благодарны волонтерам, что они нам помогали, уделяли нам свое внимание, не боялись к нам туда приезжать, вообще молодцы, сильные ребята.

Какая роль командования в поставках?

Все на волонтерах. Штаб — это одно, а вот что волонтеры нам поставляли — это уже совсем другой разговор.

Скажи, такой вопрос: чем для тебя лично является перемирие?

Перемирие — это та же война, только еще хуже. Потому что когда объявляют перемирие — оно вечно заканчивается в два раза тяжелее, чем обычные военные действия.

То есть, по вам бьют...

Да, а мы отвечать не можем.

Как девушка реагирует на твое пребывание в АТО?

Дома ждет, а туда, как бы... Пускай дома сидят девушки, детей воспитывают.

Ну, мы по-любому победим?

Мы — сильный народ, мы обязаны победить.

*«Ну что, пацаны,
"САУшки" мы пережили,
минометы пережили,
артиллерию пережили,
"Грады" пережили,
осталось еще авиацию
пережить и можно
сказать, что мы все
прошли»*

Ім'я: **Віталій**
Рік народження: **1989**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 3 габатр⁴**
Форма служби:
контрактна
Інтерв'ю записане
М. Павленком
20 лютого 2015 р.
**РВ ЗВ ГУАД. – Ф. 29. –
Оп. 1. – Спр. 7.**

Назвіться, будь ласка.

Віталій.

Якого Ви року народження?

Тисяча дев'ятсот вісімдесят дев'ятого.

Де служите?

П'ятдесят п'ята окрема артилерійська бригада,
другий дивізіон. Командир четвертої гармати.

Звідки Ви родом?

Запорізька область, Вільнянський район, село
Новософіївка.

Как Вам удобней: на украинском или на русском?

Лучше на русском.

Расскажите о своем детстве.

Детство у меня было, наверное, как и у всех
остальных, обычное, ничего такого сверхъесте-
ственного. Детский садик, школа, училище, армия,

⁴ На момент запису інтерв'ю Віталій перейшов зі складу дру-
гого дивізіону до першого дивізіону.

срочная служба, работа на гражданке... Ну, а потом контракт подписал, в 2013 году, в начале года.

Расскажите о школе.

В школе я был ни отличник, ни двоечник — когда как, в зависимости от того, хотелось ли мне учиться. Закончил девять классов в 2005 году, хорошист. Пошел учиться в железнодорожный лицей, который закончил в 2008 году.

Здесь же, в Запорожье?

Да, Запорожский железнодорожный лицей. Там же, рядом с лицеем, есть завод, я на нем поработал до 2009 года. В 2009 весной призвали меня на срочную службу.

В каких городах Вы служили?

Чернигов и Днепропетровск. Потом пришел со срочки, устроился опять на этот завод, проработал там около двух месяцев, платили плохо, как обычно в общем. Пошел потом работать на наружную рекламу, потом еще на дядю какого-то, по запчастям, потом устроился на «Мотор[Сич]». На «Мотор[Сич]е» проработал года полтора, а потом что-то так захотелось пойти послужить, пошел, подписал контракт в 2013 году. Ну, и по сегодняшний момент нахожусь на контракте.

Как Вы попали на контракт?

Да как, пришел в военкомат: «Здравия желаю! Я хочу служить. Есть возможность?» «Да». Предложили десантуру в Днестре, ПВО, морскую пехоту в Симферополе и вот здесь вот артиллерия в Запорожье.

Я прикинул, зачем я буду куда-то соваться, тут рядышком лучше. Сюда приехал, меня отправили в

ремонтную роту, по профессии, сварщиком. Подписал контракт я восьмого января 2013 года. Первого марта я уехал в командировку, в Новобогдановку, на разминирование. Вернулся я оттуда аж в сентябре, все это время я находился там.

Первый год контракта, весна — осень, а я где-то там тусуюсь. Живу я сам дома, родители отдельно живут, следовательно у меня газа нету дома, печное отопление. Дрова я не заготовил. Огород, само собой, не посажен. Ротный все время подкальывал, мол, посади себе там картошку на Богдановке, выкопашь, а мы тебе привезем. Зиму еще как-нибудь (пока были деньги, запасы какие-то) перекочевал. Денег не хватало. Зиму перекочевал. А с восьмого марта 2014 года началась АТО, уехал по командировкам. Вернулся восьмого августа только. Потом опять поехал. Сейчас вот тоже, когда приеду — не знаю.

А первый раз где были?

Первый раз мы поехали в Луганскую область, под Дьяково, это на границе с Россией. До границы там буквально пять километров оставалось. По пути, когда мы туда ехали, на нас напала пехота, начался обстрел, благо, обошлось без потерь, там только один «трехсотый» был, легкое ранение. Мы отбились, они ушли...

Приехали, заняли огневую позицию, первый месяц было все нормально. Нас практически никто не обстреливал, все было хорошо, мы вели работу, обстрелялись там, все нормально, выполняли свою задачу.

А потом что-то началось не так. То где-то разведка пропустит миномет, он потом с другой стороны зайдет, но все было хорошо.

А потом начали нас уже с России обстреливать, с нуля, «Грады», артиллерия... С этого времени пошли печальные новости: в соседней батарее был офицер, капитан Белокобыльский, снаряд рванул — его убило. Еще одного человека ранило, оторвало треть мышцы, то есть, человек теперь инвалид. На тот момент у нас уже было два «трехсотых».

Первый раз, когда нас «Градами» обстреляли, задело человека. Получается, он был в одном окопе, а рядом поставили миномет, он решил перейти туда. И в этот день, часов в одиннадцать или двенадцать начался обстрел «Градами», ему осколком задело ногу, ступню. Его вывезли.



Пошкоджена внаслідок обстрілу гармата

Потом были моменты, что нас обстреливали с артиллерии, одного тоже ранило. Причем попадание было не в окоп, а рядышком, но осколки пошли в окоп. Он единственный, кто одел броник, и его единственного, кто был в бронике, зацепило осколками. Тем, кто был без броников — ничего, а его задело.

А перед этим я ходил с товарищем в соседний окоп. Я еще когда шел — думал, что сейчас какая-то фигня начнется. И уже когда назад шел, мне до окопа оставалось метров десять, у меня за спиной метрах в пятидесяти рванула «градина». Меня, получается, то ли волной, то ли не знаю как, закинуло в окоп, я так и не понял что произошло. Именно в тот окоп, где ранило пацана. Я пережил весь обстрел там... Честно сказать — я думал, что я с ума сойду. Во-первых, я понимал, что этот окоп [никакой] не окоп, там вот крышка этого стола будет посильнее, чем то, что там было насыпано. Во-вторых, он был очень мелкий, я с него видел, что происходило наверху. В любой момент туда могла залететь градина и, наверное, от меня бы [ничего] не осталось.

В промежутке между обстрелами я перебежал в свой окоп и, сидя уже в своем окопе, я успокоился, я чувствовал, что все хорошо. А до того я просто оцепенел, заляк, ничего не соображал, сидел и смотрел в одну точку... Вот с тех пор у меня начались проблемы морального характера. Очень сильный испуг.

Потом, когда мы возвращались, из штаба сектора (сектор «Д») сказали, что Дмитровка наша, там

есть переправа, ежайте туда, там переедете. Восьмого августа мы приехали в часть, а с шестого на седьмое мы были на переправе, возле Дмитровки. Так вот, там речушка такая была, метра два с половиной шириной, замуленая такая, машины не смогли бы переехать, там даже танк не смог бы. Когда мы туда приехали — увидели, что понтон, который служил для переправы, скажем так, утонул. Мы начали потихоньку восстанавливать эту переправу, пришлось даже кидать туда снаряды, правда, без зарядов, чтоб сделать платформу, чтоб машины не провалились.

Дело шло к ночи, [ничего] вообще не видно, свет включать нельзя, потому что мы понимали, что сразу же спалимся, что мы тут есть. Было принято решение пойти в зеленку, попробовать отдохнуть. Собрались в кучку, вся батарея, легли в зеленке, где-то около часу ночи по нам начала работать артиллерия. Причем она работала именно с Дмитровки. Поработали по нам примерно с полчаса, мы думали, что на этом все. Потом начали по нам работать «Грады», было шесть или семь залпов, а в одном пакете сорок снарядов. Причем с каждым разом били все ближе и ближе. И вот представьте такое состояние. Ты лежишь, понимаешь, что тебе уже деваться некуда, прятаться некуда, потому что ни окопов, [ничего] нету, просто деревья и земля, все. Не знаю кто как, но я раз пять уже прощался с жизнью, это был полный... Ну, слава Богу, часа в четыре они вроде успокоились, плюс наши им дали чуть-чуть пилюлей, подавили их огонь.

Потери большие были там, на переправе?

По поводу потерь, я вам честно сказать не могу. У нас был только один «трехсотый». Сначала он был средний, а потом стал тяжелым.

Почему?

Есть такая [штука] как «Ибупрофен», это сильное обезболивающее, но оно действует не сразу, а примерно аж через полчаса. Нам не объяснили, что его нельзя много колоть. Допустим, возле этого раненного рядом пять человек: один вколол ему, но лучше не становится, больно и больно, через десять минут еще вкололи... Короче, его так накачали, а минус этого медикамента в том, что он снижает давление и таким образом замедляет кровотечение. Ну ему и накололи этой штуки, [парень] аж побледнел, ему стало [плохо], стало тошнить и тому подобное...

Вот, и он из среднего стал тяжелым. Слава Богу, довели его...

Куда было ранение?

Ранение было в плечо (там дырка такая была [большая]) и немного ногу посекло. Тоже... Ехали по этой грунтовке, она [разбитая] в хлам, его в машине растрясло. Слава Богу, когда выехали уже на ровную дорогу – его забрала скорая, отвезли, все хорошо.

А где это кольцо было?

Сектор «Д» – Иловайск, Луганск, Дьяково...

Это так называемый Иловайский «котел»?

Ну, рядышком. Я так понимаю (судя по той информации, сколько я читал по поводу Иловай-

ска), что на тот момент командование, которое отпратило пацанов в Иловайск, рассчитывало на войска, которые находились в секторе «Д», то есть наша артиллерия, пехота, десантура и тому подобное. Они рассчитывали, что нас выведут оттуда и поставят в тылы, чтобы мы прикрывали Иловайск. Но получилось, что когда мы выходили — у нас были колоссальные потери техники, у нас оттуда вышли только «КАМАЗ», «КРАЗ» и столовка. Из шести «КРАЗов», четырех или пяти «КАМАЗов», шести орудий, одного «ЗИЛа», столовка и еще, по-моему, бензовоз. Из этого всего только три единицы техники вышло, и то те, которые с личным составом ехали. Представьте, это мы, артиллерия, где минимальное количество техники. А там была пехота, была разведка, десантура...

Ну, я рассказывал, что в три часа утра начали по нам вести огонь с артиллерии, мы кинулись врассыпную, кто куда, кто в какую машину залез — в той и поехал. Некоторые пацаны потерялись, они ехали отдельно от нас. Они рассказывали, что ехали на броне, на танке, а сзади ехал «КРАЗ», а в нем личный состав находился. Они, получается, попали под пулеметный огонь, прорвались. Потом остановились посмотреть, что там с пацанами... Процентом восемьдесят — ...

Погибли?..

Погибли. Представьте...

Когда мы вышли из окружения — сложилась такая ситуация, что нам реально нечем было стрелять. Что нам делать? Мы ж не пехота... Мы все

(кто вышел) поехали по частям на ротацию, скажем так.

После этого мы восьмого числа уже были в части, нам дали двенадцать или шестнадцать дней полный отпуск. Тут мы с психологами пообщались, у нас поспрашивали как у нас там дела, такое... Потом нас вызвали двадцать девятого августа, надо было поменять первую батарею (они вроде под Дебальцево стояли). Нас туда никто не заставлял ехать, мы выезжали по принципу «хочешь — не хочешь». Я сначала думал поехать, а потом что-то я передумал... Ну, короче, я не поехал, поехали другие пацаны. Ну, слава Богу, все хорошо, батарея вернулась, они сходили в отпуск, поменяли наших... И вот в ноябре наша батарея должна была менять первую. Я подумал и решил ехать туда. А перед этим я обращался к врачам по поводу того, что у меня там было, в Луганске. Ну, было и было, с кем не бывает, такая реакция моего организма на стресс, я уже отдохнул, все такое... Когда были под Дебальцево — два раза попадали под обстрел, это было на огневой. Этот стресс давал о себе знать — я заметил за собой, что опять началась та же самая [штука] — ступор, оцепенение...

А пацаны как относятся?

Нормально относятся. Спрашивали, еду ли я. Когда я сказал, что еду, — радовались, поддерживали.

Скажи, что первое бросается в глаза, когда приезжаешь оттуда? Какие чувства? Вроде идет война, а вокруг все...

Скажу так, что те, кто был на этой войне — останутся, грубо говоря, немного потерянными. Допустим, я смотрю, что у людей за проблемы: у кого-то ноготь сломался или еще какая штука... Это все детский лепет, для меня это уже не столь важно. Например, у меня недавно украли мотоцикл, я взял его в кредит, два года выплачивал этот кредит, а его выкатили со двора и угнали. Вот если б не было этой войны, если бы я там не был бы — я бы рвал и метал, а так — угнали — ну и [ничего]. Это все так, мелочь по сравнению с тем, что жизнь это дар...

А так, ну, какие отличия... Там ты постоянно ходишь собранный, скованный, внимательный, а сюда приезжаешь — войны нет, можно расслабиться, спокойно отдохнуть. Но все равно, все время смотришь по сторонам, реагируешь на каждый шорох. Был такой момент, что я забыл дома наушники (в наушниках нормально, включил музыку, чтоб ничего не слышать и все). Для меня это был стресс: трамвай проезжает — а ты шарахаешься, ты просто [ошарашенный]. Тоже был момент. Пошел я к своей крестной, у нее летняя кухня, столик на улице стоит, лето, август месяц. Она: «Чай будешь?» Говорю: «Конечно буду». У нее чайник со свистком, а для меня свист — это полет мины. Сидим, разговариваем, а он как засвистит — я аж под стол нырнул...

Это только попервах? Оно же со временем проходит?

Практически, да. Это стресс такой. Бывают моменты, что малолетки взрывают петарды. Я как

раз гулял с девушкой на Советской [зараз площа Університетська м. Запоріжжя], идем с ней, общаемся, все хорошо, и тут эти придурки, берут такую ленту, там много петард, они очередью стреляют... Как начало взрываться — я аж растерялся, потом раз — они вторую ленту взорвали... Я думал, что поубиваю их. Видно же, что стоит человек в форме, только с зоны АТО. Рассказал им что к чему, еле себя в руках держал, девушка успокоила. А этим малолеткам лет по семнадцать уже, вот так вот...

А за Дьяково можно более детально рассказать?

Там в основном были артиллерийские бои, дистанционные. Последние недели две нас сильно утюжили, расстреливали. Допустим, если раньше мы знали, что есть какое-то расписание обстрелов, некий час «Ч», то теперь они нас обстреливали в самый неожиданный момент, мы просто не знали, что может произойти. Вот реально, как бы это не звучало — ты идешь в туалет и обязательно берешь с собой броник. Бывали моменты, что страшно было выйти с окопа, потому что в любой момент могут начать обстреливать. А последнее время стреляли из танков, с очень близкого расстояния, там полет снаряда — доли секунды, ты даже лечь не успеешь.

То есть там стараешься делать все максимально быстро?

Да, очень быстро. Там ставятся рекорды по сто-метровке, когда начинают «Грады» обстреливать. Например, мы грузили снаряды, до окопов метров пятьсот-семьсот, а мы полностью в БК, с брониками, с автоматами и бежишь...

Были и веселые такие моменты. Например, идет обстрел, залп пошел — взорвалось, ты выбежал, дров наломал, костер разжег, забежал в окоп. Второй залп пошел — взорвалось, выбежал, поставил чайничек. Так мы делали чай, пили.

Бывали такие бесстрашные пацаны, которые при обстреле высывались из окопа — интересно, куда упадет снаряд. Мало ли куда он упадет, даже если за сто метров от окопа — осколки могут посесть. Ну, что там особенного? Ничего там особенного нет, обычные бои, вечные обстрелы...

[*Обстреливали*] нас в основном со стороны России, со стороны сепаров не особо.

Именно с территории России?

Да-да-да, именно. Даже не с «нуля», а с границы России. Там есть такое понятие как «ноль», вот наша граница, вот их граница, а между ними буферная зона — это ноль.

Нейтральная полоса.

Да. Так нас не с этой стороны [*обстреливали*], а уже со стороны России, «Грады» были, «САУшки»...

Как-то начальник штаба, майор, собрал нас после очередного обстрела, собрались все так в кучку, у нас не было там построений как таких, кто хочет — стоит, хочешь — сидишь, хоть ляж. Там нету такой иерархии, там все на равных, вот что самое хорошее там. И вот этот начштаба говорит: «Ну что, пацаны, «САУшки» мы пережили, минометы пережили, артиллерию пережили, «Грады» пережили, осталось еще авиацию пережить и можно сказать, что мы все прошли, все будет тип-топ». Постояли,

посмеялись, но слава Богу, авиация по нам не работала.

Был момент, когда не было возможности добраться к нам, посылали снаряды по воздуху, самолетом доставляли.

Сбрасывали?

Да. Сидишь такой, вроде все нормально, спокойно, и тут бац, самолет летит, начинает что-то скидывать, мы уже думали, что это десантура кацапская, а потом уже дошло, что это наш самолет, свой.

Потом прилетал за ранеными вертолет. Получается, вертолет заходит на посадку и, чтоб его не сбили, он выпускает тепловушки. А было лето, жара, все поле в пшенице, все сухое, там только спичку кинь и оно [*вспыхнет*]. А этот ... свои [ловушки] пускает.

Пилот этого вертолета?

Ну да. У второй батареи такое было, загорелось, начали [*взрываться*] снаряды, орудия побило. Мало того, что нас постоянно обстреливают, утюжат, так еще и этот свои пускает.

Там столько эмоций... Мы приехали оттуда все такие сипанные, нервные, такие мы стали, вряд ли мы поменяемся. Большинство из нас, скажу, редко улыбаются... Война она и в Африке война, она дает о себе знать, ты совсем по-другому смотришь на жизнь.

По поводу Дьяково — там особенного не было, нас там, постоянно сливали, нас все время [*обстреливали*], а мы не могли им в ответку отстрелять. Мы

не можем стрелять, потому что там Россия, а эти ... нас постоянно провоцировали, чтоб мы им вдарили. Кто будет кидать ответку, они ж потом будут вонять, что это прямое нападение на Россию, они смогут тогда ввести свои войска.

А как складываются отношения с командирами?

Скажу сразу, с комбатом нам очень повезло, он нормальный мужик, он постоянно заботится о своих бойцах, он старается по максимуму думать о личном составе, насколько это возможно, я думаю, пацаны со мной согласятся. Что касается СОБов...

А СОБ – это что такое?

Старший офицер батареи, человек, который дает координаты, высчитывает. Комбат дает высоту, дирекционный угол и, по-моему, дистанцию, а СОБ переводит это в координаты, которые идут на орудие. Я, как командир орудия, даю уже посчитанные



Робота з бусоллю ПАБ-2М

координаты наводчику, он выставляет эти координаты на приборах и наводит. Дальше идут команды «зарядить», «огонь» и все такое.

Так вот, что касается СОБов — тоже отличные пацаны, молодые, примерно моего возраста, они прошли с нами то же самое, что и мы прошли. Они были с нами в Луганске, что один, что второй, в Дебальцево были... Отличные ребята.

Вам доводилось встречаться с другими частями?

Да, доводилось. В Дьяково с нами стояли ребята с девяносто третьей или девяносто пятой [бригады], не помню точно, их трое было — Святник, Пашка и Жека. Они ехали со своим батальоном, но у них поломалась машина и они остались там, заодно и нас как бы охраняли. И они собрались присоединяться к своим, там их колонна шла, что-то около двухсот единиц техники, я не буду утверждать. Батальон даже не успел подойти к своему месту назначения, они остановились позавтракать, и тут минут через двадцать их накрыли «Градами».

Там много «двухсотых» было, со всего батальона вернулось машин двадцать, соответственно и людей столько же. Святнику сильно ноги посекло, но слава Богу, остался живой. Так вот Пашка и Немец взяли его под руки и погнали к нам. Вытащили пацана и сами уцелели. Потом их отправили на высотку возле Дмитровка, чтоб они прикрывали наш отход. Вот благодаря им мы, конечно... Вот это мужики, железные яйца. Мы когда утром собрались вырываться — они тупо напролом пролезли на своих «железяках», на танках, погнали в лобо-

вую на Дмитровку. Плохо, конечно, не все вернулись, сами понимаете, на войне без потерь не бывает.

Без потерь только у Тымчука бывает.

Ну да, именно. И вот именно благодаря им мы вырвались, они взяли большую часть огня на себя, а мы ушли на безопасную дистанцию. Если бы «железяка» не подошла, то мы бы, наверное, оттуда не вырвались бы... Потом, когда мы приехали сюда, началась возня, типа [зачем] войска вышли и тому подобное... Когда мы выходили — в другой батарее трое пропало без вести, одного взяли в плен, а двоих убили. И вот их тела (это было в августе) только в декабре привезли. Если бы мы там дальше оставались, то нас бы, наверное, до сих пор не привезли бы.

А что с тем пацаном, что в плен попал?

Освободили, по-моему, через месяц.

Вам не доводилось общаться с россиянами?

Нет.

А каково Ваше отношение к ним?

Как сказать... Я считаю, что если ты приперся сюда, ты стреляешь по мне, то не канает, что ты типа заблудился. Ты пришел на мою землю, ты враг, а с врагами что делают — либо берут в плен, либо убивают, по-другому никак. У нас в батарее есть люди, которые общались с российскими войсками. Были раненные, их вывозили через Россию, надо было договариваться с русскими, их отправляли туда.

Долго это еще будет длиться?

О, это уже не от нас зависит, а от правительства, пока оно не начнет действовать... Вот снова перемирие. За эти перемирия у нас потерь больше, чем за время боя, если так посудить. Перемирие? Для кого?

Назви главную причину, почему мы победим?

Видишь шеврон? Что на нем написано?

«Україна або смерть».

Вот и есть главная причина.

«Много таких, кто говорит, что россияне — братья. А я говорю: “Ну правильно, брат, братья-славяне. Если к вам брат приходит с топором в руках, вы что?” “Да вила надо брать, если с топором”»

Ім'я: **Віктор**
Рік народження: **1964**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
М. Павленком
23 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.8.

Назвіться, будь ласка. Як Вам зручно, можете українською, можете російською.

Рядовой Виктор, командир четвертого орудия второй гаубичной батареи.

Какого Вы года рождения?

1964 года, на данный момент пятьдесят один год. Родился и вырос в Вольнянске Запорожской области, учился там. Служил в Закавказье. А после начала этой войны призвался военкоматом, по просьбе военкомата, потому что я уже второй год на пенсии, я уже пенсионер.

Вы мобилизованный?

Да, мобилизованный через военкомат, предложили, так сказать, помочь нашим, потому что по началу попадало и били. Так попал я в пятьдесят пятую артбригаду.

Расскажите о довоенной жизни. Где Вы работали и чем занимались?

Основная моя работа до военной жизни, ну, в принципе, и по сей день, я работник комбината «Запорожсталь», слесарь-ремонтник металлургиче-

ских печей. Я пошел на пенсию с пятидесяти лет... И с комбината, с августа месяца, я уже нахожусь здесь, а так до сих пор являюсь работником комбината. В августе там подготовки было в неделю три раза (плюс-минус), и уехали мы под Волноваху, за Волноваху. В районе Андреевки там есть такой населенный пункт, Рыбинское, и оттуда выезжали прикрывать Гранитный и Старогнатовку. А после того, как более-менее стало тихо, нас перебросили под Донецкий аэропорт в начале октября месяца. Под Донецком, конечно, работы было побольше, да и жестче. Там чуть больше месяца тоже пробыл. Пришел на ротацию — это шестого ноября, и двадцать шестого мы оттуда уехали, и вот приехали двадцать девятого января. На данный момент мы сейчас готовим технику на следующий выезд на ротацию нашей второй батареей.

Расскажите более детально про тот период, когда вы стояли в районе Волновахи.

В тот период «ДНР», или кто там, казаки, немножко попадали оттуда, но за Кальмиус они так и не зашли, так мы по реке, по Кальмиусу и стояли. В Гранитном стояли, ну и ту сторону отсюда прикрывали, а так было более-менее тихо, такого напряжения не было. Допустим, как в Донецке, такого напряжения не было. Может, из-за этого нас оттуда две батареи потом и перебросили под Донецкий аэропорт. В Донецком аэропорту (там и с телевизора видно) там, конечно, было жестче, там было все, подбитых орудий... И мы их били, и они нас, ну так. «Вымпел» штурмовал, отражали.

«Вымпел» это российский спецназ?

Да, ГРУ, в декабре месяце было. Их артиллерия по нам работала, а мы работали по «Вымпелу». И в январе, когда новый терминал разбили, так сказать, превратили в руины, там были и псковские десантники, и мурманские морпехи, и двести тридцать вторая, по-моему, артбригада.

То есть, это те части, которые там были напротив вас?

Да, это те, которые были напротив нас именно. В принципе, все.

А как отношения складывались с местным населением?

На нашей стороне, в принципе, нормально, чем дальше и больше мы там находились, в принципе нормально, люди уже не очень хотят, чтоб, допустим, украинская армия сейчас отходила, это после того. Допустим, после того как терминал упал, одному [сослуживцу] пальцы прибило снарядом, поехали рентген делать в Селидово, люди были в шоке, они думали, что мы отходим уже, бросаем. Большая часть относится нормально. Есть, конечно, что люди относятся не очень хорошо, однородной массы ж быть не может. Кто-то к нам более лояльно относится, чем, допустим, три-четыре месяца назад.

А три-четыре месяца назад как относились? Под Волновахой, например?

В спину не стреляли, но будем говорить так, смотрели косо, жесты нам показывали. Были и такие. С автомата всего один раз кто-то с кукурузы стрельнул, и то, насколько я понял — это подро-

сток, типа фанатизм играет. А так, чтоб стреляли, подбрасывали гранаты нам — такого не было.

Этого подростка поймали?

Нет. Ну, со временем человек поймет, ничего, просто скорей всего мозгов нет. То больше человек насмотрелся боевиков или чего-то еще.

Юношеский максимализм.

Ну да, просто пока он верит в это. Он стрельнул, автомат бросил и по кукурузе начал бежать. Мы глянули — ну пускай бежит, а мы поехали дальше.

А более детально за аэропорт можете сказать? Что там Вам приходилось видеть?

Дело в том, что в самом аэропорту там у нас корректировщики, мы ж находимся километров за десять-двенадцать, в зависимости откуда стреляют. Так я рассказать не могу, только со слов корректировщика.

А корректировщики что рассказывали?

Они обходили этот терминал, гостиница есть на территории, они со стороны гостиницы подходили. Потом церковь была на погосте, ее никто не трогал, покуда они не начали, они там через кладбище заходят, через лесополосу и вот концентрируются там, а потом уже идут конкретно на аэропорт, потому что, если будут идти мелкими группами, то их «киборги» разобьют, а если уже массивовано, если их набралось много, то это уже, конечно, наша работа.

То есть они собирались на кладбище?

Да-да-да, они через кладбище прятались в подвалах монастыря, начали еще оттуда заходить, и когда

танки там, оттуда уже команда идет и начинаем тогда работать более конкретно: БМП, танки — это наше.

В основном по технике?

Да, в основном по технике. Я ж говорю, если много людей, если массированная атака, а так...

Можно ли говорить, что там уже были регулярные российские части?

В принципе, они никуда и не уходили, уже где-то с сентября месяца первые части начали заходить. Первые, допустим, псковские десантники, это ж под Волновахой первый раз встретились. Вот это их не было, появились аж в январе, ну это так, может они и были, просто я не слышал, против нас не было, это я знаю. С мурманскими один раз пересекались... Если б я знал названия частей, я б сказал, какая именно часть откуда. Это то, что наша разведка доносит: кто наступает, как наступает, это наша разведка сообщает, кто против нас воюет. И уже корректировщики предположительно знают, откуда наступление, с какой стороны терминала, и уже туда разводятся орудия соответственно, свои координаты, свои прицелы, могут полбатареи развести, могут по одному орудию, по четырем-пяти точкам развести и уже бить каждый, откуда появился. Если не справляешься, значит, наводится сразу второе, третье орудия. Если по наводке, то буквально в течение минуты вся батарея, можно сказать, готова.

Можно ли сказать, что все слажено?

Сейчас уже да, сейчас нормально, уже слажено. Люди, даже те, кто там никакого отношения не

имел, сейчас нормальные товарищи, с которыми можно воевать.

А как с командованием отношения складываются?

Нормально, такого нет ничего, сейчас уже люди подросли. Чем больше люди служат — тем проще, человек уже, в принципе, наперед все знает...

Насколько сильно отличается армия от той, которая была год назад?

Конечно отличается. Какая у нас была армия? Человека призвали на год, он где-то палисадники погреб, может, пострелял с автомата — все. Дальше что он знает? Допустим, даже два года в армии это мало, просто там оно быстрее доходит, а так выучить за год человека... Это можно спросить у тех, кому по двадцать пять лет, как там, сколько месяцев, что они хотя бы видели, какое вооружение? Там же уже не воюют, там автоматами воевали, то еще ладно, а так, в принципе, все. Танки есть, БТР есть, БМП есть, все есть, так что порядок. Так что сейчас более-менее армия нормальная.

А как вообще со снабжением?

Ну, сухпайки есть, борщ, тушенка... Тушенку тоже много есть нельзя, ее дней пять поел и все, дальше оно... Но нельзя сказать, что совсем голодный, такого нет. Или привозят, к примеру, мешок гречки, его готовить как? Воды нет, этого нет, я имею в виду в таком количестве, чтоб я мог приготовить это все. Условия для проживания, в принципе, тоже... Когда тридцатиградусный мороз (приблизительно седьмого января) я вместе с пацанами

спал на орудийних ящиках, то есть отдыхали прямо в посадке. Попробуй выехать в посадку, за город, и попробовать сутки пробыть на тридцатиградусном морозе на улице. Ну, вот так. Я понимаю, конечно, что это война, деваться некуда, это не учения... Оно и палатки, с другой стороны, тоже, ставить палатки... Поставь палатку — в случае артобстрела палатку снимать уже никто не будет, потому что это человеческие жизни, палатка такой цены не имеет. Ну, вот так.



Обід у перерві між обстрілами

А с питанием, с обмундированием как? Кроме сухпайов, чем еще питаетесь?

Картошку — вот это подвозили. Если через день боевой выезда, то картошку никто готовить не будет.

Единственное что — зимой было чуть получше, палатки все-таки мы поставили на базе. То есть мы сутки на выезде — сутки дома, в палаточном городке, на базе. На боевой там же нет ничего, но тут было не так страшно, свет можно было протянуть, тут готовили, конечно, что-то пытались сварить, дежурный был, топил палатку и жрать готовил. Ну, так и жили.

А волонтеры помогали?

Приезжали раза два, наверное. В принципе не так много, но дело в том, что нужно подвозить что-нибудь, будем говорить так, под заказ. Можно привезти, к примеру, вагон макарон или гречки, но зачем она нужна? Получается, они привезли, а я потом, вот в палатке набралось макарон там мешок — отвожу в школу или в детский сад. Ото едем на боевые, Новоалександровка есть там, им завозим, отдаем. Там вот где, допустим, наборы такие борщовые — вот это нормально, варили, удобно, засыпали все быстро, картошка закипела, мы быстро приготовили...

А с обмундированием как?

Не знаю, я привык до советских ватников. Там как такой формы одежды нет, а носят то, что кому потеплее и поудобней, хоть даже гражданку одевай, лишь бы человек не замерз, не обморозился. Главное — чтоб тепло. Все-таки зимой тяжело... А так я не знаю, там какую-то новую форму обещали, НАТОвскую, я такой не видел. Это, в принципе, вот на мне единственное — бушлат, что мне дали, это волонтерские штаны, берцы это вот тоже не

армейские. То есть на мне сейчас с армейского, в принципе, один этот бушлат. Такую форму я все равно не одеваю, вот ее привезли... Это, по-моему, Луценко привез...

Луценко-сын?

Да, он со мной в одной батарее был. Скажем так, форма не очень практичная, мне в ней неудобно. А вот ватник — это пойдет, одеваешь (я еще одевал ту форму, которую мне еще пятого августа выдали) гражданский свитер, сверху ватник — и нормально. Ну, в принципе, все свое, теплое свое, балаклаву сам себе пошил. Вот и вся форма одежды.

А расскажите про Луценко. Вы говорите, он был в Вашей батарее?

Луценко к нам пришел под Волноваху, где-то в конце сентября месяца. Я был четвертый командир, а он на втором орудии, вторая батарея, второе орудие. Нормально, нормальный пацан, воевал как и все, как и я, льгот и привилегий у него не было.

Наравне со всеми?

Да, наравне со всеми. И спал под машинами, и в грязи, и снаряды тягал, как все — так и он...

А он долго тут был?

От конца первой каденции до конца сентября где-то. Шестого ноября мы уже приехали, уже на вторую он не поехал, у него что-то со здоровьем.

Вы говорили форму привозил, помогал?

Форму привез, палатки, спальники. В принципе, он привез нормально, они привезли то, в чем тогда нуждались, районы были такие, что приходилось даже с болот пить воду. И такое было.

В общем, с горем пополам перезимовали?

Да, приблизительно так, я думаю, уже таких морозов не будет. Март есть март.

А Вам приходилось напрямую встречаться с сепаратистами, с россиянами, с их военными?

Не лоб в лоб, будем говорить так, на расстоянии выстрела. Там есть такие «блуждающие минометы», как они их называют. Мы ж не знали этого, подъехали и стали через переезд на поле, а они выехали на дачный поселок и там расставились — нам их крыть нельзя.

То есть они закрываются гражданским населением?

Да. Я-то его снесу, но только там как минимум полпоселка еще тоже пострадает. Вот они и пользуются этим. А так, как говорят, в рукопашную не приходилось. Сколько я там был, частенько на нас и охоту объявляли, иногда и находили. Зимой им попроще, летом им похуже, мы более мобильны, а уже поздней осенью, когда уже пошла грязь, зима, техника вязнет, а ездить надо и по оврагам, и по таким местам, скажем так, непроходимым. А так, чтоб в открытую, — мы с ними не встречались. Я ж говорю, мы артиллерия, у меня тем более гаубица, не противотанковое орудие, дальнобойная, до двадцати пяти километров.

Вы говорили за гаубицу, что это за орудие?

Сто пятьдесят два миллиметра.

Вы постоянно с ней были?

Да, она у меня одна. Я ее как принял, так до сих пор она у меня.

А Вы говорили вас тоже обстреливали. С каких видов оружия?

«Градами» обстреливали, минометами, со ствольной артиллерии, все это...

С территории России или с территории Украины?

С территории «ДНР», оттуда. С «Градами» попроще, конечно, «Грады» не такая страшная сила, просто что массовая, а вот, конечно, ствольная... Вот такую станину перебивает, а такую как эта — то вообще солома.

Скажите, насколько соответствует действительности, что за «Новороссию» воюют местные «шахтеры и трактористы»?

В принципе, человек может освоить «Град», но меня больше другой вопрос волнует: где они их берут? Или у него зарплата позволяет купить танк? Откуда? Там же нет сколько оружия, на этой территории, чтоб вот сказали: «Так мы с воинской части взяли». Если Украине вооружения не хватает, то откуда ж? Вывод напрашивается: откуда оно появляется?

Из России.

Вот и я так думаю. Откуда оно приезжает? Ладно, они «гумконвой» привозят, так их начали где-то в августе или в сентябре поставлять. Тогда Россия еще не так сильно помогала. А сейчас я даже по стрельбе скажу, где стреляет «деенеровец», а где стреляет русский, по почерку.

Отличается?

Заметно отличается... Если артиллерист нормальный, то он обычно накроет, а если смотрю, что он и

цель поймал, и времени у него было предостаточно, а он попасть не может, значит вывод один — человек неопытный, значит он не умеет накрывать. Вот видно, когда нас накрыли, что побили нам станины, работали именно профессионалы-артиллеристы, а не просто так. А когда мы уходили из-под минометов, то там видно, что стрелял неспециалист, потому что у него было время попасть. Это ж не просто так, надо время, чтобы собраться и уехать, это неспециалисты. Если специалист работает, тогда даже орудия не забирали, раз, в машину, отъехали на безопасное расстояние, прошел артобстрел. Территорию отжали, орудия собрали и увезли.

А кто там играет основную фигуру, эти «трактористы и шахтеры», так называемые, или все-таки российские военные?

Там Россия играет, а «трактористы и шахтеры» — я сомневаюсь, что они и остались. Дело в том, что вот сейчас последнее время, когда наступали на Донецкий аэропорт, сами «ДНРовцы», эти «трактористы и шахтеры», они прекрасно знали, что с ними будет, они даже пачками дезертировали. Поэтому, будем говорить так, регулярные войска России штурмовали, а те давай бежать. Россия их использует, они теперь боятся. Обстреливают города, там интересный вопрос, воюют за «ДНР», а жена с детьми прячется от хохлов у хохлов. Интересно, да? Ну, вот как? Муж воюет против Украины, а его жена прячется в Украине. Парадокс, но так оно и есть. Когда в войну, даже во Вторую мировую, например, я воевал против нем-

цев, а моя семья в это время пряталась от немцев у немцев?

Нет, такого не может быть.

Я тоже так думаю, чисто логически.

Странно как-то.

Так вот именно, что странно, а в Россию идти не хотят.

А многие съезжают из зоны боевых действий? Население там убавилось или нет?

На нашей территории не очень убавилось, единственное что, приезжают оттуда, где обстреливают регулярно: Пески, Красногоровка... Я думаю, что сейчас и Пески стерли с лица Земли. Понятно, что люди должны были уехать. А так люди ездят. Колеса меняли после обстрела, смотрим — машина едет, останавливаем, проверяем, с Авдеевки, он ездит свободно, нормально, они нас не боятся, такого, чтоб они боялись нас, не было. Едут с паспортами, показывают, что вот у меня в Бахмутовке родители или кто там живет, а сам он житель Авдеевки, отпускаем, пускай едет. Есть, конечно, что и на нашей территории работает, бывает и такое, ни у кого же на лбу не написано. И на ихней территории есть кто-то такой, кто работает на нашу разведку, корректировку, какие-то данные передают.

А как отношения складываются с другими частями, родами войск?

Не, там все приветствуют друг друга, тут такого нет, сигналият, только увидел полосы⁵ — все. Пехота

⁵ Вертикальні білі лінії — типове маркування техніки українських Збройних сил під час АТО.

они там или артиллерия, все равно какая это часть, откуда она. Вот под Волновахой когда были — нормальное отношение, мы друг друга меняем, все приветствуют друг друга, разговаривают люди на русском, на украинском.

То есть что с Запорожья, что со Львова...

Да никакой разницы, сейчас такого нет. Все нормально, все приветствуются, наоборот, поделятся кому что надо, без вопросов, такого там чтоб кто-то на кого-то косо смотрел — нет, такого не бывает.

Возле ваших позиций по флангам кто стоял?

Девяносто третья справа и пограничники слева.

Как с ними была налажена взаимосвязь?

С этим, в принципе, проблем не было, нормально, надежные ребята. Бывало, что батареи друг друга прикрывали, их накрыли, мы уезжаем с одной точки, мы накрываем их артиллерию. Если надо ремонт — они тогда уезжают на ремонт, мы остаемся. Ну, вот так приблизительно.

А настроение как, боевое?

В принципе, нормальное, да. Такого, чтоб паника была, там не было.

Мотивации хватает?

Да.

Вы понимаете за что воюем, с кем?

Да понятно за что — чтоб они сюда не пришли, их там хотя бы удержать.

А как отношение к россиянам, изменилось? Как Вы относились к ним год назад, еще до Крыма, и как сейчас?

В принципе, там если Путина убрать — все будет нормально, Россия сама отсюда пойдет, а смысл им тут головы ложить? За «ДНР»? А если не будет тут России, то и «ДНР» не будет. Это так, искусственно созданный кусок земли.

А с какой целью он вообще создан? Ничего не было — и тут раз, какая-то «Новороссия», какое-то «ДНР»...

Россия создала с целью дестабилизации. Будем говорить так, куда Украина может [имея «Новороссию»] пойти? ЕС? Наверяд ли — у них стабильно, кто нам рад там? НАТО? Нет. То есть, куда бы мы ни хотели — мы не идем никуда.

То есть, это и есть цель Путина: чтоб Украина никуда не вошла?

Конечно, вот и все.

Выходит, причина в том, что украинцы захотели в Евросоюз, в НАТО, вышли на Майдан и сбросили Януковича?

Правильно. А «ДНР» — никто им ничего давать не будет, наоборот, оттуда еще и вывозят: то заводы повывозили, то металлолом вывозят, еще что-то вывозят.

А когда Майдан был, как Вы к нему относились?
Нормально.

Поддерживали?

Да, люди требуют свое, это правильно. А вот бить людей — это неправильно. Надо было как-то договариваться, объяснять людям, а не так...

То есть вина Януковича в том, что когда люди пришли и начали требовать своих прав, он просто...

В принципе, он не захотел с ними разговаривать. Попробовали разогнать, попробовали пострелять... А если бы, может, вышел и переговорил, кровавых разборок не делал, может, было бы все иначе. А там пошли бы мы в ЕС, или не пошли бы — оно все рано или поздно успокоилось бы. Там люди уже разобрались бы. Мог бы референдум сделать, узнать, как народ смотрит на это все дело, «за» или «против», и тут уже б сказал: «Да, вот народ проголосовал, а я подписал. «Против» бы проголосовали — я б не подписал». Мог бы таким образом снять ответственность с себя, через народ, и все было бы нормально, не было бы этой бучи в Украине. А там как бы оно с Россией было бы — тоже большой вопрос. Если бы мы начали идти в Европу — там бы начался «кипишь». Кто знает, как бы оно там было, ну, есть так, как есть.

А что Вам из событий Майдана запомнилось наиболее?

Наибольшее — когда побили студентов. Не надо было, причем тут студенты?

Это еще начало было...

Да. Как по мне — так эта страна уже больше для молодежи, чем допустим, для меня. Все-таки этим людям двадцать-тридцать лет работать, а я уже пенсионер, живу уже лучше или хуже, детей вырастил, дом построил, мне оно уже, как говорят, не надо.

Надо меняться, двигаться вперед, а не жить прошлым, стремиться куда-то в СССР...

Да, хочет человек дом свой, квартиру — правильно, дайте ему возможность, пускай он деньги

выплатит или там решите по-другому. Все вопросы эти решаемые, нет нерешаемых вопросов. А чисто воровать и на этом наживаться?.. На пенсионерах, и на этом, и на том, и на том, и на медиках, и на учителях... Это неправильно, они должны людям платить, чтоб у человека была перспектива. Он взял там себе квартиру, смотри за десять лет я тихонько работаю и спокойно отдаю этот долг, это нормально. Просто нужно, чтобы за людей подумали, будем говорить так, и все.

Ну, а сейчас думают за людей или как Ваше мнение?

Не очень. Я бы не сказал, что думают. Может, чуть-чуть сдвиги есть в плане свободы, чуть больше людям дали, это тоже немало. В этом плане, конечно, может, чуть полегче. Ну, а так, сдвигов экономических... Тут же тоже такой вопрос: сможем ли мы потянуть их? Есть экономика России, есть наша экономика, тем более что они нас щемят за счет энергоносителей. Да, Украине сейчас мало того, что тяжело, плюс война, оно ж тоже наваливается одно на другое. Нормальным людям дать мирной жизни, а там уже посмотрим что правильно, что неправильно, когда это все уже закончится.

А вот такой еще вопрос, некоторые говорят, что, мол, если бы тут были российские войска, уже б давно смели, уже б давно снесли, уже б Украины давно бы не было. Почему Путин не вводит полномасштабную войну с максимальным количеством войск?

Можно задать альтернативный вопрос: а чем он будет воевать с Китаем?

А почему с Китаем?

Ну, или с Японией за Курильские острова. Дело в том, что Путин настроил против себя весь мир и никто не скажет, что рано или поздно референдумы не начнет проводить Сибирь и Дальний Восток по поводу присоединения к провинции Харбин, где китайцев валом. Чем будет он воевать? Он не может вдруг победить, вооружение там посolidнее, если он тут оставит минимум пол-армии, а, может, даже и больше, то чем он будет воевать там? Он же потом в своей стране дыры не позатыкает. А когда пойдут, Россия — это не единая страна то, что они пишут там «единая Россия» — это до лампочки. Сейчас подрастет поколение чеченцев, они вспомнят Путину Дудаева, и пойдет там Дагестан и прочее и прочее, башкиры, Башкортостан. Чем он будет с ними воевать? А они же уже в России. Теперь Путин попал тоже в нехорошую ситуацию, он бы, может, и рад пойти дальше, но с другой стороны он и боится идти дальше, потому что если полномасштабная война — то это уже серьезно, это не факт, что нам не помогут, допустим, дадут нам лучшее вооружение. Чем лучше у нас вооружение — тем больше потерь у России. Тоже, я думаю, что люди там считают это не просто так, что захотел и вот пошел воевать. Так не бывает. Ну ладно там Грузия, там просто маленькая страна, или Эстония, там населения меньше, чем в Запорожье, а Украина все-таки большая страна, тяжеловато будет ему такую большую страну потянуть.

Загрузнет?

Конечно загрузнет. Пытались они там до Мариуполя дойти... Он [Путин] не до конца провел пропаганду. Никто ж не замечал, сколько было российских митингов, к примеру, где-то в прошлом году. Везде были, сколько там и фанаты «Металлиста» и одесситы разгоняли... Он думал провести эти митинги и все будет как в Крыму, сейчас все поднимут флаги, помашут ими и он спокойно Украину забирает. А эти области не пошли. Вот где он, будем говорить так, влез в нехорошее место. А эти все области, если люди возьмут карту и посмотрят области и флаги [на карте] поставят, где митинги были, то прекрасно поймут зачем именно эти области. Я могу объяснить — это дорога на Крым — раз, и дорога куда? На Приднестровье. Все. Вот почему от Одессы и пошло все.

А зачем ему вообще Крым нужен?

Вообще Путину Крым, скорее всего, нужен для своего престижа. Больше всего. Чтоб там флот стоял... Хотя, с другой стороны, если так рассудить, ведь Черное море ему все равно ничего не дает. Что оно ему дает? Турция — член НАТО, они закрывают два своих пролива. Я не думаю, это не только Турция, это НАТО будет закрывать. И его корабли будут плавать, будем говорить, в этой луже, по сравнению с океаном. Все. С кем они тут будут воевать, против кого? Так что тут, скорее всего, больше престижный такой, чем политический момент. Нужно объяснить той самой России почему они так плохо живут. Вот Украина нам мешает, то Грузия нам все время мешает, то Мол-

давня нам в свое время мешала, все идет по одному сценарию. Он заходит защищать русскоязычное население. В Приднестровье так было? Так. В Грузии так было? Так. В Украине так же. А вот где он еще дальше будет защищать? Кто его знает.

По Вашему мнению, как долго еще будет длиться эта война в Украине?

Покуда есть Путин, или покуда у Путина не начнутся проблемы в своей стране. Да та же самая Чечня — там спичку, как говорят, кинул, а пламя сорвется. Там Чечня захочет, Сибирь поддержит, и ему будет не до нас.

То есть сам бросит?

Да.

Насколько возможно, что они придут сюда [в Запорожье]?

В принципе, у нас сил хватает. У нас даже по подготовке люди не хуже, чем там в России, а, может, даже и лучше. Может, чуть по вооружению хуже и чуть вооружения у нас поменьше, чем у них. Это так. Мы ж не можем сотнями танков кидаться то туда, то туда, потому что если мы так будем кидаться, у нас через месяц воевать нечем будет. Согласен, у них есть откуда резервы тянуть. Они сейчас Сибирь могут, Дальний Восток, откуда хочешь, и тянуть очень долго резервы, а у нас этого нету. Но даже с такими резервами мы сколько вон проходим, сколько прошел — да практически ничего. Если так взять, вот там отделить — от Дебальцева до границы с Россией, там не так и много он захватил, за год войны он захватил семьдесят километров. Сколько



Батарея гаубиць 2А65 – однієї з найкращих артилерійських систем

ему тогда надо положить вот тут людей? Это один вопрос. Чем заходить дальше вглубь Украины – протестов станет больше, появятся тут партизаны, сопротивление будет еще больше, а чем дальше он будет идти на запад Украины – еще больше будет сопротивление. А что значит больше сопротивления – это большие потери, они ж не могут тут всю армию положить, чтоб забрать Украину. Ну это так, это мое мнение.

Есть мнение, что после потепления Россия начнет активные боевые действия. Насколько это возможно?

Я слышал, что до наступления холодов надо захватить и Мариуполь, и Волноваху, я там уже был,

до наступления холодов, покуда сухо. Не захватили. Дебальцево, конечно, упустили.

А насколько вот этот Дебальцевский «котел», Иловайский «котел» ударили по боевому духу наших военных?

Абсолютно [*не повлияли*], у нас в батарее все нормально, ту батарею увезли, новая батарея поехала туда же. Ну только не на Дебальцево, а чуть выше, под Артемовск.

Пораженческих настроений нет?

Нет. Вон терминал упал, а наши до сих пор стоят. И ничего, они фактически в Донецке не продвинулись никуда, они терминал завалили, и на этом все. Линия обороны как стояла, так и стоит до сих пор. Я думаю, с нашими людьми мы победим. Наши люди более мотивированы и более сплочены, а допустим, у них, как говорится, «много шума, а толку никакого». Ну и плюс с каждым же днем, хоть и мы садимся, но и Россия садится вглубь, а рано или поздно все равно Путину надо будет объяснить своему народу почему они так плохо живут.

То есть ему выгодно, чтобы эта волокита как можно дольше продолжалась?

Да, чтоб была возня, это раз, во-вторых, при этой возне все забыли, что у нас есть и Крым, оказывается, все забыли. Никто не говорит о Крыме. А он бросит вот так в один прекрасный день, выведет войска и все, такое может быть. Бросит «ДНР» на произвол судьбы, и такое может быть. А что там у него в мозгах, я ж не знаю.

А вот еще такой вопрос, по поводу перемирия. Чем для Вас является перемирие?

Ничего абсолютно.

Как Вы к этому относитесь?

Как до этого относился — так и отношусь, оно ничего не дает, по большому счету. Огласили в Дебальцево перемирие, в аэропорту было перемирие, так и под Мариуполем было перемирие. А война идет. Когда закончится — не знаю, но думаю долго стоять [Путин] не сможет, все-таки ему же тоже надо миллионную страну кормить, а рано или поздно она захочет кушать. А если не будет экономики, то кушать будет нечего, а если кушать будет нечего, то голодному человеку будет как-то все равно есть тут у нас «ДНР» или нет, он будет смотреть в холодильник и спрашивать его: «А почему?». Вот это его интересует: почему дети голодают, почему жрать нечего, и так далее и тому подобное.

То есть кроме военных методов экономические тоже неплохо действуют.

Еще как! Скажем так, Янукович с Путиным сделали для сплочения Украины больше, чем наши предыдущие президенты вместе взятые. Даже уже в Донецке люди открывают глаза, некоторые не боятся уезжать даже во Львов. Хотя боялись, что «бандеры» придут им головы отрезать за русский язык. А теперь они едут к нам, теперь они беженцы.

Про «бандер» это же им тоже в голову вложили...

Россия вложила. У них там спутниковое российское, каналы бесплатные российские, тут же

пропагандистская война, но Украина ее [идеологическую войну], полностью проиграла: его никто не трогает, но он все равно верит, что таки придут резать головы. Есть такие, до последнего будет стоять.

То есть нам тоже надо все-таки создавать «Министерство правды»?

Да. Вот они нарасказывали бредятины, может, и нам иногда надо так делать, только на их сторону. И хотя бы, чтоб пограничные районы [России] ловили [наши каналы], а они тоже «едят» [пропаганду].

Їхнім салом по їхній же шкурі?

Да, пускай слушают. А наши пытаются все время оправдаться. Не надо оправдываться, вы не оправдаетесь, если человеку уже в голову вбито, ты ему что хочешь, хоть молотком по голове стучи, все равно будет на черное говорить белое, так что... А так основная масса людей уже начинает и так понимать, а чем больше людей понимает, тем лучше. И сама Украина начинает потихоньку понимать, что есть страна и ее надо восстанавливать. Много таких, кто говорит, что россияне — братья. А я говорю: «Ну правильно, брат, братья-славяне. Если к вам брат приходит с топором в руках, вы что?» «Да вила надо брать, если с топором». Если он пришел с бутылочкой — то поставить сальца, посидеть как с братом, а с топором брат к брату не ходит. Значит такого брата надо гнать.

«В будущем у вас по-любому спросят, что вы сделали для своей страны. Задумайтесь над тем, что вы ответите и как будет звучать ваш ответ»

Им'я: **Кирило**
Рік народження: **1994**
Місце служби: **55 оабр, 2 дивізіон, взвод матеріального забезпечення**
Форма служби: **контракт**
Інтерв'ю записане
М. Павленком
24 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.10.

Назвітьесь, пожалуйста.

Кирилл.

Какого Вы года рождения?

[19]94-го.

Где служите?

В пятьдесят пятой бригаде, в Запорожье.

А дивизион?

Второй гаубичный. Взвод материального обеспечения.

Вы на контракте служите?

Да. С 2013 года.

Какое имеете образование?

Учился в железнодорожном училище на электрогазосварщика.

А как потом попали на воинскую службу?

Добровольно. Добровольно.

Что Вас побудило, какие мотивы?

Не взяли на срочку. Я был настроен идти на службу, потому принял решение идти на контракт.

Расскажите о довоенной службе.

О довоенной службе? Служба как служба: утром на построение, вечером домой, задачи от командиров, работа. Ничего такого, служба есть служба.

Вы жили не в казарме, на квартире?

Ну, не считая нарядов, конечно. Когда в наряде – то приходилось и тут быть. Ну, это такое, служба.

А учения были?

Нет, никаких учений у нас не было, это такое вот, первое серьезное учение, когда мне пришлось, увы, пороху понюхать, причем по-серьезному...

Уже непосредственно в бою?

Да, уже непосредственно в боевых условиях. Были, конечно, учения перед этим, тренировались на орудиях, наводились, а потом мы сами даже не знали, что оно так будет. До этого мы даже ни сном, ни духом не знали, куда едем. Сказали – учения, и все. А потом уже объявили эту антитеррористическую операцию. Потом уже мы поняли, что формально мы в ней участвуем. А потом уже, как оказалось, мы реально участвуем. Вот так вот оно...

Вас подняли по тревоге?..

Да, нас подняли по тревоге. Это было 3 марта, я был в отпуске. Мне позвонил командир, сказал взять все необходимое и явиться в часть. То есть тревогу объявили в части где-то числа 1 марта. Тогда нам сказали, что те, кто в отпуске, задействованы не будут во всем этом, потом командир принял решение поднять всех. Вот так вот.

Вы сразу выехали, третьего?

Нет, не сразу. Я точно не вспомню, сколько мы пробыли здесь... Недели две точно, думаю. Нас укомплектовали и мы поехали на полигон. На «Близнецах» были, а потом на Черкасский поехали. Там была подготовка.

А как долго она длилась?

Точно не вспомню, ну до двух недель, не так долго.

Можно ли сказать, что этого достаточно?

Кому-то, может, недостаточно, а кому-то — вполне. Все зависит от командиров, как они подходят, какой у них подход к этому всему, на сколько у них ответственность... Сами понимаете.

После полигона Вы куда попали?

После полигона мы попали еще в двадцать пятую десантную [бригаду]⁶, там мы тоже проходили учения, тоже тренировались, стреляли чуть-чуть, попробовали что к чему. А потом уже нас подняли и мы уехали...

А в каких населенных пунктах Вы были?

Во многих. Первым было село Ленинское, в паре километров от Амвросиевки. Мы непосредственно в самих поселках не стояли, мы были за ними. То есть мы были как прикрытие пехоты и десантников.

С местным населением Вы там виделись?

Само собой, конечно, виделись, но как таковых мы с ними контактов не поддерживали. Была, конечно, пара таких случаев, опять же под Амвро-

⁶ 25-а окрема Дніпропетровська повітряно-десантна бригада базується у смт. Гвардійське Дніпропетровської обл.

сиейкой... Местные ходили там, просили нас, мол, выгоните этих сепаратистов, выгоните. То есть там, по крайней мере, мы столкнулись с населением, которое было за Украину. Ну, а когда первый раз ехали на Донбасс... Я не вспомню какой населенный пункт мы проезжали, но мы видели уже непосредственную агрессию [со стороны] местного населения. Кидались под машины, бросали в нас различные предметы, камни, еще что-то...

Это цивилизованное население?

Да, это гражданское население, по ним видно было, что они были очень агрессивны настроены против нас.

Они сами по себе были так настроены, или их кто-то настраивал?

По моему мнению, их все-таки кто-то настраивал, потому что с ровного места вот так вот они не могли взять и сказать, что все. По моему мнению, это дело рук России, это все их пропаганда. Нет, с пустого места это так просто взяться не могло. Двадцать три года жили и ничего, нормально. Никто никому и слова не говорил, а тут просто с ровного места вот так взять и проявить такую агрессию...

Кто эти люди: мужчины или женщины, старики, дети?..

Мы были в затентованном кузове, я не видел, но по рассказам там... Ну, женщины пожилого возраста. Все это в основном пожилой возраст... Потом, когда уже нас заблокировали под Старобешеву (это недалеко от Донецка) там было серьезное скопление народа, но там уже люди были возраста



*Спроби перешкодити рухові військових
(Донецька обл.)*

так тридцяти лет, так вот, если невооруженным глазом. Все они были кардинально настроены, чтобы мы дальше не ехали.

Это местные жители?

Да, это было местное население. Они явно были за Россию, требовали, чтобы мы развернулись и уехали... Опять-таки там был курьезный момент, что они нас даже и обратно пускать не хотели. Ни вперед, ни назад, стоим на месте. Непонятная была ситуация вообще. Ну, развернулись и уехали. Ну, потом обратно-таки попали.

А обратно как попали?

Ну, обратно... Я не буду рассказывать. Эта, скажем так, информация засекречена. Я не знаю просто, многие мне могут не поверить, а для многих

это будет, скажем так, конфиденциальная информация.

Я понял, пока еще рано об этом говорить...

Да, об этом еще говорить пока рано, как-нибудь со временем, как, может, все чуть уляжется, можно будет уже больше рассказывать. Это потому, что, сами знаете, сейчас времена беспокойные...

Расскажите, что Вам приходилось видеть в боевых условиях?

Первый месяц все было спокойно, мы же артиллерия, работаем вдаль, работаем-работаем. Потом уже, когда мы подъехали ближе к Свердловску, уже была вторая по счету [ротация] и позиция была третья, если я не ошибаюсь... Это уже было как раз-таки первое перемирие, если я не ошибаюсь, или второе... Но суть такова, что объявили уже перемирие, что «стоп-огонь» боевикам, «ополчению» «зеленый коридор», не стреляем... Ну, перемирие-то оно, сами понимаете, долго тогда тоже не длилось. Что-то там обстреливали-обстреливали, ну приходилось видеть много чего, по сути говоря.

То есть они продолжали стрелять, а нашим войскам стрелять нельзя, да?

Да. Нет, ну как бы то перемирие еще длилось относительно нормально. Там последние дни уже, как вспомню, до сих пор шок. Не захотели они услышать нас... И пошло-поехало: обстрелы, боевые действия, без этого никак, в принципе.

С каких видов оружия по вам стреляли?

Ну, конечно же, с автомата, с автоматического оружия... Не исключаю момент, что там были еще

пулеметы, потом артиллерия тяжелая (калибра свыше ста миллиметров), и из реактивных систем залпового огня.

Это «Град»?

Да, «Град».

А еще какие?

Ну, слава Богу, пока все... Тогда было все только в самом-самом разгаре, нам еще немного повезло.

А Вам с какого оружия приходилось стрелять?

Ну, с автомата... А, ну и с орудия тоже, но так — для себя там просто подойти выстрелить. А так оружие... Мы автоматическое оружие в ближнем бою не применяли. То есть у нас такого не было.

Непосредственного контакта...

Да, непосредственного контакта в ближнем бою у нас не было.

А кто там воюет? То есть это «трактористы и шахтеры», или все-таки регулярные российские войска?

Там воюют, в первую очередь, наемники. Мое мнение, что там воюют наемники. Регулярная армия она там, само собой, есть, я так думаю. Но там большинство наемников, а регулярная армия их поддерживает. То есть если вот так подумать, понесли потери они, наемники, их комплектуют регулярной армией, доукомплектовывают. Потому что если так посудить — уже всех сепаратистов перебили. Осталась уже только регулярная армия. Если остались эти сепаратисты, то их остались единицы. То есть можно сделать такой вывод, что все-таки уже против нас идет регулярная армия.

Может, Вам известно, какие это части?

Нет, вот этого мне не известно. По телевизору, опять-таки, одни говорят одно, а можем слышать совсем другое.

Вы говорили о наемниках. Откуда они?

Ну местные, те же, как Вы и сами сказали, «трактористы и шахтеры», которым промыли мозги, что Россия это для них все. Вот так вот...

А ребята, скажем так, неславянской внешности есть там? Вам не приходилось видеть?

Нет, этого не видел, этого видеть мне не приходилось. Естественно, пленных сепаратистов мы видели, но по крайней мере они были нашей внешности, русской, а вот именно, чтобы чеченцев, — нет, такого видеть нам не приходилось.

Вам не приходилось с ними общаться? С пленными?

Нет-нет-нет. У нас не было такой возможности, да и зачем нам это? Ими занимались совсем другие люди. Их задача была простая, наших бойцов, их взяли — передали в штаб, на допрос. Нам с ними разговаривать не о чем. А что, если б нам бы их дали — мы б их растерзали, это мое мнение.

А как Вы относились к России и к русским до войны?

До войны? Как сказать... Да нейтрально, ничего плохого, сколько вот отдыхали, на море отдыхаем постоянно, там же и москвичи есть, и с Питера люди. Добрые, гостеприимные, в первую очередь. Вот бывало такое, что заходит [разговор] невзначай. Они сразу же начинают рассказывать за свой

город, за свою культуру. А под конец разговора даже приглашают туда в гости, там покажут все, весь город покажут... Абсолютно нормальные, адекватные люди.

А Ваше отношение к ним изменилось после... После начала войны?

Ну, как сказать... Я еще не могу вывод сделать. По крайней мере то, что я сейчас вижу, заставляет думать о них совсем по-другому. Не так, как это было раньше. Даже вот сейчас, по состоянию на такое время, если человек нормальный, но он живет в России, хоть и нормальный, умный, но я не могу все равно ему на слово поверить, что он за Украину. Вот на слово — не поверю. При всем великом желании и уважении. Понимаете?..

Наверное, нужно чтобы прошли годы, чтоб это все осмыслить...

Да, нужно время, естественно. Время...

Опишите бытовые условия, в которых Вы были.

Первый месяц пребывания там — вполне нормальные условия. Палатка, тепло, словом, все условия. Есть быт, еда, вода...

А чем питались?

Когда как, рацион питания разный был. Ну, в основном солдатская еда: каша, супы...

Питались нормально?

Да, с едой все было нормально. Это первый месяц. Ну, когда уже ближе июль пошел, уже начало августа, когда уже мы в Южный «котел» начали попадать — тогда уже было чуть-чуть потяжелее. Но, во всяком случае, мы питались нормально. А

когда уже попали непосредственно в окружение, то уже тогда и сухпаями питались, уже и, собственно, не три раза в день у нас было... Не три раза в день уже питались, а так, один-два раза, то есть это последний месяц пребывания в зоне АТО.

Вы говорите об окружении, это в каком районе было?

Это в районе Дьякова, Южный «котел».

Там сильные бои велись, под Дьяково?

Да, бои были жестокие, ожесточенные. В Зеленополье сколько разбили, сколько наших в Зеленополье полягло... Недалеко совсем. Людей катастрофически не хватало. Ну, как-то, тем не менее, бывали времена и справлялись, а, бывало, не справлялись. Зависело от хватки-нехватки расчета.

То есть на каждое орудие восемь человек должно быть?

Да. Ну вот на банальном примере. Мы должны довернуть орудие. То есть это ж нужно поднять станину, само орудие развернуть. Оно, извините меня, тонны весит...

Это все вручную?

Это все вручную, да.

А кто входит в штат?

Командир орудия, наводчик, номера расчетов, ну и водитель, если мы гаубицы буксируем. Я же, как сказать, я-то в мирное время в ремроте служил. То есть моя задача была обслуживание техники, вот, ремонт техники. Ну, так вот просто меня незначай перевели в батарею гаубичную и там уже в процессе боев учился всему. Ну, тем не менее,

тот опыт, который я приобрел, он непосредственно пригодился. Ну и, не дай Бог, чтобы он пригодился еще раз. Чтобы если и пригодился — то в мирное время, чисто на обслуживании, на банальном обслуживании, а не в каких боевых действиях.

То есть Вы там были раз. Когда Вы вернулись?

Да, я там был один раз только. Так... Шестого августа мы начали прорыв...

Из окружения?

Да, мы уже начали прорыв с окружения. Ну и ночью восьмого числа мы заехали. Восьмого августа мы ночью вернулись в Запорожье.

А как выходили из окружения, с боями?

Ну, как с боями... Это было ночью. Нас обстреливали с артиллерии, с «Градов». Вот тут, если вспомнить хронологию того времени, где-то приблизительно час... После двух, после обеда, нам дали команду уходить. Как только колонны выстроились — мы начали движение. Заехали в Дьяково. Там уже нас ждали пограничники, механизированная бригада. Мы сформировались [в колонну] и продолжили движение. Ну и приблизительно... Так чтоб не быть таким... Ну, где-то, где-то, где-то через час-полтора, уже начался обстрел. Сначала они били не точно, отдаленно, но все равно мы уже понимали, что добром это не кончится. А колонна стояла, движения никакого не было. Видимо еще все собирались. Потом началась паника, когда начали бить более точно. Хотя и говорят, что выходили организованно (вот если вспомнить, с Дебальцево выходили организованно), но такого не было.

Строилась маршевая колонна, так?

Да-да-да. У нас там была паника. Скажу вот по себе, паника была. Нас обстреливали как могли.

А на марше отстреливаться невозможно...

Ну как же? По нам стреляли артиллерией, реактивными системами залпового огня стреляли. Куда ж тут?

Потом как-то вроде оно сначала утихомирилось. Под вечер, часов так в девять, опять начался обстрел. До глубоких трех ночи нас обстреливали. Пришлось колонну даже бросить, бросить свои автомобили и уходить пешим ходом. Потому что уже били точно по машинам. Ну, Бог был к нам благосклонен, наша машина уцелела. Тент чуть-чуть осколками посеколо, нам повезло, нам просто повезло.



Осколки, зібрані після обстрілу

Ребята целые остались?

Все, кто уходил, остались целыми, но два наших человека потерялись по дороге. Потом, как выяснилось, они погибли.

Тела удалось забрать?

Тела уже забрали, да. Но только забрали их спустя... гораздо позже. Там на входе [на КПП] есть информация, там Вы можете спокойно ознакомиться с этим. Там более подробно все описано. Мне неприятно об этом рассказывать...

Понимаю, извините за такой вопрос. Расскажите, пожалуйста, еще как Вы пребывали в окружении. Сколько Вы пробыли в окружении?

Приблизительно месяц, а то и больше.

Поставок не было?

Поставок не было. Жили на том, что есть. Уже закончилось все, уже продукты закончились, уже начали питаться сухпайками. Ну, как я рассказывал раньше, питались там раз в день. Ну, бывало два. Потому что у нас были там еще свои запасы, крупы оставались, мы как-то берегли...

А как с водой, с сигаретами?

С водой было нормально еще. Ребята из семьдесят девятой [бригады] ездили по воду, попадали в засады, но вода была, привозили... И за это им спасибо. А с сигаретами ну тоже, у кого найдешь сигарету, все... С сигаретами тогда было тоже тяжело. Ну, опять-таки, ребята, которые по воду ездили, привозили, там был момент, что магазин еще как-то работал, можно было что-то купить... Да, ну, опять-таки, заказов много, не всех обслуживали, как говорится. Вот так.

А попытки прорыва были у вас, пытались освободиться из окружения?

Разговоров было много по этому поводу. Буквально за неделю до прорыва, или даже, может, за две примерно. Уже начали разговаривать, что якобы «ополчение» нам дает «зеленый коридор» при одном условии, что мы уезжаем с концами и больше сюда вообще не возвращаемся. Ну, естественно, а что у нас? У нас ничего нет. Боеприпасы на исходе, провизия на исходе, продукты на исходе...

Больше не было возможности там держаться?

Да, держались до последнего. До тех пор, пока не дали команду уходить. Держались до последнего...

Когда начали уходить, строиться, вам обещали «зеленый коридор» или как?

Нет, нам тогда уже дали маршрут выхода из окружения. Возможно, это была команда «прорывайтесь с боем». Вот этого я не знаю, как было на самом деле. Ну, дали команду, выходили под обстрелами. По крайней мере, на том участке, где выходили мы, ближнего боя не было. Работала исключительно артиллерия.

А с непосредственными командирами как отношения складываются?

Отношения складываются хорошо. Все мы там были одной дружной семьей. И все прекрасно понимали тоже. Они, можно сказать, были в такой же ситуации, как и мы. Команда сверху — выполняем. Нет команды — все.

А такой еще неудобный, конечно, вопрос, но, наверно, об этом тоже стоит говорить... Были ли случаи дезертирства?

С нашей бригады случаев дезертирства не было. На счет других бригад не знаю... Таких разговоров не было.

Если сравнить с довоенным периодом, то Ваша жизнь сильно изменилась?

Достаточно изменилась, очень серьезно. Кардинально даже поменялась.

А в какую сторону, можно какой-то пример привести?

Конечно можно. Если какие-то, допустим, взять проблемы глубокого характера, то сейчас, по сравнению с тем, что было раньше, они вполне решимы. Даже так если подумать, то уже и бояться-то нечего вообще. Все самое страшное я уже пережил. Бояться в принципе нечего.

Появились совсем другие ценности?

Совсем, конечно, совсем другие ценности. Бояться абсолютно нечего, что есть — ценю, храню, берегу, как зеницу ока.

А что для Вас сейчас является самым ценным?

Самым ценным — это моя семья, в первую очередь. Это моя мать, которая меня воспитывала, которая меня родила. Это самое ценное что у меня есть. А уже потом все остальное: друзья, служба, духовные потребности... Это вполне решимо. Но самое большое в списке приоритетов — это родная семья, это в первую очередь.

Назовите главную причину, по Вашему мнению, почему мы победим.

Потому что мы сильная нация, у нас есть сила. Мы сильный народ, я в этом убедился. Вот двадцать три года молчали-молчали, но я не думаю, я знал, что мы одна-единая страна. Но я не думал, даже не предполагал, что у нас настолько серьезный дух. У нас есть за что бороться.

Боевого духа, мотивации предостаточно?

Вполне! Самое главное, что бы у нас было грамотное командование. Тогда успех будет на нашей стороне. Вот это — самое главное, чтоб у нас [верховное] командование работало правильно, а мы не подведем. Мы, конечно, не подведем.

Ну, вроде бы все? Может, Вы еще хотели что-то сказать, о чем я не спросил?

В первую очередь, я хочу пожелать тем парням, которые не пошли на воинскую службу: ребята, задумайтесь, пожалуйста, над тем, как вы будете дальше жить в будущем. В будущем у вас полюбому спросят, что вы сделали для своей страны. Задумайтесь над тем, что вы ответите и как будет звучать ваш ответ. Всем удачи!

«...когда началась эта война, я почувствовал свой патриотизм и то, что это не только я, а и все пацаны, которые здесь присутствуют – там должны защищать свою Родину и стоять до конца. Потому что позади нас – наши семьи»

Ім'я: **Євген**
Рік народження: **1979**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
М. Павленком
24 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.11.

Назовитесь, пожалуйста.

Меня зовут Женя, в данный момент служу в пятьдесят пятой бригаде, естественно, воюю.

Какая батарея?

Первый дивизион, вторая батарея.

Какого Вы года рождения?

[19]79.

Откуда Вы родом?

Родился я в Мелитополе, жил в Сумской области, потом переехал сюда, в Запорожскую область, Запорожский район, сам с села Новопетровка.

Вы мобилизованный?

Да, как я уже объяснял, из сельсовета позвонили моему хозяину, хозяин сказал, что мне нужно явиться в военкомат первого августа. С того момента я служу.

Где Вы учились, где работали?

Я работал у фермера, поскольку жил в селе. Жил я с матерью и братом. Был женат, развелся, от брака осталось четверо детей. Сейчас живу с

матерью, мать осталась сама, брата тоже мобилизовали, только двадцать седьмого числа, он тоже служит, нас двоих забрали на войну.

Брат тоже воюет?

Он сейчас не воюет, проходит подготовку в Житомире, в учебке, потом тоже пойдет воевать.

А какой род войск?

Он попал в ВДВ, а срочную служил в связистах, а попал в ВДВ. А я был пехотинец, а попал в артиллерию.

А где Вы служили?

Это была учебка «Десна», потом в Черновцах дослуживал. Тогда служба была еще полтора года.

Это в каком году Вы служили?

Это был [19]99 – 2001 год. Я в армию пошел служить в двадцать лет, потому что меня два года не брали по состоянию здоровья. А потом стал годен и пошел служить... С женой развелись по семейным обстоятельствам, как это всегда бывает.

Ну это жизнь...

Да.

Вы говорили, что работали у фермера, а кем?

Животноводством занимался.

Как Вы попали в военкомат? Повестка не пришла, просто позвонили?

Да, просто сказали, что надо явиться в военкомат, я ту повестку и не видел.

А дальше что?

Нам сказали приехать в Дом пионеров, здесь в Запорожье, туда всех собирали. Прошел медкомиссию и отправили сюда в пятьдесят пятую бригаду.

А как Вы, пехотинец, попали в артиллерию?

Тут не смотрят в каких родах войск ты служил до этого, куда нужны люди — туда и набирают. Вот нужны были люди сюда, в пятьдесят пятую бригаду, как бы по месту жительства, вот и попал сюда.

А какая у Вас сейчас должность?

Я номер obsługi.

Обслуга орудия?

Да, обслуга орудия. Я не командир, не наводчик, я сильно и не стремился им быть.

В чем заключается специфика Вашей работы?

Я обслуга орудия, заряжаю его, подаю, все такое. Разгрузка-погрузка, складываю-раскладываю орудие. Вот и вся специфика.

Вы проходили переподготовку перед тем, как попали в артиллерию?

Да, нас готовили сначала здесь, на «Уральских [казармах]», потом — на полигоне, на «Близнецах». Выезжали даже на другой полигон, стреляли, сутки там побыли... А потом нас через некоторое время отправили в Донецкую область.

То есть подготовка проходила не так и долго?

Недолго, примерно месяц.

А в районе каких населенных пунктов находилась Ваша батарея?

Точно не скажу в каком районе, скажем так, в Иловайском «котле» мы тоже побывали, наша батарея, мы приняли первый бой, а потом нас обстреляли и нам пришлось отступить.

С каких видов оружия по Вам стреляли?

Там были и минометы, и с «Градов» стреляли, вражеская пехота подтягивалась.

А ближние бои были?

Ближних у нас, слава Богу, ни разу не было, потому что у нас в батарее людей не так и много, как в пехоте, в ближнем бою мы бы долго не продержались, если честно. Сами сепаратисты, или террористы, кто они там, они охотятся на артиллерию, мы им наносим большой урон. Мы им нервы потрепали хорошо.

То есть у нас сейчас реально боеспособная армия?

Да, боеспособная. Можно воевать и нужно, хочется ведь очистить свою страну от российских войск.

Можно ли говорить о том, что именно российские части принимают здесь участие? Присутствуют?

Еще как присутствуют, потому что когда воюешь с «ДНРовцами» и с регулярными войсками России — те более профессиональные, а «ДНРовцы» не такие дееспособные.

«ДНРовцы» тоже бьют по вам с артиллерии?

И такое тоже бывает, у них там все есть, потому что Россия поставляет все виды вооружения, полностью все.

А какие?

Такие самые, как и у нас.

Крупнокалиберные?

Да, «Грады», «Ураганы», минометы. Ну, понятно, стрелковое оружие — этого у них хватает.

А как Россия поставляет им оружие?

Через границу, там же граница...

Можно ли говорить о взаимосвязи между гуманитарными конвоями и поставками оружия?

Можно. Сколько раз было это перемирие, а после перемирья они начинают хорошо работать. У них и людей добавлялось, и снарядов, после перемирья они ведут более интенсивный огонь. Честно сказать — я вообще не вижу смысла в этом перемирье, мы им просто даем время, чтобы они отдохнули, пополнили запасы. Это неправильно, потому что из-за этого перемирья много людей погибает, наших ребят, которые стоят непосредственно на передовой... Мы-то сзади стоим, а те пацаны: пехота, разные батальоны — им очень достаётся, много погибших из-за этого... Приказ есть приказ, мы люди военные, подневольные, так сказать, нам сказали — мы выполняем те приказы, которые нам дают.

Расскажите более детально за Иловайский «котел».

Точно не расскажу, потому что мы там долго не пробыли, двое или трое суток от силы. Наш командир спасал в первую очередь людей, он не спасал технику, железо, — он сразу дал приказ отступать. И та техника, которая сохранилась, — мы на ней выезжали оттуда.

То, что там осталось, вы повредили?

Часть мы повредили, часть они разбили. Война есть война. Когда ты попадаешь под обстрел — всем было страшно, была и паника. Мы тогда еще

многого не знали, не умели. У нас один погибший в батарее есть, семь раненных... Семь раненных...

Это в Вашей батарее?

Да, в нашей.

А батарея это сколько человек?

Ну, по штату, как я знаю...

Ну сколько орудий? Четыре?

Нет, шесть орудий. Сейчас у нас пять орудий, потому что людей не хватает, туда никто уже идти не хочет, не хотят подставлять себя под пули. Многие пацаны идут туда, просто мы не хотим чтобы «ДНРовцы» пришли сюда.

Чтоб эта война не пришла сюда, в Запорожье?

Да, потому что это страшно. Когда видишь это мирное население, как они живут, они всего боятся, они боятся нас, они боятся их, они уже ничего не хотят, им хочется только мира. Я так понимаю, им уже все равно, какая будет власть, — был бы мир.

Они уже просто устали от этого всего?

Они устали от войны, многие устали от этой войны.

А многие выехали оттуда?

Нет, я бы не сказал, что много выехало. Люди начинают выезжать, когда уже линия фронта приближается к ним. Кто может — выезжает, многие остаются. В основном, остаются старики, которые не могут выехать, женщины, которым не за что выехать...

Там еще много осталось мирного населения?

Еще много, народ бедствует... Я сколько смотрел телевизор — там говорят, что мы стре-

ляем по мирному населению — этого нет и не будет, как можно стрелять в своих? Тем более по мирному населению... Это исключено. Даже если ты сам по военному выстрелишь — тебя просто арестуют и...

Под трибунал?

Да, сразу под трибунал, но у нас в батарее такого не было ни разу.

А как складываются отношения с местным населением?

По-разному, некоторые нас приветствуют, другие смотрят искоса, взгляды злые, говорят: «Зачем вы сюда пришли, на нашу землю?» Мы им говорим: «Какая это ваша земля? Это наша земля, не только ваша, почему это ваша земля?» У меня ж и мамка с Донецкой области, и в Луганске тоже есть родственники, в Луганске остались родственники — тоже выехать не могут, он же под контролем сепаратистов, потому... Только непонятно, что они хотят, эти сепаратисты...

А сепаратисты эти местные?

Да, местные.

Или все-таки?..

В основном местные.

А наемники из России присутствуют там?

Наемники из России там присутствуют, те же чеченцы, дагестанцы, осетины. Там, наверное, кого уже только нету, туда уже из всей России всех гонят. Я так понял, что Путин хочет вообще Украину пополам поделить.

По Днепру?

Да. И хочет сухопутный выход к Крыму. У него такая политика... Не знаю, он, по ходу, хочет Украину так поделить, чтоб у нас остался только маленький кусочек земли, и все.

Хорошо, вы вышли из Иловайского «котла», да?

Да, были там, но не только.

Потом приехали в Запорожье?

Да, мы приехали в Запорожье, потом у нас был психолог в тот день, потом отправили домой на полтора суток, мы побыли. Потом нас опять укомплектовали и мы снова поехали в Донецкую область, только уже в другой район, естественно.

Это уже второй раз?

Да, второй раз.

А где вы были, если не секрет?

Нет, это не секрет, под Волновахой стояли, но недолго — нас отправили под Донецк.

Под аэропорт?

Да, под аэропортом были, моя и еще одна батарея прикрывали пацанов. У нас там, получается, дежурство шло: сутки дежуришь, а сутки отдыхаешь в лагере. Там две батареи — одна приезжает, одна отдыхает, потом меняемся, в таком роде было.

Расскажите, как складывались отношения с местным населением под Волновахой?

Мы с ними особо не сталкивались, старались не общаться, нам и запрещалось, мы в основном в лагере находились и выезжали на огневую, все. Жили в посадках, рыли блиндажи, окопы рыли сами себе. Тогда огонь с их стороны был не настолько сильный и мы естественно тоже не сильно стре-



Окопи неподалік від м. Волноваха Донецької обл.

ляли. Это уже под Донецком началось... Это из-за перемирий работы хватает...

Усложняется обстановка?

Очень сильно усложняется.

Расскажите о боях за аэропорт.

Ну, как я могу рассказать?..

Ну, Вы же там были, что Вы там видели?

Мы были не возле самого аэропорта, мы находились за 15-17 километров от него, мы же артиллерия, а не пехота. Нам корректировщик дает координаты, командир батареи дает координаты каждому орудю и вот... Бывает такое, что все орудия бьют по одному направлению, а бывает такое, что у каждого орудия свои координаты.

Часто приходилось тогда работать, пог Донецком?

Когда было перемирие — нет, а вот после перемирия — приходилось очень часто.

А вас часто накрывали?

У нас было такое, что нас за одно дежурство, за сутки, накрывали дважды. К нам приходил командир, спасал людей. А потом мы после обстрела приезжали и забирали свои орудия, что от них осталось. Это у нас за сутки получилось, что обстреляли два раза. Слава Богу, все остались живы, никто не погиб. Там ведь и беспилотники их летают довольно часто.

А с какой целью они летают, эти беспилотники?

Чтоб засечь врага, они дают координаты. А потом нас вражеская артиллерия накрывает. Они нас боятся, мы им много вреда приносим, уничтожаем их живую силу, технику разную...

А как вы узнаете о результатах своей работы?

Нам корректировщик сидит и говорит насколько мы попали, куда дальше стрелять. Я хочу еще раз повторить — у нас никогда не было такого, чтоб мы стреляли по мирному населению. То, что говорят эти «ДНРовцы», — это они свои грехи на нас списывают, иначе не скажешь. Это шок, что там приходится видеть... Детей жалко, конечно. Бывало такое, что приезжало мирное население и дети бегали, мы делились, что могли — давали. Мы ведь прекрасно понимаем, что это такое, у каждого тоже дома дети и семьи остались.

Скажите, насколько сильно изменилась Ваша жизнь по сравнению с довоенной жизнью?

Очень сильно, люди меняются...

В чем это проявляется? Можно какие-то примеры привести из Вашего личного опыта?

Раньше я, например, был спокойный, немногословный, тихий человек. Конечно, нельзя сказать, что я стал буйным, но более упертым, во мне появилось больше стремления, я стал жестче, более мужественным, потому что война закаляет человека, очень хорошо закаляет. Есть, конечно, и минусы. Часто боеем, потому что находимся в таких условиях, как на войне, скажем так. Жаловаться не хочу и не буду. Насчет питания у нас все нормально, большую часть помогают волонтеры, спасибо им, помогают питанием и одеждой, в основном гражданскую одежду привозят.

Теплые вещи?

Да, но волонтеры тоже ведь не могут все время помогать, все-таки уже скоро год, а война идет...

Это какие-то организации или простые люди?

Нет, тут в Запорожье есть волонтеры «Сестри перемоги», много пацанов из Бердянска, кто откуда, из Запорожской области — там тоже местные люди нам посылки присылают, такое...

Кто чем может — помогает.

Да, кто чем может.

А с обмундированием как?

Честно сказать — хотелось бы лучше, но что имеем — то и имеем. Слава Богу, хоть это есть.

Главное, чтоб было тепло и удобно...

Да, главное, чтобы было тепло и удобно, это же не срочная служба, тут пристраиваешься к этой войне, чтоб было удобно воевать.

Чего наиболее не хватает на данный момент?

Да всего хватает, есть, конечно, некоторые организационные вопросы, но все они легко решаются. Я не сказал бы, что чего-то сильно не хватает. Есть нюансы, что у нас техника ломается, надо ее ремонтировать, иной раз нет запчастей на эту технику, форма тоже изнашивается очень быстро. Если на срочной службе форма выдается на год, то у нас она за месяц убивается, она становится просто-напросто как тряпка. Это же полевые условия, а не то, что выехал, постоял и все.

А постираться там есть возможность?

Когда как, бывает, что есть, бывает, что нет. В основном мы стараемся больше времени уделять на сон, чтоб выспаться, отоспаться.

Ну да, не до стирки...

Да, но стираемся, конечно. Это уже зависит от желания каждого солдата, никто никого не заставляет.

А со сном как?

По-разному бывает, бывает нормально, бывает, что нас и ночью могут поднять — все зависит от обстановки на фронте. Если враг начинает давить нас...

Может, Вы хотите что-то рассказать, о чем я не спросил?

Хочу сказать, что батарея у нас очень дружная, мы друг другу всегда помогаем, не только своему

орудію, если надо помочь — помогает вся батарея. На войне только так и надо, по-другому нельзя. Мы как бы друг другу прикрываем спины...

То есть вот еще одна из ценностей, приобретенная на войне?..

Да, это настоящая дружба. Честно говоря — это настоящая ценность. У меня даже на гражданке столько друзей не было, как здесь появилось. Надежные ребята, я за них готов жизнь отдать, а они — за меня, если надо будет. Домой хочется, это понятно, что всем хочется домой. Очень устаешь от этой войны, но понимаешь, что не дай Бог они придут сюда, начнут стрелять — вот этого не хочется. Этого допустить нельзя. У меня вот сын, ему восемь лет, я приезжал к детям, проведаль, он мне вот что сказал: «Папа, я пойду в артиллерию, пойду на войну». Я говорю: «Сынок, тебе же надо вырасти, выучиться». Говорит: «Папа, а я пойду все равно». Дети уже сейчас начинают понимать, что творится в нашей стране...

Эта война много поменяла...

Очень много — сплотила, поменяла. Есть, конечно, люди, которые, так сказать, стараются ради наживы, стараются ради себя и все. А есть люди, которые наоборот... Всякие люди попадают. Но хочется побыстрее это все закончить и вернуться к мирной жизни.

Ну, понятное дело, мы победим.

Только какой ценой, вот вопрос? Честно говоря, много ребят погибает, тяжело нам эта победа достанется. Наступать мы не можем, так

как нет приказа, а не допустить, чтоб они дальше не пошли — тоже бывает тяжело. Из-за этих перемирий, которые там происходят... Даже вот то последнее перемирие, что там было, оно результата никакого не дало. Даже Дебальцево уже сепаратистам сдали. А куда они дальше хотят? Это понятно, что они хотят Мариуполь захватить, а дальше пойдет Бердянск, и пошло-поехало — всю Запорожскую область.

Но все-таки мы победим.

По-любому.

А назовите главную причину.

Главная причина — то, что у нас находится в сердцах у каждого солдата, это самое главное оружие. Ни танки, ни «Грады» — самое главное, что у нас в сердце, это самое главное. Честно сказать, я раньше и не был патриотом своей страны, но когда началась эта война, я почувствовал свой патриотизм и то, что это не только я, а и все пацаны, которые здесь присутствуют — там должны защищать свою Родину и стоять до конца. Потому что позади нас — наши семьи, в первую очередь. Мы не хотим, чтоб они пришли к нам.

Может, Вы хотите что-то пожелать, передать тем, кто позже это будет читать?

Я хочу пожелать, чтоб любили, верили и надеялись. Это три слова, потому что любовь — это самое главное в жизни. Вера и надежда без любви не могут существовать. Не надо и бояться... Страх присутствует у каждого из нас, но если мы будем бояться и не пойдем туда, то кто кроме нас?

Только дурак ничего не боится, но страх и паника это ж большая разница. Паники-то нет?

Самое главное, чтоб паники не было, но мы должны, мы обязаны... Честно говоря, тяжело объяснить почему так, но со временем оно приходит, не сразу. Надо любить свою землю, которую защищали наши предки, и без того, сколько нашу землю пытались захватить? Сколько это может продолжаться? Хочется, чтоб наша страна поднялась, я не хочу, чтоб мы жили вместе с Россией, я хочу, чтоб мы жили с Европой, чтоб наша страна жила своей жизнью, шла своим путем. Конечно, ни с кем воевать не хочется...

Но приходится...

Увы, приходится. Даже Александр Невский сказал: «Кто с мечем к нам придет, тот от меча и погибнет». Такая вот философия, больше ничего добавить не могу.

«...після Волновахи кожен з батареї повірив, що ми артилеристи, "боги війни". Коли з інших частин нам дзвонять чи передають подяку, що ми помогли, — це дуже підіймає дух»

Ім'я: **Валерій**
Рік народження: **1967**
Місце служби: **55 оабр, 1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби: **мобілізований**
Інтерв'ю записане М. Павленком 25 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. — Ф.29. — Оп.1. — Спр.12.

Назвіться, будь ласка.

Валерій Васильович.

Якого Ви року народження?

1967 року.

Звідкіля Ви родом?

Запорізька область, смт Кирилівка Якимівського району, на березі Азовського моря.

Розкажіть про довоєнне життя: як жили, де робили, де вчилися?

Азовська середня школа. Робив у рибколгоспі «Сини моря», на базах віддиха робив, зараз свій бізнес — гостинний дом сімейного типу у нас із жінкою. Пішов у армію добровольцем, по третій волні мобілізації, 31 липня.

Вам повістка не приходила, Ви самі прийшли у воєнкомат?

Сам прийшов, пройшов комісію і через п'ять днів приїхали сюди.

А де Ви служили, проходили службу?

Службу я проходив у Південній групі військ, в Угорщині.

А який рід військ?

Піхота, на автомобілі, у роті матеріального забезпечення. Я служив у різних частинах, у трьох частинах. Коли я тільки прийшов сюди, у п'ятдесят п'яту бригаду, це тільки починалось відродження української армії, армії не було, на мій погляд, армії не було. Сам я був депутатом і зараз є діючим депутатом селищної ради. Я патріот, я люблю Україну, я українець і я горджуся, що я українець. Ще під час армійської служби я зрозумів, що ніхто не у праві нам насаджувати те життя, яке обирає наш український народ.

А хто насаджував?

Росія. Йй потрібен розвал України Януковичем і усіма його прибічниками...



ЗІА-131 напередодні виїзду до Старобешевого

Коли я прийшов у п'ятдесят п'яту [бригаду], то тут найбільшою проблемою була техніка. У нас у Кирилівці є фірма аварійної рятувальної служби «Баракуда», я був один із перших організаторів цієї фірми, директором цієї фірми був Володимир Федорович, він вирішив віддати мені машину ЗІЛ-131, щоб вона служила п'ятдесят п'ятій бригаді і нашій вторій батареї на війні. Так я й отримав позивний «Баракуда». Вона недовго прослужила, ця машина, у Старобешовському «котлі» її російська артилерія розбила. Вона саме одна з перших получила... Тоді поранення получили багато: я був ранений, поранення отримав Ігор Вікторович, моїх побратимів двох...

Дуже велику роль в становленні батареї зіграло наше командування, середнє командування: це командир батареї, СОБ і офіцери батареї, вони дуже велику роль зіграли в становленні батареї, щоб потім називатися «невидимками». Я дуже радий, що я попав у цю батарею, що в мене комбат, СОБ — молоді, але дійсно хороші командири, ми можемо рівнятися на таких командирів, вони виростуть, і якраз вони будуватимуть нову армію. Я аналізую багатьох своїх побратимів, і я вважаю, що рано чи пізно вони зобов'язані зайняти місця у обладміністрації, у мерії, стати депутатами, я їх бачу, вони дуже сильні люди... Молодь буде строїти цю страну, страну свободну, і яку ми хочем бачити, європейську. Україна має бути квітучою.

Тобто, майбутнє нашої країни все-таки за молодими людьми?

Звичайно за молодими!

Вся ця біда, яка прийшла, ці випробування — це Господь Бог, мабуть, дав нашому народу, щоб ми стали сильніші і більші... Дуже жалко, скільки людей погинуло... Це випробування ми пройдемо, тому що Бог дає лише такі випробування, які людина може пройти, інакше наш український народ погине. Бог з нами.

Ви, я помітив, часто згадуєте Бога, Ви й раніше вірили, чи вже на фронті стали?

Ні, я вірив ще коли мене у армії вчили. Я віруючий, я прихожанин, правда Московського Патріархату, хоча у мене є деякі питання і до нашого Патріарха Кирила, який благословив війну на землях України. Я себе заспокоюю, що коли я приходжу у церкву — це храм Божий, я приходжу до Бога, а не до патріархів. Ну, все рівно, церква Київського Патріархату багато чим допомогла, і Московського Патріархату церква тож допомогала багато.

А чим саме священики допомагають армії?

Вони собирають гроші, у церквах вони моляться за погиблих, вони одспівують служби, вони підтримують народ, приїжджають у армію... Кожен тут показує своє обличчя.

А волонтери допомагають?

Волонтери — я взагалі мовчу. Багато хто балакає, а вони просто беруть і роблять, це допомога простих людей. Я якраз був у ті моменти, коли після Старобешевського «котла» пішов Іловайський «котел», ранених везли, я бачив оцих ранених, серця яких розтоплювали прості люди, вони

приносили їжу, одягу, мили їх... Я зрозумів, що це великий народ. Прості люди приходять, дуже багато приходять... Я досі дружу із «Жіночою сотньою Запоріжжя», це громадська організація, потім благодійний фонд «Партіоти Запоріжжя» – дуже багато допомагають раненим, з ними я досі піддержую зв'язок і я низько їм кланяюсь... А так, звичайно, найбільше для мене – це мої побратими, це браття, яких я ніколи не зраджу, ніколи не кину, вони дійсно мої брати.

А які цінності Ви набули там, на війні?

Мабуть, життя. Це найбільше, що Бог дав чоловіку. Найбільш погана якість – це підлість, таких я не визнаю, підлість породжує зраду, підла людина – це вже не людина для мене. У будь-якій сім'ї є хороші й погані люди, на війні – тим більше, це життя. Головне – вчасно і безкорисно подати руку помочі своєму другу, це найголовніше.

Тобто, ще одна найбільша цінність – дружба.

Звичайно, це ж сім'я. У мене друзі на громадянці знають, моя дружина знає моїх друзів, мій син, донька, я їм завжди розповідаю про своїх хлопців, бо вони найкращі.

Розкажіть про бойові гії, в яких Ви були.

Під Старобешевим, звичайно, було гаряче, потім під Волновахою стояли. Останній раз, два місяці, грудень і січень, з кінця листопада, стояли біля Донецького аеропорту, допомагали кіборгам.

Давайте по порядку. Розкажіть про Старобешеву, що там було?

Я, чесно кажучи, не хочу згадувати.

Вам хотілося б забути?

Воно не забудеться. Воно туди далі, коли війна скінчиться, коли усі мої вже демобілізуються, когда ми всі уже будем на гражданці, — тоді можна буде, більше розкажу. Зараз я хочу одного — бачити їх живими.

А про Волноваху можете розказати?

Там я всього неділю пробув.

А з місцевим населенням Вам доводилось спілкуватись?

Був у Селідовому, у Волновасі говорили декілька разів. Коли починаєш говорити — багато місцевих мешканців шукає підтримки наших українських військових. У Дмитровому я був, росіянку одну стрів і питання задав: «Як ставитесь до руських?». Вона: «Тільки за Україну», — сказала. Мені дуже було приємно. Шукаючи з офіцерами місце для нового розташування, спілкувався з головою сільської ради. Видно було, що він (навіть не пам'ятаю як його звать) піддержує більше сепарів, а я, дивлячись на життя Донецької області, бачу, що вони дуже бідно живуть і розвитку цього краю не було.

А з чим пов'язано те, що наприклад, цей сільський голова підтримує Росію?

Мабуть, такі закони в Україні були прийняті...

Скажете пару слів про Старобешеве?

Це була перша наша доба на війні, був і страх, було і несприйняття того, що перший день на війні такий. Відзначу, що коли по телевізору дивлюсь, мовляв, офіцери кидали своїх солдат, я можу тільки відзначити кращу сторону своїх офіцерів середньої ланки,

таких як: комбата, СОБа, молодого парня, лейтенанта, лейтенанта Васильовича, і звичайно замполіта бригади (а у той момент — нашої батареї), який теж отримав поранення у тому бою. Увесь час, що ми там були — командири були з нами, були чіткі накази, я їх можу назвати дійсно бойовими офіцерами.

Старшина, позивний «Хазяїн», він завжди турбується за батарею, аби завжди всі були всім забезпечені. Старшина — це якраз і є той кістяк армії, як і командири гармат (я їх можу кожного назвати). Я пишаюсь тим, що я у цій батареї.

Просто дилема така, звісно, ніхто не думав, що руські будуть воювать з українцями. А ця неправда, яка лється по їхньому телебаченню, нас розсварила, розсварила родичів. Моя двоюрідна сестра живе у Москві, бачились за чотири місяці до цього, зустрічались, нормально все було, а через чотири місяці виявилось, що це два різних чоловіка. У їхнього народу дуже довго культивували надмірність над іншими народами, що вони вище над іншими. І ніхто не думав, що є такі українці, які хочуть тихо-мирно жити, трудитися. Повинні покоління виростати на патріотичних принципах, це повинно починатися зі школи, як кажуть, з материнського молока кожен має впитувати, що таке — Батьківщина. Тоді, напевно, все у нас вийде, я у це вірю, інакше не може бути.

Ну, а про війну я не люблю говорити...

Добре. А розкажіть про госпіталь.

Був у Дніпропетровському госпіталі, нас тоді «вертушкою» відвезли. Зустріли дуже прекрасно,

обмили, накормили... Він тоді тільки становився, цей госпіталь, з руїн відроджувався. Для мене була найбільша радість, коли у госпіталь приходили різноманітні люди, допомагали, це така теплота була, це не передати, це треба відчувати, коли ти бачиш ті очі, від бабусі до дванадцятилітніх дітей, які приносили просто яблуко — дух підіймається, ти відчуваєш, що цей народ непереможний, що ти не сам.

У мене є сім'я — це моя батарея, а є поруч люди, які небайдужі до всього цього, тому, мабуть, у госпіталі я трохи відтанув, віри і сил придалось. Після поранення поспішав швидше відновитися, написав рапорт, недолікувавшись, поїхав під Волноваху, це була моя помилка, потім повернувся, долікувався, і вже на третю ротацію повністю поїхав з батареєю.

Я не знаю, що більше розказать... Війна ще не закінчилась і тому хочеться уже після війни розповісти, коли спогади будуть більш чіткими...

...Коли це все вже можна буде осмислити повністю.

Так, хоча багато вже осмислилося. Буває, дуже ламає. Можу сказати, що ті, хто на війні, — ламаються, їх не можна засуджувати, люди ламаються морально, вони багато бачили того, що дехто і не уявляє, багато хто не пережив би навіть тих умов, у яких вони жили. Я їх просто дуже поважаю за це. А ламаються тому, що це великий психологічний тиск, відірваність від дому, у напрузі людина не може довго жити. Я розумію, що це дуже важко, хоча багато хто не зізнається навіть своїм рідним.

Я вважаю, звичайно, що молоді там не повинно бути, хоча біля мене є багато моїх синів. У молодих нема того життєвого досвіду, може вони й позакінчували військові училища, вони по-воєнному розуміють, але життєвого досвіду (як прожити, як навіть лягти так, щоб не захворіти) у них немає.

Там, у тих умовах, людина швидко всьому вчиться?

Звичайно, деякі того навчилися. Хотілось би, щоб армія була хоч напівпрофесійна, щоб молодий призов вчили, бо срочників за рік не навчиш. Повинна бути професійна армія, де люди мають отримувати хорошу зарплату, щоб люди були соціально захищені і знали ідеально свою професію. Тоді можна від них вимагати, щоб вони добре служили своєму народу. А у такому виді армія не може бути, необхідні реформи, це найбільш обговорювана проблема у армії: де реформи, чому не понесли покарання ті, хто розвалили армію, адже ми могли втратити країну і бути провінцією Росії, народом другого сорту.

Багато хто воює не за уряд, вони воюють за свою землю. Я ніколи не чув, що ми воюємо за уряд, ні, ми воюємо за свій народ, за свою землю, щоб біда не прийшла на нашу територію.

Оце такі у мене роздуми... Їх багато, роздумів, але вони, напевно, поки не доречні... Треба щоб пройшов час, а тоді історія буде давати свої оцінки.

Тоді вже можна буде писати більш реально.

Так, головне — щоб чесно, коли буде чесно — тоді буде сприйняття і розуміння буде правильне. Буває, коли вдома запитують, я кажу: «Не можна

багато правди розказувать. Правда ця дуже тяжка і вона нікому сильно не понравиться». Ми маємо виховувати патріотизм, чоловічу мужність, якщо ми чоловіки — ми повинні вчитися цієї мужності, ми мусимо своїх дітей учить мужності, тому що у дру-гих країнах цьому учать, і ми також маємо.

А розкажіть ще про Волноваху, як там було?

Ну, там теж у посадці жили, тяжко було, але під Волновахою уже більш правильно було, вже вище командування давало правильно накази, вогневі були у одному місці, а розташування батареї — у іншому, розділили. Я вважаю, це було вже правильне рішення, що дали більше повноважень середній ланці командирів, вони мають самі вирішувати: як правильно шукати вогневі точки, табір розташувань. Все таки повірили оцим молодим офіцерам, і вони не підвели. Мої перші враження, коли я під Волновахою приєднався до своєї батареї, що тепер більш правильно і розумно усе робиться, хоча я і не військовий — але є розуміння того, як має бути правильно. Це було відчутно одразу, і воно й зараз так йде, тому і втрат менше, вже більш спокійно. Зараз йде справжня робота, злагоджена, без усілякого смикання.

Тобто армія відроджується і стає реально боєздатною?

Вже зараз — так. Напевно, після Волновахи кожен з батареї повірив, що ми артилеристи, «боги війни». Коли з інших частин нам дзвонять чи передають подяку, що ми помогли, — це дуже підіймає дух. Ми вже злагоджені, всі дуже люблять

свої «пльотки» (це гармати), бережуть і професійно ставляться до них. З кожним днем у людини набирається все більше сили.

Звичайно, хотілось би передати новим, хто приїде, що вони йдуть на війну, це не іграшки, щоб вони відносились до цього дуже обачливо і без фанатизму, професійно.

А як складались відносини з цивільним населенням?

Під Волновахою у мене з початку було п'ятдесят-на-п'ятдесят, ну а вже туди далі, мабуть, сімдесят відсотків було за нами, а може і більше. По крайній мірі, ті, що залишились, бо багато ж повиїжджало. Ми старалися завжди допомогти, були різні ситуації, хтось може і ображається, це війна. У будь-якому разі хочу сказати, що ніхто із української армії, як ото показують по російському телебаченню, що насилують і відбирають щось — такого не було. Я можу із впевненістю сказати, що жоден армієць, який при Міністерстві оборони, не може собі цього дозволити. Така людина буде засуджена і відправлена. Тут нема такого, щоб комусь це могли простити, такого не може бути.

І коли кажуть: «Там артилеристи стріляють по цивільному населенню» — такого не могло бути. Ми якщо бодай на двісті метрів збилися, на двісті метрів снаряд неправильно ліг — ми починаємо коригування, щоб по мирному населенню або поселенню не вдарити. Бути такого не може. Це в принципі виключено, бо такого наказу ніхто в житті б не дав.

Може, були якісь цікаві випадки, якісь історії, які можна було б розказати?

На війні цікавого мало.

А як складаються відносини з іншими родами військ?

Вони всі побратими. Все, що не спитають, деякі підрозділи навіть приїжджали, а їм не було де переночувати — дозволяли, є місця у палатках — приходили у наші палатки, поки не найдуть місце, де розбити табір. Це одна родина, яка робить спільне діло. Дуже важливо, коли біля тебе завжди є справжній друг, який завжди підтримає, допоможе, прикриє. Це найбільше ціниться, щоб ти не боявся, що спина може бути оголеною.

Може, Ви щось хотіли передати, побажати тим, хто в майбутньому читатиме це інтерв'ю?

Раніше, коли ми бажали миру — ми не розуміли цього слова. Зараз я дуже сильно розумію це слово. Я хочу, щоб мирне небо було, без війни... Мабуть, цього я найбільше хочу, щоб мої діти і онуки жили без війни.

*«...настоящий
военнослужащий должен
быть всегда лицом, ведь
по нему судят обо всех
остальных. То есть даже
когда ты находишься в
отпуске, дома, ты должен
соответствовать»*

Им'я: **Максим**
Рік народження: **1984**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
М. Павленком
25 лютого 2015 р.
**РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.13.**

Пожалуйста, назовитесь.

Меня зовут Максим, я боец пятьдесят пятой артиллерийской бригады.

А какой дивизион?

Первый дивизион, вторая батарея.

Вы контрактник или мобилизованный?

Мобилизованный, я в августе, в начале августа призывался, служу по сей день.

Откуда Вы родом?

Город Токмак, Запорожская область.

Расскажите о довоенном периоде, где Вы работали, чем занимались, где учились?

Далеко забегать не буду, в принципе, в последнее время я был безработным. Работал в основном неофициально, разнорабочим.

Кем работали?

Ну, это связано со строительством больше. Наступил кризис, и работы стало меньше, поэтому были перебои с работой. Но вот когда началось это [Майдан] — я как бы переживал, я особо не

піддерживав предыдущую власть, считал, что мы достойны лучшего.

А как Вы относились к Майдану? Вы выходили на Майдан? Поддерживали?

Ну, сказать, чтоб полностью поддерживал — то понятно, это был бы большой спектакль, мое мнение, со стороны, — там был разыгран определенный сценарий, но, в принципе, сама идея была неплохой, то есть демократическое развитие государства. Перемены определенно нужны, и время уже пришло давно, просто у людей накопело, они просто не стали больше терпеть — вот это мне понравилось, в нас проснулась гражданская позиция, образовалось гражданское общество, пускай даже под влиянием внешних факторов.

Ну, а сами лично Вы на Майдан не выходили?

Тогда не был, и после того мне еще не удалось там побывать, хотя хотелось бы туда съездить, посмотреть. Как бы почтить память тех людей, которые там...

А на местный Майдан в Токмаке или в Запорожье Вы ходили?

У нас как такого Майдана и не было, у нас Токмак, как говорится, более пассивный в этом плане был. В Запорожье я тоже не приезжал.

А следили ли Вы за событиями, читали новости, откуда Вы брали информацию?

В основном из телевидения, конечно, остальное так, то, что люди говорили, и все.

Часто обсуждали все эти события?

Ну, в семье, например, нечасто. Да и в кругу моего общения было пятьдесят на пятьдесят. Мно-

гие просто не понимали причин, по которым люди решили выйти, просто-напросто. Неясно было, чем это все закончится, но такого развития событий, какое последовало, вообще не предсказывалось, что будет такое, что это только начало.

Наша пятьдесят пятая бригада с первых дней воюет?

Ну, то что было до моего [прибытия], до того как я призвался, особо таких подробностей я не знаю, знаю, что некоторые, ну, общался я с теми людьми, которые были под Славянском, когда там было, но на откровенный разговор они, как правило, не идут. Считаю, что лучше это не вспоминать лишний раз.

А вообще если кратко о чем они рассказывали? Те, кто были под Славянском.

Если кратко, то о том, что это была тяжелая служба, я не знаю, как еще назвать. А именно о боевых действиях они так не упоминали. Ну, я знаю, что вроде бы у нас таких серьезных потерь не было в начале, это они уже потом начались, когда пошли более активные действия. Ну, я считаю, что изначально была слишком пассивной наша позиция, имею ввиду нашу власть, хоть она была и молодая, новая, просто она опиралась больше на поддержку Запада, чем на свои силы, то есть мы еще до конца не верим в свои силы.

А с чем это связано?

С чем связано... Ну, не знаю, с менталитетом, наверное, не знаю, но мне кажется, что следующему поколению надо просто вырваться из этого советского прошлого — и тогда у нас все нормально

[будет]. Да, я считаю, что стоит пример брать с тех государств, которые были когда-то в «большой семье» Советского Союза — Прибалтика, Грузия — они захотели и смогли. Им удалось стать на новый путь, я думаю, и у нас все получится, но просто наша страна побольше, то у нее побольше проблем и это займет какое-то время...

Что Вы можете рассказать о местном населении? Как население относилось к военнослужащим?

Ну, то, что я слышал, население по началу относилось, как население, в основном, пассивно относились, были больше склонны к Украине, к миру. А те люди, которые попали под влияние агитации, — они, конечно, относились негативно и часто помогали, скажем так, не в нашу пользу.

Вы говорите об агитации со стороны России?

И со стороны России, и со стороны местной власти. Там многое в начале зависело от местных руководителей в каждом городе, в каждом районе были люди, которые расшатывали ситуацию, вот ее можно было бы сгладить, я считаю, это все [можно было] решить путем переговоров, я считаю, что у регионов было мало прав, конечно, они выживали в основном, ждали в основном помощи из Киева, я считаю, что можно было б больше прав дать регионам...

То есть децентрализация решила бы все эти проблемы?

Да, это все могло решиться мирным путем переговоров, реформами. Но внешние силы были заинтересованы в раскатке ситуации, что, в принципе, им удалось.

«Внешние силы» — это кого Вы имеете ввиду?

Внешние силы — это путинский режим, я даже не называю Россию, потому что я думаю, что люди тоже там не хотят войны. Я вообще не знаю, кто хочет войны, этого кровопролития, тем более это сейчас очень большие затраты.

Вы говорили о людях, которые раскачивали, дестабилизировали ситуацию на Востоке, это было местное население или кто это был?

На мой взгляд, это были те же представители местной власти, которые таким образом хотели выбить себе какие-то преференции или льготы, так как в Киеве власть поменялась и они хотели таким образом показать свою силу, свою значимость. Мол, в Киеве тут одно, а у нас тут будет все по-другому, по-старому. Они не хотели никаких изменений, они хотели таким образом заморозить эту ситуацию на долгие годы с надеждой, что через время снова вернуться ко власти, чтобы все оставалось, как раньше. Чтоб население было забито, чтоб платить минимальную зарплату, а давать людям возможность развиваться — необязательно.

Расскажите, как Вы попали в армию? Как Вас мобилизовали?

Ну как, я сам пришел в военкомат, попросился, прошел медкомиссию, быстро собрал все необходимые бумаги, в принципе, никаких проблем не было. Меня, так сказать, поставили в очередь, я дождался того момента и меня вызвали и предложили ехать сюда, сразу согласился.

В пятьдесят пятую [бригаду]?

Да.

То есть Вы доброволец?

Да.

Это было в августе четырнадцатого года?

Сюда я попал в августе, а в военкомат я приходил еще весной. То есть какое-то время, видать, формировали вооруженные силы, и только в августе они начали набор сюда, в пятьдесят пятую, потому я и попал сюда только летом, хотя уже весной хотел прийти.

Добровольцам в армии деньги платят? Есть какая-то зарплата?

Получается, нас приравнивали к военнослужащим контрактной службы, то есть мы получаем такую же зарплату, как все, в принципе, довольствие то же самое вещевое, и так далее, и питание, и все остальное. То есть, мы до демобилизации служим как контрактники, просто что у нас немножко другой статус, мы — мобилизованные.

У вас была какая-то подготовка?

Я попал в другую батарею, мы находились на полигоне и пробыли там какое-то время, а потом был набор именно в боевые батареи, и я попросил, чтобы меня перевели сюда. Я, получается, не сразу попал в боевую батарею.

А когда Вы попали во вторую батарею?

Это было в конце лета, 31 августа нашу батарею построили и спросили, кто хочет поехать, я согласился, нас было восемь человек и из нас сформировали расчет орудия. По-сухопутному, орудие — это отделение. Нам дали водителя с тягачем, пушку,

которую мы в принципе не видели, то есть мы оружие видели, но не понимали, как оно работает, и все наше обучение проходило, как говорится, в боевой обстановке, мы все схватывали на ходу.

А до этого где Вы служили?

До этого я служил в Крыму, но это был еще 2009-2011 год. Служил в морской пехоте, водителем.

А как Вы с морской пехоты перешли в артиллерию?

Там, получается, я служил по контракту, уволился, не захотел продолжать контракт, просто на гражданской работе работал. Те условия, которые были на тот момент в армии, меня не устраивали, я считал, что военнотружущие достойны лучшего, по крайней мере я не видел своего будущего в Вооруженных силах.

Можно ли говорить, что все время до войны армию просто разваливали?

Возможно, просто она находилась на очень низком содержании государства, все финансы распределялись по остаточному принципу, молодые специалисты не хотели служить до пенсии, поскольку до пенсии им далеко, они просто уходили и, таким образом, армия просто приходила в упадок. Элементарно не хватало специалистов, которые бы поддерживали технику в нормальном состоянии, она со временем просто приходила в негодность.

А насколько сильно армия изменилась за последний год?

Внешне так сложно сказать, но сейчас, конечно, стали больше внимания уделять как со стороны

государства, так и со стороны гражданских и волонтерских организаций. Сейчас чувствуется, что чуть-чуть больше стало внимания, и это уже радует, я надеюсь, что в будущем проведутся определенные изменения здесь, реформируют вооруженные силы, и они будут более боеспособными. Главное, в принципе, это люди, надо их мотивировать, ведь на одном патриотизме сложновато. Если они будут полностью социально защищены, мне кажется, здесь будет много достойных. Будет приток людей, и они будут следить за своим вооружением, за его сохранностью, исправностью, будут стараться остаться здесь, я считаю. До этого профессия военнослужащего не была настолько престижной, как в европейских странах. Если мы выйдем на их уровень, то это будет очень хорошо.

А сейчас престиж воина, военнослужащего, погнулся в обществе?

Это сложный вопрос, сейчас армия находится в процессе становления. Мобилизованные — это срез общества, это те люди, которые пришли из народа, у каждого были свои причины сюда прийти, но это еще не профессиональная армия, то есть судить именно по этим людям немножко неправильно.

Еще рано...

Да, надо создать профессиональную армию, тогда, я думаю, население, народ, взглянет по-новому на нее. А пока что из-за отдельных людей возникает некое недопонимание, некоторые считают, что они попали сюда случайно, либо их без согласия сюда направили.

Но они же не являются главным показателем в армии.

Нет, настоящий военнослужащий должен быть всегда лицом, ведь по нему судят обо всех остальных. То есть даже когда ты находишься в отпуске, дома, ты должен соответствовать. Для этого нужны профессионалы.

Но с другой стороны, все мы люди...

Да, всем хочется прийти в отпуск, почувствовать, отдохнуть, расслабиться, многие привыкли жить по-разному. Если в армии дисциплина преобладает, то эти люди, которые мобилизованы, они, по большому счету, еще живут гражданской жизнью, то есть они дома не похожи на военных, скажем так, когда они находятся дома.

Это очень портит престиж военнослужащего?

Я б не сказал, но к этому надо относиться с пониманием, понятно, что не все готовы слишком себя ущемлять в каких-то слабостях своих, хочется и погулять, и выпить, ну и так далее.

Давайте немного отойдем от этой темы. Скажите, сколько раз Вы были в зоне боевых действий и в какой период?

У нас было две ротации, чуть больше, чем по два месяца каждая, мы захватили осень и большую часть зимы.

А в районе каких населенных пунктов Вы были?

В районе Волновахи мы стояли какое-то время.

Это осенью, поначалу?

Да, это поначалу. Там было довольно-таки спокойно на тот момент. Мы, конечно, работали по

определенным населенным пунктам, где они проявляли свою активность, но потом, когда пошло обострение на других участках, нас перебросили туда. Мы были в зоне Донецкого аэропорта и в конце первой ротации, и полностью всю вторую ротацию мы там находились. Прикрывали сам аэропорт, подступы к нему, чтобы его удержать. Я считаю, что мы с задачей справились своей, нам это удалось, вот. Просто сейчас, конечно, аэропорт просто физически разрушен.

То есть там просто больше не было за что держаться?

Там, в общем-то, не было смысла людей держать, это стало больше символом, чем реальной точкой, где можно было укрепиться. Сейчас мы стоим на



*«Невидимки» на позиціях поблизу м. Волноваха
Донецької обл.*

тех же позициях, держим не сам аэропорт, а полностью эту территорию, эту зону, что бы они не продвигались дальше.

Как Вы считаете, какая главная задача, вот Ваша лично? С какой целью Вы пошли в качестве добровольца?

Поначалу у меня были минимальные цели — пристрелить хотя бы одного сепаратиста, я считал это минимальной целью. Я уже план свой давно перевыполнил. Теперь, я считаю, наша задача, вообще Вооруженных сил, доказать тем людям, которые подумали, что мы слабы и не способны себя защитить, доказать им обратное, то есть что они зря затеяли это все, показать, что тут еще кое-кто остался, кто может дать отпор, защитить своих родных, своих близких.

А как складываются отношения с местным населением? Как было под Волновахой? Как было в районе аэропорта? Можете рассказать?

Местное население неоднородное, в разных населенных пунктах соотношение поддержки и непонимания было разное. В некоторых [населенных пунктах] больше настроены пророссийски, некоторые больше проукраинские, но мы никогда не старались давить на местное население в этом плане, гражданские люди — не наша специфика, есть определенные службы, которые для этого созданы. Пусть они этим занимаются — ведут разъяснения, [выявляют] тех, кто был замешан, чтобы все было по закону. Да, сами мы никогда, даже старались не вступать в словесный спор, то есть мы

можем просто выслушать и объяснить свою позицию, но никогда не навязывали свое мнение.

А Вам приходилось общаться, непосредственно выслушивать их?

Лично мне не приходилось, я просто человек такой, спокойный, я не буду навязывать свое мнение, у меня есть свое — и я его придерживаюсь.

Где происходит контакт между военнослужащими и гражданскими?

Контакты происходят, когда мы проезжаем села или выезжаем в какой-то город, тогда мы иногда общаемся с населением, но в основном ни они, ни мы не настроены на общение. Я их тоже понимаю, они от этого уже устали, им хочется мирной жизни. Это я отчетливо понял. А в каком статусе — это покажет время.

Можно ли говорить о том, что местному населению, в принципе, все равно, кто здесь будет, что Украина, что Россия?

Нет, так сказать нельзя. Они больше настроены [на то], чтобы все-таки была украинская власть, они уже заметили разницу, почувствовали, что у нас, где находятся украинские части, там меньше вот этого бардака. Там все, в принципе, как и на остальной территории Украины, все соблюдается — порядок и закон. А на противоположной стороне — там беззаконие творится, анархия. Захотели — пришли, отобрали что-нибудь...

А на тех территориях, которые не были под контролем сепаров? Волноваха, к примеру. Как там настроены местные?

В большинстве они настроены проукраински.

А вот эти вот «ДНР», «ЛНР», «Новороссия», кто находится в составе этих вооруженных формирований, по Вашему мнению? Какая часть местного населения среди них?

Изначально это было, в основном, местное население, и не только из Донецкого и Луганского регионов, но и из других регионов Украины тоже. Но, я считаю, они были не идейны, они пришли зарабатывать деньги, то есть они это делали за деньги. Им было, в общем-то, все равно, но это люди с таким багажом, с таким прошлым, наверное, не очень чистым.

Криминалитет?

Да, криминальные элементы, те же самые бывшие «титушки», которые не привыкли нормально зарабатывать, честным законным трудом. Они изначально составляли костяк тех людей. Со временем, конечно, там появилось очень много профессиональных военных, в том числе и из Северного Кавказа, которые прошли не одну войну, тогда они уже стали там «делать погоду». Ну и плюс российские регулярные воска. В последнее время нам стало гораздо тяжелее.

Это из-за российских регулярных войск?

Да, они более профессиональней, обучены и более современно оснащены, плюс у них большой военный опыт. Наш опыт ограничивался только миротворческими контингентами, мы никогда не практиковали никаких наступательных действий и операций. Потому и приходится, как говорится, на

ходу осваивать, возрождать армию, а самое главное, я считаю, нам нужны эксперты, которые могли бы повисить наш уровень в плане того, чтобы мы могли более успешно действовать. В таких вот контрнаступательных операциях.

Вы имеете в виду зарубежных экспертов или, может, у нас в Украине есть такие люди?

У нас в Украине тоже много людей, я так слышал, неофициально, были и во французском иностранном легионе, еще в каких-то горячих точках по миру, вот. Эти люди сейчас есть, и они тоже вносят свой определенный вклад в общее дело. Но на данном этапе этого уже недостаточно, если в начале это было каким-то подспорьем, то сейчас нужно полностью переходить на военные рельсы, нужно больше специалистов, больше современной техники, больше финансирования, иначе мы просто не потянем воевать дальше.

А насколько сильно помогают волонтеры?

Я бы сказал, что именно благодаря им до сих пор к этому есть интерес, интерес той же самой власти. То есть они помогают очень сильно, я считаю, процентов на девяносто. Даже просто приятно, когда приезжаешь на ротацию, а тебя уже встречают люди и тебя благодарят, это серьезная поддержка, даже моральная.

А какую помощь еще оказывают волонтеры, кроме моральной?

Начиная от минимального — от питания, сигарет, и заканчивая теплыми спальными мешками, тоже самое обмундирование, печки, буржуйки.

Даже вот покупают автомобили для Вооруженных сил, передают нам, ремонтируют постоянно, когда мы приезжаем. Техника ведь подвержена износу, она ломается, и именно волонтеры помогают ее восстанавливать. Каждый раз едем уже подготовленными, скажем так.

То есть можно говорить о том, что на сегодняшний момент наша армия держится на волонтерской помощи?

В большинстве — да, это нужно сказать. Без их поддержки просто давно бы пропал, мне кажется, даже интерес к Вооруженным силам. Мы бы варились сами в себе, а это привело бы к упадку боевого духа, который, я считаю, надо поддерживать на высоком уровне.

Ну, а сейчас хватает у наших воинов, как бы это сказать...

Боевого настроения?

Боевого настроение, да, мотивации?

Мотивацию сильно подрывают эти все непонятные перемирия. Вроде бы мы приветствуем те переговоры, которые должны привести к мирному исходу, но, как обычно, нам приходится соблюдать вот эти все соглашения о прекращении огня, а с другой стороны, понятно, никто их не придерживается. И мы как бы иногда оказываемся в тяжелом положении, когда с противоположной стороны открывается огонь, ведутся активные действия, а мы можем только наблюдать за этим — пассивно. Очень много военнослужащих получили ранения или погибли именно в этот период перемирия.

То есть наши потери возрастают именно во время перемирия?

Да, поэтому нам не всегда понятна позиция наших политиков. То есть жертвы присутствуют, надо чтобы был адекватный ответ. Мы не можем постоянно играть по правилам, потому что с противоположной стороны не существует никаких правил.

То есть для них перемирия не существует?

В большинстве да, там очень много каких-то разных групп, сил, неподконтрольных никому. Они действуют по своему усмотрению, не придерживаются вот этого перемирия, постоянно открывают огонь.

А из чего открывают огонь, из каких видов оружия?

Вообще или во время перемирия?

Вообще.

Вообще, там есть все. Там даже такое вооружение, о котором мы еще не слышали.

Например?

Ну, мы в основном сталкивались с «Градами» — это самоходные артиллерийские установки. Также это танки, это минометы, ну и стрелковое оружие, конечно, но оно в основном до нас не достает, так как мы находимся на определенной дистанции. Наше вооружение позволяет нам находиться не на передовой, а немножко в тылу.

Это дальнобойная артиллерия?

Да, это дальнобойная гаубица. Она очень эффективная, я считаю, это одно из лучших вооружений,

которое у нас сейчас есть. Хотя она и стреляет обычными, неуправляемыми снарядами, но оно очень точное, можно с дальней дистанции попадать в любые цели. То есть очень эффективное, и по своей боевой мощи можно решать любые задачи, абсолютно.

А какой калибр гаубицы?

Трубы 152 миллиметра, вес самого снаряда — около 48 килограмм, то есть если даже просто попасть не в укрепление противника, а просто где-то положить снаряд поблизости — его все равно достанет, даже если он зарылся в землю, это не имеет никакого значения. Потому такая мощь позволяет просто хоронить их в земле, скажем так.



Підготовка снаряду до пострілу

А насколько четко работает наша артиллерия?

Артиллерия зависит от корректировки огня, то есть если нам дали точные координаты — то цель будет уничтожена, это сто процентов. То есть все зависит от точности координат. Если они верны — то это стопроцентный успех, противник не сможет даже убежать. Но с корректировкой иногда бывают проблемы, пытаемся пристреливать, то есть первые залпы пристрелочные идут, пытаемся нащупать точность, а после первых залпов становится понятно. Мы делаем поправки на ветер, на погоду, и тогда происходит нормальная работа.

Вражеская пропаганда, то есть российское телевиденье, говорит о том, что наши военные, наша артиллерия, в частности, обстреливают жилые кварталы, местное население, что это каратели... Насколько это является правдой?

Я могу говорить конкретно за нас. Мы всегда работаем по корректировке из штаба, то есть никогда мы каких-либо выстрелов самовольно не производим. Те команды, которые мы получаем — мы их выполняем. Нам не всегда говорят по каким целям, что уничтожено. Насколько я знаю, если все исправно, порох сухой, то, как говорится, только по целям. То есть никаких непонятных выстрелов мы не производим, если была команда стрелять именно в этот квадрат — все, значит только туда.

То есть можно говорить о том, что обстрелы населенных кварталов с нашей стороны исключены?

Я же уточнил, если приходит команда, я ж не знаю какая команда, то мы работаем согласно

данному приказу. Я сомневаюсь, что нам выдают какие-то незаконные приказы. То есть самовольно мы не можем открывать огонь куда нам захотелось. Вот такого плана.

Расскажите о боевых действиях, в которых вы находились.

Сами такие действия происходят немного в стороне, они, получается, на передовой, но мы, конечно же, слышим на дистанции, то есть по интенсивности обстрелов мы можем определять, что идет серьезный бой или просто перестрелка. Сами мы не вступали никогда в непосредственное столкновение. Я считаю, это большой плюс нашему командованию, что мы не должны быть впереди, мы должны быть в качестве поддержки. Наша задача — своевременно отработать по целям. Противник пытался диверсионными группами нас достать, но им пока этого не удавалось. То есть у нас там есть хорошее прикрытие, и всегда эти группы были перехвачены или уничтожены.

То есть Вам никогда не приходилось непосредственно общаться с противниками?

Нет, я же говорю, мы стоим немножко в тылу, они до нас просто не доходят. Это передовые части могут, а мы их даже визуально никогда не видели. Иногда нам просто говорят, рассказывают какие цели мы поразили. Непосредственно мы не сталкивались. Но мы несколько раз были на их позициях, они тоже обживали территорию в посадках, мы видели.

А что Вы видели на их позициях?

Такие же земляные укрепления. Это блиндажи — такой большой окоп вырытый, накрытый [бревнами] и хорошо присыпанный землей. Они это все довольно грамотно делают, нельзя сказать, что они дилетанты какие-то.

Можно ли говорить, что эти укрепления сделаны «трактористами и шахтерами»?

Видимо, они неплохо обучены вести боевые действия. Ничего, как говорится, тем ценней будет наша победа.

Как Вы относитесь к противнику? Каково Ваше личное отношение?

Ну, как сказать, говорят, что противника надо уважать, но это не тот противник, которого надо уважать. Они действуют не по правилам, даже вот на войне есть свои определенные правила, по которым, скажем, нельзя относиться к военнопленным настолько жестоко. Поэтому к ним нет никакого уважения. То есть такое вот презрение, скажем так. Они пришли к нам с мечом, и будут этим же мечом наказаны.

Вы говорили о грубом отношении к военнопленным, что это нечестная игра, а можно какие-то примеры привести с их стороны? Как они относятся к военнопленным?

Слава Богу, у нас пока что не было таких случаев, когда из нашей батареи или бригады попадали в плен. Это могут судить только от той информации, которая подается в СМИ. В принципе, я не берусь ее передавать, но я склонен думать, что она близка к истине. То, что много издеваются над людьми,

пытаются унижить их честь, хотя они воюют на своей земле, и они пришли просто как патриоты отстоять [Родину]. Я считаю, что они пытаются нас запугать таким образом.

То есть жестокое обращение – это просто для запугивания?

Да.

Но оно, по-моему, вызывает только ярость в ответ... Ну, я видел, например, «парад» наших пленных солдат, который устроили оккупанты в Донецке. В действительности это вызывает только ярость в ответ.

Я считаю, что это был разыгран такой спектакль, рассчитанный на российские СМИ, специально для них и был проведен этот «парад», ведь местное население не было настроено настолько негативно, чтобы для них проводить его.

То есть просто «для картинки»?

Да, для картинки, что бы что-то показать, но я считаю, что им пришлось добавить много неправды, что бы это выглядело со стороны как-то более эффектно. То есть само это событие нормальных людей не может заинтересовать. Даже если это идейный противник, это не имеет смысла. Военнопленных, я считаю, надо просто обменивать, они есть у каждой из сторон, я считаю, что их надо просто обменивать, предварительно не издевавшись над ними, скажем так.

Собственно, откуда у этих людей взялось оружие? Те же «Грады» и многое другое, которыми обычный человек вряд ли умеет пользоваться.

Я думаю, что и шахтеров там нет никаких. Рабочие люди только пострадали от этой ситуации, они ничего не выиграли. Оружие понятно откуда оно все пришло.

Из России?

Да, это из Российской Федерации. Если по началу они пригоняли то, что им не надо: старенькое, списанное, то сейчас новые образцы техники, новое вооружение, очень эффективное, и с этим нужно быть на том же уровне, чтобы эффективно бороться. А пока мы до этого уровня еще не дошли. Я считаю, что мы должны перехватить инициативу, и только это заставит их задуматься. Если мы будем действовать пассивно, даже теми силами, которые у нас есть, то будем только отдавать город за городом. Рассчитывать на помощь Запада, думаю, не стоит, не нужно на них так сильно полагаться.

По Вашему мнению, играют ли какую-то роль санкции, переговоры, серия Минских соглашений? Это все имеет какое-то значение?

Естественно, оно играет свою роль, но это рассчитано на большой отрезок времени, лишь со временем эти санкции подействуют на Россию, но больше на ее население, они сами же себя вгоняют в такое положение, когда у них тоже начнется кризис. Бунт, я считаю вообще не реален, население там не такое, как здесь.

То есть вряд ли русские способны выйти на Майдан, как украинцы?

Неспособны, на данном этапе неспособны. Во-первых, они все запуганы там. Во-вторых, там

очень жестоко расправляются с такими людьми, мы это видим на примере Крыма сейчас, как это происходит с крымскими татарами, которые изначально противились вхождению Крыма в состав России. То есть с ними разговаривают в определенных местах определенные люди. Собрать большую массу людей на данном этапе, я считаю невозможным, для этого нужен какой-то период времени, я думаю, несколько лет — это минимум. Но это неизбежно.

Таким образом, можно сказать, что сегодня эти все санкции особой роли не играют, на данном этапе.

На данном этапе, мы все прекрасно понимаем, что Россия — небедное государство, по крайней мере можно судить по количеству олигархов, которые там появились в последнее время. Поэтому сказать, что вот завтра это все подействует и они завтра кардинально изменят свою точку зрения, я считаю, что это глупо. Но в будущем, возможно, это даст какой-то эффект. Сейчас нам нужна больше активная позиция союзников в Европе и в Америке, это можно даже решить просто, я думаю, у них есть определенные ниточки, за которые нужно тянуть.

Вы имеете ввиду военные методы или переговоры?

Даже не военные, а просто путем переговоров.

А насколько можно говорить о том, что Россия понимает язык переговоров и мирных соглашений?

Россия, конечно, понимает язык силы, надо все это даже все переговоры с позиции силы, Россия

слишком много завязана с миром в экономическом плане, все деньги за границей. То есть надо находить их слабые места, а они, определенно, есть, просто пока на Западе не заинтересованы ударить и по ним тоже. Они хотят и для себя в том числе малыми затратами урегулировать этот конфликт, но у них пока не особо получается.

Давайте немножко отвлечемся от этой темы, как Вы думаете в чем причина войны? И как вы называете между собой, это АТО или война? Что это такое?

Мы давно называем это войной, потому что АТО — это уже не тот масштаб. Тут привлечено намного больше сил, тут целые армии столкнулись между собой.

Сами причины... Наверное, их будет несколько, от минимальных, потому что на людей очень долго действовала пропаганда, я имею ввиду Донецкий и Луганский регион. Они привыкли жить немножко по-другому, чем вся остальная Украина, то есть привыкли красть деньги с бюджета, я имею ввиду их верхушку, они по-другому жить не умеют, они хотят сохранить прежний режим — эта одна причина.

А причина вторая, по которой Россия в этом участвует, я считаю, она более глобальна. Они хотят вернуть былое могущество, которое они утратили, которое было еще со времен Советского Союза, когда они были сверхдержавой наравне с США, то есть они сейчас хотят вернуть старые позиции. Тем более доля самого путинского режима невыгодно, чтобы Украины жила лучше, чем Россия.

Почему?

Потому что мы очень близки по менталитету, хотя не одно и то же, но просто из всех бывших [стран СССР] Россия, Белоруссия и Украина самые близкие по менталитету, и если нам, допустим, удастся провести реформы и наладить экономику, наладить жизнь здесь, то люди, которые живут там, — они тоже задумаются: почему при таком богатстве ресурсов они не имеют этого. Поэтому, я считаю, Путину не выгодно сильная Украина. Он хочет, чтобы Украина управлялась из Москвы, как это было всегда, раньше, на ручном управлении.

По Вашему мнению, как долго эта война еще продлится?

Многое зависит не только от нас. Конечно, мы будем делать все возможное, но конкретно военным путем ее не урегулировать, у нас нет столько сил, сколько у России. Эти переговоры очень нужны, но, боюсь, полный конец [войны наступит] еще не скоро. Возможна заморозка конфликта на некоторых этапах, что тоже нам, кстати, невыгодно — давать кусок Украины каким-то непонятым людям, грабителям каким-то, этого не хочется, я считаю, на той территории живут такие же украинцы, как и мы, я считаю, что они нуждаются в нашей защите.

То есть имеется ввиду «приднестровский сценарий»?

Да, «приднестровский сценарий», абхазский, очень похоже. Если мы просто-напросто откажемся от этих территорий, то там создастся анклав постоянного напряжения для нас и, естественно, нам это

будет тоже мешать развиваться. Путин к этому и стремится в общем-то, создать источник напряжения. Будем надеяться, что все-таки Запад это понимает и он не согласится на эти условия.

И в конце-концов мы ведь все-таки победим?

Тут однозначно сказать, что кто-то победит, а кто-то проиграет, сказать нельзя, это ж не Великая Отечественная, что мы дойдем до Берлина, или что мы дойдем до Москвы. Понятно, что никто этого делать не будет.

Ну, цель-минимум — прогнать врага.

Да, нам хотя бы вернуть под контроль наши территории, пусть даже можно будет ввести миротворческий контингент, я считаю это приемлемый вариант, чтобы там присутствовали «голубые каски».

Может, Вы хотите обратиться, что-то пожелать или передать тем, кто в будущем будет читать эту книгу?

Хотелось бы пожелать, во-первых, надо ценить свою историю, свою самобытность, брать пример с того, как жили наши деды-прадеды, только хорошее, естественно. Ну и вообще, любить свою страну просто потому, что ты здесь родился, не бывает другой Родины, даже если ты куда-то переедешь, здесь корни, своя земля, как говорится, помогает. Надо ценить то, что есть, и засучив рукава работать. Тогда, возможно, следующие поколения оценят этот труд.

Очень может быть, что это будут читать не только наши люди, не только грузья, так сказать,

а и недруги. Может, Вы хотели бы к ним обратиться?

Это те же самые люди, просто они немножко потеряли связь с реальным миром, попали под влияние пропаганды, под постоянное перекручивание фактов. Им только стоит всего-навсего расширить свой кругозор, не брать информацию из одних и тех же источников, просто в тот же самый интернет залезть и почитать различные сайты, различных авторов, черпать информацию откуда только можно, и самим научиться делать выводы, а не верить в то, что им вкладывают в уши. Я считаю, надо уметь читать между строк.

«Мне приходят данные со штаба, которые являются цели, я обрабатываю, передаю на своих командиров орудий, которые наводятся и по команде пускаем так называемых "кабанчиков"»

Ім'я: **Володимир**
Рік народження: **1993**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
контрактна
Інтерв'ю записане
М. Павленком
25 лютого 2015 р.
**РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.14.**

Назвіться, будь ласка.

Володимир.

Якого Ви року народження?

[19]93. Старший офіцер другої батареї п'ятдесят п'ятої бригади. Проходжу службу в бригаді з червня місяця [2014 р.]. В червні я закінчив Львівську академію сухопутних військ, і з 21 червня я вже знаходився у бригаді.

Тобто Ви кадровий офіцер?

Так, кадровий офіцер. Ну як, не особо кадровий, ну, кадровий [сміється]. Можна й так сказати.

Розкажіть про Вашу батарею.

Це перший дивізіон, друга батарея. Мобілізованих я набрав приблизно з першого серпня.

Розкажіть, як ваша батарея воювала.

Вперше батарея виїхала 23 серпня, під Старобешеве. Так, трошки погано сталося, що двадцять шостого ми вже повернулися назад. Були дуже великі втрати і батарея мусила відійти. Потім хтось відмовився, хтось лишився, таке. Тут нікого не примушують, якщо людина відмовилася — значить від-

мовилася, насильно його туди ніхто не тягне. Інших я доукомплектував з інших батарея, з інших підрозділів, котрі бажали, але їхній підрозділ не брав участі у антитерористичній операції.

Це мобілізовані, чи добровольці?

Та по-різному получається: є і мобілізовані, є і добровольці. Це воно у воєнкоматі має значення, а тут ніякої ролі не грає — доброволець ти чи мобілізований.

А яке ставлення до «отказників»?

Особисто у мене — адекватне. Якщо людина не бажає, що її бити за це? У кожного є своє мненіє. Якщо людина не бажає, то ніхто її не змушує і не виганяє з підрозділу.

Тобто з цими людьми нормально спілкуються, не вважають ізгоями?

Ні, нормально спілкуємось. Може, чоловік через сімейні обставини не може, чи ще щось, не можна людину гнобити через те, що йому сім'я не дозволяє, за нього бояться. Так не можна.

Ви говорили, що вперше виїхали 23 серпня у напрямку Старобешевого. Можете розказати більш детально про ті події?

Які події... Батарея була сильно розбита, повернулось мало техніки, були людські втрати, були загиблі, поранені... Таке моє перше враження від тієї антитерористичної операції.

А з яких видів зброї вас обстрілювали?

Стріляли по нас, в основному, з «Градів», мінометів, САУ, із усіх стандартних систем, які знаходяться на озброєнні у наших «товаришів-сусідів».

А хто стріляв, на Ваш погляд? «Трактористи і шахтарі», чи російські військовослужбовці?

Тракторист і шахтар може стріляти з автомата, але не може стріляти з артилерійської системи. Он может куда-то направить пакет «Градов», но попадет ли? Это будет очень примерно. В лучшем случае будет недолет 2-3 километра, или будет пролет в сторону. Стоя за 15-18 километров от противника нельзя «на глаз» навестись, ты ведь его не видишь и не слышишь. Для человека, который вчера был шахтером, управлять такой системой нереально. Нужно пройти какой-то хоть минимальный курс, хотя бы месяца три или пять, чтоб хоть научиться расставлять ту же самую буссоль, научиться управлять механизмами, устранять минимальные неисправности, не говоря уже обо всем остальном... Это только специально обученный человек должен быть. Может, они территорию попутали, не на те координаты заехали?

То есть, это регулярные войска?

Как сказать. Подтверждать точно нельзя. Но простой человек не может взять и с первого выстрела попасть по позиции. По нам ведь попали с первого выстрела. Артиллерист, который учится четыре года, знает, что идет разлет метров 200 — что-то не просчитал, ветер подул, еще что-то. А по нам попали прямо точно, это нереально вообще.

Ну да, и откуда оружие, опять же.

В шахте накопали, вместо угля.

А Вы с какими видами вооружения работали?

Я в академии начал работать с МТ-12 и ЗМК, это на первом курсе. На втором — общий курс

обучення, минометы 2Б 120-мм стрелял, потом на третьем курсе с ГД-30 стрелял, а на четвертом — из самоходных орудий, и с «Градом» работал тоже. Во время учебы мы прошли основные артиллерийские системы Вооруженных сил Украины, которые стоят на обороне.

А в чому полягає специфіка Вашої роботи, як СОБа?

Вона полягає у прийнятті координат, обробці даних, наведенні на ціль і артилерійському ураженні батареї ворога. В основному, це контрбатарейна боротьба.

[Після короткотривалої паузи].

Давай будем заканчивать, а то у меня уже время заканчивается. Надо готовить батарею к новому выезду.



Снаряди для 152-мм гаубиці

На чем мы остановились...

На специфике. Мне приходят данные со штаба, которые являют цели, я обрабатываю, передаю на своих командиров орудий, которые наводятся и по команде пускаем так называемых «кабанчиков».

А что за «кабанчики»?

«Кабанчик» [сміється] — это пятидесяти трех килограммовый снаряд, подарок, так сказать.

А есть еще подобные названия?

Ну, «мишки» — это танки, «трубадур» или «оркестр» — это «Грады», «самовар» — это миномет, да много еще есть, сейчас голова другим забита.

А можно еще рассказать про ваши выезды? Про Старобешево.

Ну что Старобешево, мы приехали, разложились, простояли там часов 10-12. Примерно между 5 и 6 утра в нашу сторону прилетел первый снаряд, от которого и пошли основные потери. Люди спрятались, пересидели. Три часа нас бомбили, сыпали. В итоге батарея вышла только на двух «КРАЗах», один мой «шишарик»⁷ вышел. Еще ГАЗ-53 со всей батареей. Это было единственное, что могло выехать. Вообще выехало три «КРАЗа», но третий не смог доехать, он был пробит осколком, оставили там.

После Старобешево куда вы направились?

После Старобешево были направлены в район Волновахи, там чуть-чуть ниже Волновахи, южнее стояли.

Південніше. Там простояли увесь вересень і до початку жовтня, помогали тридцять сьомому

⁷ «Шишарик» («шишай») — ГАЗ-66.

батальйону. Після цього ми були направлені на аеропорт, це на початку жовтня, і де ми ще будемо знаходитися найближчі часи. Ну, зараз будем знову видвигатися.

А под Волновахой там были бои?

Были. Мы ж в основном даем артиллерийскую поддержку, когда начинают наступать, мы ж не наступаем. В основном мы «утримуюемо позиції», стараемся удерживать. Бои там были постоянно, но работали более-менее мало, выпускали около шести снарядов. Бывало, и по 30-40.

Ну, это как бы немного, да?

Ну, это было немного, это так, кто-то там вылез случайно, человек 10-20 решило «прогуляться», выйти на наших. Пару снарядов пустили — они либо лягли там, либо отошли назад. А сильных было



Злагодження розрахунків батареї на полігоні

пару боев, что мы вышли на уровень 200 [снарядов] в день, а больше — когда мы под аэропорт переехали. Там больше сотни каждый день уходило, бывало, что и 400 снарядов в сутки, только в одни сутки, а работали две батареи там одновременно, так что на один аэропорт уходило в сутки около 1000 снарядов, очень много. Так вроде бы все.

То есть вы помогали «киборгам»?

Да.

А самих «киборгов» видели? Не приходилось с ними общаться?

Самих киборгов — нет. Там мой корректировщик, которого я туда отправлял, который там, получается, и до сих пор, там мой, можно сказать, «киборг» родной, [сміється] с моей батареей.

А как его зовут?

Александр. Он сейчас там же находится, катается, пока перемирие. Говорит, не шумят, он там себе тихонько ездит, катается.

А как Вы относитесь к перемирию?

Перемирие... За все время было только одно перемирие. Вот это вроде второй раз. Один раз это было до января, перед жестким наступлением на аэропорт. Это было более-менее затишье. Вон видите, чем перемирие нам вылезло. [посміхається] Пришлось зруйнувати повністю аеропорт, знищити все повністю, відступити з Дебальцевого — оце результати місячного перемир'я, можна сказати. Ніхто нічого не «работав», не стріляв, пішло моральне послаблення...

*«Это, можно сказать,
тяжелая работа, я бы
так назвал. Ну и, конечно,
опасная, потому что риск
есть большой»*

Ім'я: **Валентин**
Рік народження: **1970**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
О. Штейнле
25 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.17.

*Расскажите немного о себе: как Вас зовут, какого
Вы года рождения, кем работали.*

Зовут меня Валентин Леонидович, родился в семидесятом году, двадцать седьмого февраля. Родился и вырос в городе Бердянске, большую часть жизни провел там. Отсутствовал только на время службы в армии, и все. В армии служил два года, год я служил в мотострелковой части в Закарпатье, а второй год служил уже в Закавказье, в артиллерийской части. Может быть, поэтому я сюда и попал, я так думаю, потому что просто так не взяли бы. Последние семь лет мы купили с женой дом в селе, и проживаем в селе. Двое детей.

Что за село?

Село Новотроицкое, Бердянский район. Мы купили, поскольку семья большая, дети вырастают – дочка и сын. Квартиру однокомнатную поменяли, в общем расширили жилье. Недалеко ехать, километров так тридцать, не помеха, полчаса и до города доехал.

Кем работали?

Работал последние несколько лет штамповщиком на заводе насосов, завод «Энергомаш». Жена моя предприниматель, она выращивает цветочки, тюльпаны — у нее бизнес. Ну, это у нас из поколения в поколение, мои родители уже двадцать лет занимаются, и вот мы подхватили. Ну, может быть, это тоже стало причиной того, что я пошел на фронт, потому что все, кто теряет бизнес из-за этих вот военных действий, все хотят защитить свой дом, так что у каждого свои порывы. У каждого свои причины.

А когда Вы попали в армию? Как это было?

Первого августа прошлого года. Как только российские войска зашли в Крым, это было в марте, мы торговали цветами, все это началось, захваты облгосадминистраций и прочее. Я пошел сразу в военкомат, по-моему, даже пятого марта, если так точно, этот день я помню. Записался добровольцем, сказали позвонят. Одновременно с этим походом я позвонил в батальон «Донбасс» и батальон «Дніпро». Меня записали везде, как говорится, но пока не спешили звать, не знаю почему. Потом я названивал еще два раза по этим батальонам, сказали «ждите», ну я ждал... Через месяц пошел опять в военкомат, записали в городскую территориальную оборону, рота территориальной обороны. А потом в конце июля вызвали и сказали: «Вы не передумали служить?» Я говорю: «Нет». «Все, значит на днях будем вызывать по повестке, и будете идти служить». «Понял». Я безо всяких, взял телефон, чтоб повестку мне не давали, названивал... Мне

позвонили, говорят: «Все, первого числа [августа] с вещами. Готов?» «Готов». Все, я уже не стал ждать ни батальона, ничего. Куда меня позвали в первую очередь — туда позвали. Так я попал первого числа на призывной пункт, и в тот же день рано утром, в восемь утра, нас отправили в Запорожье на «Уральские казармы». Тут мы уже сплотились, образовался коллектив.

А вас много из Бердянска?

Из Бердянска нас ехал полный автобус, человек двадцать пять было, все сидячие места, сколько вмещается в «ПАЗик», столько и было. За день до того и потом пятого числа люди еще подъехали, тоже с Бердянска, прилично народу, нормально. Раскидало, конечно, кого куда, по разным подразделениям. Со мной даже мой односельчанин служит, из того села, в котором я сейчас живу.

Из Новотроицкого?

Да, из Новотроицкого один парень, ну и остальные тоже, так что после ротации собираемся вместе и едем на микроавтобусе, чтоб быстрее было.

А вот первого августа Вы попали на «Уральские казармы» и у вас сразу началась учебка?

Да, мы несколько дней побыли тут, дней пять, нас одели, обули, выдали армейское обмундирование и направили на учебный центр, на «Близнецы».

А что было на протяжении этих пяти дней?

Как говорится, «злагодження колективу». нас добирали, комплектовали, народ прибавлялся каждый день, пока не укомплектовали человек по 20-30 на одно подразделение. С Бердянска, Запорожья,

Токмака, с разных городов. За эту неделю народ собрался и комплектация была почти сто процентов, отправили нас уже укомплектованных, кадровая комплекция была, так что, может быть, это и основная причина. Так мы комплектом и поехали уже. Там [на полигоне] нам выдали оружие, там мы тренировались.

А какая у Вас должность в батарее?

Сейчас я командир орудия, командир отделения, а начинал я с простого номера расчета, была простая должность, подавал гильзы, снаряды. А теперь — вот...

Долго длилось обучение на «Близнецах»?

Около месяца, дней двадцать шесть или двадцать семь. В сентябре, двадцать четвертого или двадцать пятого, я могу путать, тогда были такие стрессовые дни, иногда без слез не вспомнишь... Мы попали уже в зону АТО, в Старобешево. Началась война.

Это точно в сентябре?

Ой, стоп, в августе, двадцать четвертого августа.

А как Вы считаете, подготовка достаточная была или были какие-то недостатки?

Недостатков серьезных не было, как могли люди, так и тренировали нас, если учесть, что двадцать с хвостиком лет в нашей армии ничего не делалось. Была, может, какая-то несобранность, а так нормально. Много техники стоит, она старенькая, надо было ее отремонтировать, потому велась подготовительная работа, ремонтная, и параллельно — боевая подготовка, насколько могли, как говорится, все получалось. Ну и так, допустим, лет-

ний душ надо было соорудить, то туалет, кухня у нас была, правда, простенькая — навес и все, дело ж было летом. Кстати, сейчас скажу Вам точно насчет командировки, в военном билете все это есть. Вот у меня военный билет, еще советского образца. Призвался первого августа, номер части. А вот у меня написано, да, с двадцать третьего по двадцать шестое августа. Потом у нас была еще одна командировка, с тридцать первого августа по одиннадцатое сентября. Теперь у нас четвертая командировка будет. Третья была с одиннадцатого по двадцать девятое сентября. Вот собираемся в четвертую командировку.

А с двадцать третьего числа — это ротация была?

Точнее сказать не ротация, а усиление позиций, нас на подкрепление туда привезли.

А какая задача ставилась тогда, во время первой поездки?

Много нам не говорили, какие там задачи ставились, мы приехали и сразу была команда расставлять орудия, ждали приказ сверху, из штаба, а потом уже, когда пошли приказы — мы начали воевать.

А сколько батарей ехало в первый раз?

Две батареи.

А какие орудия, кстати?

Гаубицы 2А65, калибр 152 миллиметра, мощное орудие. Дальность действия, если нормальная погода, до двадцати километров. А если дальноточные — то дальше. Старенькая, правда, давно уже

стоит на вооружении, у нас в клубе есть еще плакатик. Древняя, но что есть — то есть, мы ведь не собирались воевать, так получилось. Может, это и есть недостаток, против российской армии нам, конечно, еще тягаться и тягаться. Я не знаю, когда мы их догоним, они-то, в принципе, всю жизнь воевали, это воюющая страна.

Ну, бюджет видно, это еще только начался процесс, понятно, что сразу все так не может...

Ну, тяжело нам с ними тягаться, против их техники, мы пока отстаем, я так думаю.

А что происходило во время первой ротации под Старобешевом? Какие там были события, за эти три дня?

Бои, бои, страшное зрелище, что говорить. Такое вспоминать не всегда приятно. Бой, кровь, порох, отступали, много техники подбитой было, почти все орудия мы там оставили.

Вас обстреляли?

Да и мы стреляли, у нас была артиллерийская дуэль. Сразу мы стреляли, потом стреляли по нам.

А чем вас обстреливали?

Минометный обстрел был, в основном минометы. Была у них и артиллерия, но это потом уже, как говорится, когда мы уже разбитые уходили, уже нас добивала артиллерия, а так минометы. Видели и другую технику: БМП, танки, ребята к нам на подмогу ехали. Но мы уже отступили, наша техника была уже на фронте вся... Такое без слез не вспомнишь...

Потери были среди [личного состава]?

Да, потери были. Убитые, раненные в нашей батарее, в соседней батарее было трое погибших и шестеро раненных было. Тяжко, сумно. Фотографии их, кстати, этих ребят, есть в штабе, заходишь и там сразу доска. Потом в центре Запорожья, недалеко от памятника Богдану Хмельницкому, есть мемориальная доска, там тоже наши ребята... В общем, такие дела.

Это они во время обстрела погибли?

Да, во время обстрела.

От осколков?

От осколков и от прямого попадания, прямо под ноги попал снаряд. Травмы, несовместимые с жизнью.

А как у вас было со снабжением во время первой ротации?

Прекрасно. Покушать и одеться — всегда все есть. Волонтеры помогают и армия нормально, меня все устраивает и даже очень. Еда хорошая, все есть, даже остается. Не знаю, никто из наших не жаловался. На счет этого дела — все, и карматы, и матрасы, подушки, палатки, все есть. Летом, конечно, в палатках не жили, просто так спали. Зарывались мы, конечно, очень много блиндажей делали, во второй раз особенно. Мы и в первый раз окапывались, под Старобешево. Чем глубже копать — тем больше шансов спастись.

Вернулись вы из Старобешево двадцать шестого августа, у вас был отпуск?

Да, по-моему, три дня. Мы вернулись в часть, а потом с тридцать первого буквально поехали во вторую командировку, уже в район Волновахи.



Бліндаж на позиціях

А под Волновахой какие задачи вам ставились?

Под Волновахой у нас было очень много переездов. Мы в районе Гранитного работали, в районе самой Волновахи. Задачи были — держать рубежи, потому что постоянно российские войска наступали и заставляли нас обороняться. Окапывались, конечно, сильнее чем в первую командировку, делали блиндажи, не просто окопы, а блиндажи, и в этих блиндажах жили. Бывало, устанешь очень, блиндаж копаешь, а через день вынуждены его бросать, менять дислокацию. Оставался домик в земле, кому он достанется — я не знаю, может там играет детвора, местные жители, а может уже и сепаратисты, я не знаю какая судьба наших блин-

дажей. Мы делали все аккуратно, по технологии, с бревнами наверху, засыпали, маскировали, даже беспилотники не могли увидеть нас. На счет этого работали хорошо. Может быть, именно поэтому нас там меньше обстреливали.

Но все-таки обстреливали во вторую поездку?

Да, рядом падали. Прямых попаданий не было. Беспилотники были, конечно, но мы затихали, костры тушили, прятались по блиндажам и это нам, наверное, помогло, я так думаю. Но вторая поездка была удачная.

Обошлось без потерь?

Без потерь, да. И среди людей, и среди техники все у нас было в норме. Ну, среди техники какая-то мелочь, а так все было идеально хорошо. Маневрировали очень часто, потому что диверсионные группы рядом находились постоянно, и мы вынуждены были маневрировать, чтобы не попасть под обстрел или в засаду. С нами был батальон территориальной обороны, уже под Волновахой, они нам помогали, [обеспечивая] нашу безопасность.

А что можно сказать об их боеготовности?

У них немного слабовато, я не знаю, но нам говорили, что это все за счет волонтеров. Броники были у всех, им спонсоры покупали. Нам бронезилеты, каски и автоматы выдала армия. А этим ребятам из батальона — спонсоры-волонтеры, и довольно-таки хорошо. Уже сейчас, спустя время, я вижу, что экипировка хорошая, снаряжение нормальное, не так, как изначально. Ребята говорили, что тоже месяца были в учебке, а потом к нам на усиление. Мы ста-

новимся на позицію, а они вокруг нас — разведка, охрана, везде, по бокам. Были у них даже тепловизоры, приборы ночного видения.

Во вторую поездку много приходилось стрелять?

Конечно, стреляли, много стреляли.

А какие результаты?

Результаты нам почти всегда говорили, почти всегда попадали. Иногда просто мы не могли физически попасть на позицию из-за погодных условий, из-за грязи, из-за дорог, местности. Бывало, что приезжали с опозданием. А в основном работали нормально, командование не ругало, комбат у нас отличный, все получалось.

Уже лучше было?

В первую [поездку] у нас проблемы были с потерей техники и все на свете, а вторая была тяжелая, но плодотворная, хорошо отработали.

Когда закончилась эта вторая командировка?

У меня есть шпаргалка, очень удобно. В конце октября поехали, снялись с лагеря, наш лагерь снялся из-под Волновахи и мы поехали в район аэропорта. Там у нас тоже была плодотворная работа, без потерь, потерь не было. Под Волновахой нас сменили другие ребята, а нам сказали выдвигаться в район аэропорта. Одна батарея, потом вторая, потом мы туда приехали, друг друга меняли потом там. Когда начались бои за донецкий аэропорт — нас туда на усиление поставили, мы там буквально до января месяца пробыли. Семнадцатого января мы менялись.

А в чем была особенность командировки под донецкий аэропорт?

Там работы было еще больше, чем в первую и во вторую командировку, очень много было работы. Я не знаю, на словах не объяснишь, но напряжение было большое, мы работали сутки через сутки, были боевые дежурства, со стрельбой.

Много приходилось стрелять?

Я точное количество не скажу, так чтобы по памяти, но много, очень много. У нас же пять орудий на батарее, за смену очень много выстрелов было, стрельба шла каждые сутки, стабильно. На другие сутки нас меняла другая батарея, так же само — стрельба, стрельба, стрельба. Потом мы их меняем — то же самое, стрельба безостановочная. Единственный был неполный месяц, когда было перемирие, с девятого, по-моему, декабря и по седьмое января. Мы еще шутили, что два дня не хватило до месяца, как раз на Рождество они опять начали обстрелы. Ну, россияне. Ну и нам пришлось отвечать, перемирия они не соблюдали, все эти соглашения, «минские договоренности», все равно в нашу сторону была стрельба.

Во время третьей командировки вас накрывало?

Да, прямо в костер даже попадало, там, где мы находились. Ну, чисто по случайности... Нам Бог помогал.

А из чего обстреливали?

Ой, обстреливали и из минометов, и из гранатометов, и артиллерия обстреливала, и из «Градов», конечно. Там уже большой был ассортимент обстрелов: минометы, артиллерия, «Грады».

А кто обстреливал?

Артиллерия была точно российская, по нашим данным. «Грады» были российские, да и танки были российские, танки, да все было российское. Так нам сообщалось по данным разведки. Ну и порой тоже приходилось стрелять.

И как, попадали? Вам докладывали?

Доклаживали, да, попадали. В штаб «ДНРовский» даже...

В штаб попали?

Да, их генерал был уничтожен.

А кто докладывал на счет этого?

У нас докладывал штаб, разведка, корректировщики, которые находятся непосредственно на линии огня, они корректируют куда стрелять. Первый выстрел сделали, а потом корректируют плюс-минус сто метров вправо-влево, вперед-назад.

А еще были какие-то интересные случаи, когда докладывали, что хорошо накрыли?

Да, много у нас было целей накрытых, и «Грады», и танки... Я даже не знаю, оно как-то не учитывалось у нас.

А можно ли дать оценку насколько эффективно работала артиллерия?

Думаю да, думаю эффективно. Не даром их лидер, Гиркин, сказал, что если бы не артиллерия — мы бы давно уже захватили Донецкую и Луганскую области. Мы им мешали, нам удавалось.

А были какие-то подвижки в плане техники, обеспечения, какие-то улучшения, или все на одном уровне?

Я думаю, что было, особенно питание. Питание, одежда на высшем уровне, даже секонд-хенд был. Так что, если надо поддеть какую-то тепленькую вещь, всегда было что, целые мешки с вещами. Одежда была, а насчет покушать — довольны, все нормально.

В плане технического обеспечения были какие-то подвижки, какие-то буссоли, гальномеры?

Нет, у нас только у офицеров были планшеты.

Появились планшеты? А сколько их было?

Я не знаю, сколько их было, но смотрю, что появились, а когда именно — я не знаю, но есть.

Но в третью уже точно были?

Точно были.

А насколько они помогали?

Мне кажется, мы быстрее работали. Может, мне так кажется, но цифры выдавались быстрее, работать приходилось быстро, а это значит, что работали нормально, слажено.

А с кем конкретно из волонтеров приходилось иметь дело? Они не представлялись?

Нет, приехал, представился, допустим, Виктором, и все. Ну, приехал один раз. А были, допустим, несколько человек, они постоянно привозили что-то, несколько раз.

Вы знаете их?

Да мне как-то, ну привез человек и хорошо. Иногда телефоны оставляли, был даже у меня записан, говорит: «Мы случайно ехали мимо, решили завезти». Я очень доволен, есть что и одеться, и обуться, и шапки, и перчатки, карематы, все необ-

ходимые вещи есть. Волонтеры — молодцы, я не знаю, как они работают, но получается у них очень хорошо, я доволен.

Вы не знаете, это какие-то организации?

Из организаций это только «Сестры перемоги», они нам наиболее помогали. Тент для машины они нам прислали, термобелье, много всего. Они молодцы, стабильно. Вот перед отъездом сюда машина попала под обстрел, тент весь порванный, побитый. Они быстро откликаются, обещали заклеить. С одной из них моя жена познакомилась, когда мы приезжаем сюда, в часть, на ротацию. Они приезжают прямо сюда, с репортерами, они и фотки выставляли в интернет. И вот, моя жена с одной из них познакомилась, Катя, по-моему, зовут. Через нее я нашел свои фотки. Симпатично нас так встречают, как мы под рушником проходим, с



Новорічна ялинка артилеристів (31 грудня 2014 р.)

флагом выходим с машины, как с нашей подбитой машины выпрыгивают, вот так вот. Есть кадры, я ж говорил в начале беседы.

Третья командировка закончилась в конце января, и вам дали небольшой отпуск?

Да, десять дней, а второй отдых у нас был пятнадцать дней. Вот сейчас последний отпуск пятнадцать дней. Может быть, потому что мы много праздничных дней там захватили. Новый год и Рождество мы пробыли на фронте. Не знаю, может эта причина, может другая какая-то, но дали пятнадцать дней, уже хорошо.

Сейчас идет подготовка к новой командировке?

Ну да, вот на днях будем ехать. Отказников мало, в основном те, кто были с нами в прошлый раз — едут и в этот.

То есть коллектив сформировался?

Сформировался, да. Может быть, один-два человека по каким-то семейным делам пока не могут ехать, но в основном все нормально.

А перед командировкой в зону АТО спрашивают согласие?

Конечно, чуть ли не каждый день спрашивают, кто будет ехать, кто не будет ехать, так что шансов остаться очень много.

И как в основном народ?

Ну, народ пока согласен. Вот вечером построились, спрашивают наши офицеры: «Кто передумал ехать?» Все молчат, допустим. На днях, вот, двое человек подняли руки, не могут ехать пока, у одного семейные дела, у другого еще что-то. Никто никого

не ругает, что сделаешь, надо так надо. Тем более эти ребята пробыли с нами прилично, достаточно. Возможно и вернуться, но я не знаю, как жизнь повернется.

Это устно спрашивают или письменно?

Устно, если нет бажання — поднял руку, даже не выходишь со строя, поднял руку — я не поеду, все. Только добровольно. Нас, кстати, еще с первой командировки только добровольцы ехали. Даже в последние полчаса перед отъездом, уже машины все готовы, уже орудия подцепляют к машинам, построили всех, и в последний раз спросили: «Кто будет ехать, кто не будет ехать?». Тогда было много «отказников», а потом коллектив окреп, нормально.

Какой у вас номер орудия?

Пятое орудие.

А батарея?

Вторая батарея, пятая гармата.

Давно Вы стали командиром орудия?

Да вот как раз на Рождество и стал.

А кто до Вас командовал?

До меня командовал парень, кстати, он и сейчас еще в армии служит, просто говорит, что не хочет больше ехать в АТО, его послали на полигон, по-моему, под Николаев. Там он сейчас инструктор, учит.

Расскажите о Вашем расчете. Много людей сейчас?

Мало, должно быть восемь, осталось шесть. Ну вот, допустим, ушел командир, я занял его место, а другого нам не дали. Насчет новых кадров — пока не дают, не знаю почему, может нет мобилизации

еще в нашу часть, я не знаю. Говорят, что мобилизация сюда, в часть, вроде будет только в марте.

К вам направляют только после учебки?

После учебки и только по желанию. Учебка сейчас около месяца, хлопцы тренируются. А так — никто силой сюда в АТО не потянет, все демократично.

А какие самые интересные случаи у Вас были во время службы, что наиболее запомнилось?

У меня как-то все однотонно, я говорю, мне запоминаются только приезды домой, когда меня встречает жена с ребенком. Дочка старшая — двадцать два года, даже один раз сын приезжал, семнадцать лет, он меня провожал в армию, а дочка вот уже два раза встречала с женой. Что в армии интересного, будни, будни, будни... Когда стрельба, день похож на другой, приходишь — смотришь в зеркало — грязный, надо умыться. Бывает некогда умываться, лег спать в ботинках, уставший, спишь по два — три часа в сутки. Это, можно сказать, тяжелая работа, я бы так назвал. Ну и, конечно, опасная, потому что риск есть большой.

А Вы говорили, жена вас встречает с дочкой, как это происходит?

Да, они берут микроавтобус, в который мы потом с ребятами садимся, и они едут на нем. Встречают нас. У дочки есть фотоаппарат, она на него снимает. Машину, как мы подъезжаем, все это самое, все кадры такие, я их оставляю для внуков, пусть будут. Прекрасные кадры. Я ж говорю, у жены в Фейсбуке есть своя страница, я потом рас-

скажу, как найти, если надо будет больше кадров, мы многое не выставляем для общего показа. Ну, вот так, встреча — это всегда приятно. Волонтеры дарят цветы, обнимаемся, радостный такой момент. После тех стрессовых военных будней это классно, это запоминается, такой мини-праздник. Вот после такой угрюмости — это то, что надо. Чай попили, вещи побросали, оружие сдали — и все, отпуск, дали отпускные билеты, дней на десять или на пятнадцать, по домам. Едем, всю дорогу рассказываем, кто спит, потому что бывает, что поздно едем, бывает и ночью, как попадет. Журналистов много приезжает, раз даже «Громадське» нас снимало, «ТВ-5», мы потом сами себя находили. Вот это больше всего запоминается, приятные минуты встречи. Жена говорит, что уже столько накопилось фоток, что уже нужно флешку покупать специально.

С местными жителями часто приходилось иметь дело? Какие настроения у людей?

Я с ними мало общался, если честно, только два раза. Приходилось подвозить людей, местных жителей. Угрюмость, я не видел в их глазах радости. За что они живут — я не знаю. Говорят, мол, шахты закрылись. «А за что вы живете?» «Да вот платят каких-то сто или двести гривен в неделю, вот так и выживаем». Один раз в магазин я заходил, голые полки были, в селе. Может, там плохое обеспечение, я не знаю, но когда полки полупустые — это настораживает. Мне как-то напомнило девяностые, такая угрюмость, может, в городах по-другому, но по сельским магазинам как-то скудно, скромно.

Если давать оценку командования, оно достаточно подготовлено для этих боевых действий? Ваша оценка, как солдата.

Я бы сказал, что даже очень хорошо, несмотря на то, что офицеры молодые, очень хорошо.

А откуда опыт?

Не знаю, у нас один офицер закончил академию, кадровый. Да и комбат тоже у нас кадровый, не знаю, что он заканчивал. Ну, молодые ребята, до тридцати, но ошибок я не наблюдал, даже у мобилизованных офицеров, я бы дал высокую оценку. А так все нормально, все стараются.

Может, Вы еще хотели что-то рассказать?

Да, я же еще недорассказал. Я взял себе позывной в честь моего внука, Николая, назвался «Николасом», символично. Теперь я приезжаю с фронта, меня встречает маленький внучек, два с половиной годика, и говорит? «Дід Ніколас приїхав». Маленький, а такой разговорчивый, молодец. По телефону звоню, говорю: «Привет, карапуз, слава Україні!», а он: «Героям слава!». Молодец. На днях годовщина по Небесной Сотне была, я дома был, кадры тех событий показывают, а он говорит: «Украину бьют». Понимает, все видит своим взглядом. У него правильная политическая ориентация. У нас вообще семья такая. Меня жена не пускала на Майдан, я хотел ехать еще прошлой зимой, когда студентов побили, но работы было много, в селе живем, надо кормить семью. На Майдан не попал, а вот когда взяли Крым и начались беспорядки на Донбассе, я уже не сдержался. Но она меня поняла, конечно,

ничего страшного. Плакала, конечно, но все равно пустила, дело нужное. Ну вот, наверное, и все.

Спасибо Вам большое за рассказ и вообще.

[Продовження інтерв'ю. Запис зроблено

М. Павленком 26 лютого 2015 р.]

В армии с первого августа прошлого, две тысячи четырнадцатого, года, пошел добровольно, добровольцем, записывался в несколько батальонов, но так как надо было ждать — я попал в первое попавшееся подразделение, потому что я одновременно записывался в добровольческие батальоны и пошел в военкомат. Как только Крым захватили в марте месяце — я сразу начал этот вопрос продвигать, но не сразу взяли, взяли аж в июле. В июле меня вызвали и сказали: «Готовься. Пойдешь?». Говорю: «Пойду». Ну, так я и попал... Сам созвонился с военкоматом, даже без повестки, не дождался я батальонов, пошел в армию. И не жалею, все хорошо, все нормально.

Это у нас, получается, вторая часть записи, это будет дополнение ко вчерашнему.

Может, я что-то не успел рассказать, а может что-то было плохо слышно, рассказываю дальше. С первого августа я в армии, были на учебном центре, на «Близнецах», там потренировались немного, обычные армейские будни, ничего такого сверхъестественного.

А как проходили тренировки на «Близнецах»?

Как обычно, подъем в одно время, потом завтрак, потом уже шли или на стрельбы, или на изучения

орудия, или там просто какие-то были учения, теория была, много теории рассказывали. Учили как разлаживать оружие, как складывать, что как называется, что как заряжается. Вот такая работа была, теоретично-подготовительная. Но не долго, правда, пока нас тут еще продержали несколько дней, перед тем как [ехать] на «Близнецы». В итоге дней 25-26 мы пробыли во всей этой подготовке, тренировке. Даже ездили на стрельбы на другой полигон, на большой, там, где позволялось артиллерии стрелять.

И там вы проходили стрельбы?

Да, с артиллерийских орудий. С автомата мы проходили тут, на «Близнецах», а с артиллерийских орудий дальше, на другом полигоне, в Днепропетровской области. Ну а двадцать третьего числа... Сейчас я опять посмотрю, вчера смотрел. *[Дивиться військовий квиток]*. Да, с двадцать третьего числа августа по двадцать шестое августа мы уже были в зоне АТО.

Это, в каком районе Вы были?

В районе Старобешево, возле села Старобешево.

А скажите, как там проходили, под Старобешево, боевые действия?

Та ну как, вспоминать особо не то, чтобы неприятно, просто каждый раз как вспоминаю — слезы накатываются. Ну, был, конечно, бой, порох, запах пороха, были раненные, убитые, тяжело было. Не успели мы кое-что сделать, может окопаться не успели, может приготовиться, какая-то была промашка, а может, нас просто удачно разбомбили.

То есть это все проходило буквально в три дня и все?

Три дня и все, очень все было быстро и жестко, жестоко все так получилось. Ну, может, ребята уже рассказывали, ну как бы в двух словах, в общем — война одним словом. Подробности я не могу рассказывать.

То есть вы приехали под Старобешеву и вас сразу начали обстреливать?

Нет, мы открывали огонь первыми, хорошо расставились, начали окапываться, может быть, не хватило окопов, я так думаю, потому, что окопы нужно копать чем глубже — тем лучше, если хочешь выжить — надо зарываться. Хоть как-то шанс есть для выживания, пусть небольшой, но



Окопи (Донецька обл., жовтень 2014 р.)

есть, по крайней мере, от осколков можно спрятаться, от прямого попадания уже не спрячешься, конечно. Но все равно, даже если рядом снаряд попадает, возле окопа — выжить можно, что нас, может быть, тогда и спасло, большинство людей, потому что окопы были вырыты, кто успел, конечно, тот окопался. Но, результат на лицо — в общем, потери были. Ну, техника была подбита, конечно, много техники подбито, почти все орудия там погибли.

То есть, там пришлось оставить орудия?

Ну, там остались все, нет их уже.

А с каких видов оружия вас обстреливали?

С минометов, с минометов и артиллерии. Только минометы в начале были, а когда мы уже отступали, артиллерия была. Конечно, техники было много разной, и с нашей стороны, я видел, батальоны подъезжали, мимо нас ехали БМП и другая там техника, тяжелая техника ездил. Они ехали по своей задаче, а у нас была своя задача. Свою задачу, я не знаю, мы вроде как выполнили, но такая цена была. Ну, это если в двух словах...

А под Старобешево окружение было или не было?

Я не слышал, ну стрельба была вокруг, я не знаю кто куда стрелял, потому что на войне стрельба везде: и справа, и слева, и впереди.

Но выходили, получается, под обстрелом?

Выходили, конечно, под обстрелом, да, выходили под обстрелом, и стрельба была серьезная. Выезжали кто как, получается.

А после Старобешево...

После Старобешеве мы уже отправились в район Волновахи. С тридцать первого августа началась у нас уже другая командировка. Уже в Волновахе, мы ездили там и по полям, и по посадкам. В общем, катались, как гастролеры, то там, то там, каждый день меняли позиции по несколько раз, опять же в целях сохранения, чтоб нас же не разбомбили, я так думаю. Благодаря тому мы и остались целы тогда, уже во второй раз. Глубоко окапывались, очень глубоко, даже такие окопы рыли, блиндажи делали в посадочках. Блиндажи сверху укрывали бревнами, потом маскировали, потому, что беспилотники летали там — район Гранитного, район Волновахи, ну это такие были диверсионные группы, которые запускали беспилотники. Они [на] нас смотрели, а потом проводились какие-то обстрелы.

Часто летали беспилотники?

Постоянно. Они летают там каждый день по несколько раз. Попал к нам уже батальон на помощь в этот раз, может быть, поэтому нам легче стало, я так думаю, потому что прошлый раз, правильно Петрович сказал, не было у нас ни поддержки, ни охраны, ни подмоги, нас всего было там две батареи — это мало, сто человек, короче говоря. Поэтому нас было уже больше и как бы, может быть, веселее, потому что уже у нас была и площадь больше, и разведка, все работало.

Это были...

Территориальная оборона. Батальон территориальной обороны. У них тоже была своя ротация, они к нам просто как командировочные были, у них

своя ротация была, их потом менял другой батальон, по-моему, николаевский, но это не так важно, потому, что была уже поддержка пехотинская.

А про Волноваху можете рассказать? Как складывались отношения с местным населением?

Ну, мы с местными не общались, с местным населением у нас вообще контактов не было, по крайней мере у меня, на нашем оружии такого не было. Может быть, батальоны, там у них есть какие-то выезды по населенным пунктам. А наше подразделение находилось постоянно в таких местах, мы же «невидимки», нас не должны были видеть. Где-то по лесам, по посадкам, по полям, вот такая была у нас работа — маскировочная. Раз, переехали — замаскировались, даже среди бела дня и ночью, ночью приходилось ветками забрасывать орудия, машины заезжали в посадку, забрасывали... Да, сетками. У нас была такая работа — маскировочная, невидимая. И все, уже в середине октября нас сняли срочно, нашу батарею, сразу предыдущую, которая с нами была, вот, и другая. Сняли, отправили в район Донецкого аэропорта, а потом через несколько дней отправили и нас, и мы попали. Следующая командировка была... Это уже во вторую командировку происходило. Мы попали туда тоже, в район Донецкого аэропорта. Селище, не важное какое, потому что мы там все время меняли и меняли, потом все-таки осели на одном месте.

Главное — мы там тоже хорошо замаскировались и как бы въехали нормально. Также с охраной, у нас был не только батальон территориальной обо-

роны, а и несколько частей отстаивалось там где-то рядом. В километре стоит такая-то часть, в километре другая часть, как бы линия фронта, но сам факт, что там мы были не одни.

А там уже было, конечно, несколько людей, с которыми мы общались. Ну, бедные конечно люди, я не сказал бы, что там ахти как хорошо, я не знаю, стоило ли голосовать за ту власть. Я не понимаю этих людей. Жалуются, что все плохо у них. Я не знаю, тогда смысл было ту власть тянуть, как говорится, если все так плохо. Живут за счет тех шахт несчастных, в которых люди гибнут, а платят там с перебоями. Просто я не понимаю, я с ними пообщался и я не понял ничего.

Ну, а о чем они говорили, что они пытались донести?

Да ну, что Янык⁸ их бросил, вот в двух словах. Янык их бросил... Я не знаю, Янык что, пахан что ли? Я не понимаю до сих пор их.

То есть они до сих пор за Януковича, даже после всего того, что они видели, после Межигорья, все равно за него?

Наверное, да. Жалко смотреть. «Янык бросил и теперь нам так плохо». Да, вот и вся логика, то, что он их бросил, — теперь им плохо. Ну, и тогда было не сильно хорошо, самое интересное, да и зарплаты там... Вот я говорю: «Сколько сейчас, за что ж вы живете?» «Да я там получаю, то там уголь дадут». «А что ты с этим углем делаешь?», — я

⁸ Колишній президент України Віктор Янукович.

не понимаю. Шахта закрылась, там по сто гривен платят в неделю, а за что кушают они, я не знаю. В магазине как-то полки полупустые, может быть потому что сельский магазин, я не знаю, в городские я не попадал, может быть в городах там нормально...

Ну, они не боятся нашу армию?

Они знали, что есть сила еще хуже нас, как говорится. Они прекрасно знают, что там, где сила, которая наступает [сепаратисты], — там сплошной бардак.

А расскажите еще о роли волонтеров.

Помогают даже очень хорошо, кроме того, что и покушать, и одеться, даже секонд-хенд, надо будет утеплиться — утепляйся, проблем нету, одевайся, и обувь, и вещи. Даже сейчас лежат вещи и уже как бы набрались, лежат вещи, иди смотри что там. Иногда и армейскую форму подвозят, иногда и гражданскую, и покушать они привозят хорошо, и жарка, помимо армейской, армейская остается, бывает такое, а тут волонтеры подвозят. В общем, очень хорошо, насчет доставки — все есть. Там начинка для борщей, быстренько водичкой горячей залил — и готово. Нам и напитки подвозили, следили за погодой. Напитки были, и вода, и газировка. Волонтеры помогали нормально. А в зимнее время, все что надо: и сало, и мед, добавочные продукты. Насчет этого дела у нас все хорошо.

А вот я смотрю, у вас рисунки на столе лежат детские, детки тоже передают?

Передают, да, мы по палаточкам цепляем.

У каждого дома семья, дети... Напоминает о доме?

Ну конечно. Волонтеры бывают одноразовые, бывают постоянные, они вот тенты для машин нам готовят, потом побито после «Градов» бывает, после бомбежки, этот же тент должны опять отправить на ремонт. Бывают стабильные волонтеры, а есть такие, что один раз помогают.

У меня внук Николай. Маленькому человеку два с половиной годика, и постоянно, когда я звоню домой, внучок берет трубку: «Деда, слава Україні — героям слава». Плохо, без «р», но «слава Украине» я всегда отчетливо слышу и «Героям слава». Молодец, все так четко, и я патриотика маленького воспитал, у меня и дети патриоты, и жена патриотка, я и на Майдан хотел поехать, но не получилось из-за работы, тогда, когда зимой били студентов.

Это на киевский. А на местный Майдан Вы не выходили?

Выходил я на местный Майдан, было у нас и возле горисполкома несколько раз, я выходил в Бердянске. Мы с женой занимаемся, у жены цветочный бизнес. Ну, это родители мои, из поколения в поколение, как говорится, тюльпанами занимаются, и теперь мы подхватили, и жена, как говорится, главный в этом деле. Ну, вот мы занимаемся, на рынке стоим, я говорю: «Все, жена, все, я пошел. Я в Киев не поехал, но в Бердянске я буду стоять на Майдане». Ходил, да, было дело, стоял.

А что вам запомнилось из бердянского Майдана больше?

Те люди, которые с тобой, как говорится, вчера здоровались — они уже завтра не здороваются, какие-то обозленные. Весной прошлого года, буквально после Майдана, пошли эти захваты ОГА по всей Украине, в том числе и у нас, вроде бы, пугали «Правым сектором», которого никто никогда не видел в нашем городе, ходили эти сепарские группы, возле Ленина кучковались, потом несколько попыток захвата здания было, местного горисполкома. Мы выходили на защиту, стояли на ступеньках.

То есть Вы были в самообороне или просто?

Нет, я просто сам от себя пошел. Самооборона была само собой, студенты ходили и просто сочувствующие украинцы-патриоты. Вот ходил я на местный Майдан, и так как не получилось поехать, больше ничего для Украины я не смог сделать, я вот и принял решение пойти в армию, в батальон или в армию, но получилось так, что попал в армию, и я довольный. Все нормально, жена, конечно, переживала и плакала, как все нормальные близкие люди. Волнуется, до сих пор волнуется, конечно, каждая командировка это волнения. Я говорил сегодня утром, что приезжаю после ротации — снится все, снится все. Мне потом жена утром говорит: «Ты там, то тебе какие-то снаряды снились, то взрывы снятся, то что-то еще, какие-то кошмары, то ты говоришь вслух о беспилотнике, еще про что-то». В общем бывает такое, что может быть в психике оно немножко откладывается, его же не сотрешь из памяти, никуда не денешь, оно все остается в

памяти, в голове, как ты ни старайся — ничего не забудешь...

И хотелось бы забыть...

Да, но не забудешь ничего, все равно вспоминается. Мне сейчас больше хочется [поговорить] про встречу, моменты приятные, когда встречается жена, она приезжает на микроавтобусе с дочкой, нанимают у друзей микроавтобус, и они меня на видео снимают и фотографируют, и под рушником проходили, и я с флагом. В общем, запечатлели меня по-разному и моих ребят. Они каждый раз приезжают, нас встречают. Вот эти моменты мне очень приятные. Как говорится, самый положительный момент — это когда ты уже дома без пяти минут. Потом мы бердянских ребят грузим в машину и все на микроавтобусе едем домой.

Все земляки, да?

Все земляки, много бердянских, и там несколько сел попутных недалеко от Бердянска. Всех земляков развезли, меня завезли, парня-односельчанина, тоже со мной служит. В общем компания у нас веселая, дружная, Петрович с нами ехал один раз. Нормально, насчет коллектива — все хорошо, все нравится. У нас каждый раз у людей спрашивают, кто хочет поехать, кто не хочет. Это постоянно, только добровольцы, если ты не хочешь ехать — то все, выходишь со строя и говоришь: «Я не поеду».

«Отказники» есть?

Есть, но сейчас, конечно, их все меньше и меньше. Может быть, по семейным делам, у кого-то там дома что-то, нельзя поехать.

А отношение после того как они отказались меняется?

Да нормально, ну как они... Бывает такое, что человек не ехал, не ехал, а потом раз, опять желание появилось — поехал. Никто не ругает, никто и не смеется. Ну, по крайней мере, в нашем подразделении все с пониманием относятся. Люди и по состоянию здоровья уходят, там бывает приходится не только бегать, бывает со снарядам бежишь, а он тяжелый — сорок восемь килограмм, почти как мешок сахара. Очень тяжело, машина стоит в метрах пятидесяти, а орудие стоит с этой стороны, и надо бежать, там метраж, не один раз надо бегать к машине, ну бывает, что нельзя подъезжать близко, чтоб беспилотники не запеленговали, или просто нет времени подъезжать, или она замаскирована, разные причины... Конечно, бывает по-разному, вот особенно под Волновахой мы набегались, под Волновахой мы набегались со снарядами. Все равно, армию никто не бросил, где-то кто-то занимается другими задачами, не в АТО, а здесь, в части или на полигоне. Так что все нормально, все равно, созваниваемся, общаемся, все нормально.

А насколько человека война меняет в моральном плане?

Может, мы уже притерлись друг к другу, мне кажется, что люди не меняются. Я домой приезжаю, спрашиваю у жены то же самое, у детей, они говорят: «Папка, ты вроде не меняешься». А мне и не хочется меняться. Хочу таким, каким я уходил, таким и прийти. Особенно психологически. Физи-

чески — то само собой, хочется целым прийти, здоровым и невредимым, но психологически хочется остаться нормальным. Я вот думаю, что по ночам снится, ну, всякая ерунда. Мы вообще спим так мало, бывает по 2-3 часа в сутки спим там, на войне. Бывает, что дежурство отдежурил, пока приедешь, снаряды погрузишь, и опять выезжать. Бывает такое, что остаешься несколько суток на позиции. Всякое бывает. Отдыхаешь мало. Может оно все отлаживается тоже. Но, как говорится, дух-то есть. Самое главное, что дух есть. Вот человек только что говорил, тоже сильный духом, несмотря на то, что вообще он [из] пророссийской, как говорится, территории, из Крыма. У нас даже были товарищи из Донецка самого. Были, сейчас перевелись, но воевали с нами.

То есть первую ротацию они были с вами?

Да, добровольцами.

А как Вы можете их охарактеризовать?

Ну как, вот парень один приехал, говорит: «Не могу смотреть на это безобразие». Один там вообще рассказывал там подробности, как местные «ДНРовцы» обходятся с местными жителями. Много неприятных историй рассказал, в общем криминальные они, эти истории.

Это все местные сепаратисты?

Местные. Россияне не будут заниматься грязным, они, как объясняют эти сепары, там командуют, а грязная работа на сепаратистах. Когда такое безобразие происходит — всегда хочется пойти восстановить справедливость, потому люди и

идут в батальоны. Большинство людей сидит дома, ждут пока не клюнет жаренный петух, надо воевать, скажут, только тогда, когда уже возле дома будут. Это неправильное отношение. Надо идти сразу, на корню останавливать все это безобразие, прямо там. Как говорится, откуда идет. Поближе к границе его выпирать, все это безобразие, чтоб там оно и закончилось. Ну, там есть и другие истории, ничего такого...

Одним словом, криминал.

Ну, криминал, да. Я даже скажу по своему опыту, свою историю. Летом мы с женой сдавали жилье, я уже был в армии. Жена говорит: «Приехали пацаны из Горловки, хвастались, что они оттуда, и говорит, мол, мы будем всех вас истреблять». Ну, она говорит: «Давай не будем грубить, ты приехал отдыхать, ты приехал на море, снимаешь жилье, как говорится, веди себя как гость». Потому неадекватное поведение, человек с Донецкой области, ведет себя ненормально.

То есть он поддерживает «ДНР», «Новороссию»?

Конечно, да. Даже две семьи у нас жилье снимали, женщины с детьми. Сняли у нас жилье, отдыхать, как бы беженцы. «А папы ваших детей где?» «А он там охраняет жилье». А дите что, оно и говорит: «Папа воюет на той стороне». Это факт, который я знаю, это не чья-то басня, это мой рассказ. Ну, дети, как говорится, не виноваты. Они погостили у нас и переехали.

То есть они переехали в качестве беженцев?

В качестве беженцев.

А папа воюет за «ДНР»?

Папа воюет за «ДНР». Это сплошь и рядом, может историй таких много, но это меня коснулось тоже. Ну, женщин и детей я не ругаю, это, как говорится, жертвы обстоятельств, это вина, конечно, в основном, взрослых дядей. Творят все безобразия. Хотя иногда помогают и женщины тоже. Как по телевизору показывают захваты воинских частей в Крыму, когда женщин вперед выдвигали. Все это было, это все факты, это же видели все. Так что как только весной все это безобразие начиналось — я подался в добровольцы.

Там же в Крыму, получается, застрелили офицера из Бердянска?

С Бердянска, да.

Вы с ним не были знакомы?

Нет, я не был знаком, но мои знакомые ребята ходили на похороны, у нас с женой цветы, мне некогда было.

Город же небольшой, грубо говоря, там все всех знают. Какие были настроения в Бердянске, когда узнали, что россияне земляка застрелили?

Даже наш мэр в Бердянске начал желто-синим разрисовывать кое-что, хотя сам из «Партии регионов». Многие руководители раз — и поменяли...

Перекрасились.

Перекрасились, да. Ленина не могли никак завалять. Сколько было возможностей, никто ничем не занимался. Пока взял батальон «Азов» и не свалил сам. Это после всех западных, центральных районов, там, где уже давно завалили, еще в прошлом

году. А вот буквально в том месяце у нас произошло, в Бердянске.

Ну, на Западной [Украине] давно нет Ленина. А как лично Вы относитесь к «ленинопаду»?

Давно надо было, возле него постоянно собираются какое-то просепарские организации, я их террористами называю. Потому что ничего хорошего, лозунгов хороших я там не слышал ни разу. Только «надо гнать бандеровцев». Ты их видел? Ты их в жизни не видел, не знаешь, что это такое может быть. Бабайку придумали и говорят, [что] это страшно.

Ну, это так «чертова страшилка».

Страшилку придумали средства массовой информации, и сегодня «сосед» подбрасывает по телевизору.

Россия?

Россия, да, Путин. Я не буду, конечно, подсказывать политикам, но я бы давно отключил все средства массовой информации, давно, еще в марте прошлого года нужно было отключить. Как это физически было невозможно, не знаю. Говорят, возможно, но почему не делалось — я не знаю.

Сейчас вот ребенку два с половиной года, он смотрит на майдановские события, годовщина Небесной Сотни, и говорит: «Україну б'ють». Как видит человек в свои два с половиной годика — так и говорит, без слез не расскажешь. Для меня это очень важно, я не знаю, я очень волнуюсь. Ну, в общем, в нашей семье на счет патриотизма все нормально. Переборем, я думаю, что переборем.

Как Вы думаете, сколько это еще будет длиться?

Не знаю, когда мы были близко к границе, я думал до Нового года, может быть, и закончилось бы. Но россияне такие активные, будут помехи ставить. Если бы не российские войска, уже бы давно все закончилось. До Нового года все закончилось бы. Техника идет и идет. Прогнозы не знаю какие поставить, если учитывать, что техника идет, то еще не на один год, это точно.

А вот чего нам не хватает, Украине?

Вооружение, конечно, все старенькое, хоть и обещают там Запад, все по телевизору обещают, что помогут, и вроде даже что-то и приходит. Но это же если сравнить с той же Россией, она же вечно воюющая страна, у них все время совершенствуется и накапливается техника, у них все на высшем уровне, как говорится. Я их не хвалю, но как говорится, у них это есть. А если сравнить нас, то мы отстали еще на двадцатилетней давности, когда все разрушалось и больше не восстанавливалось. Что-то поломалось, остальное разворвалось, но, не смотря на это, даже эти старые стоят, гусеничные, пытаются ремонтировать. Что-то ремонтируется, конечно, что-то не ремонтируется. Ну, вот мы потеряли несколько боевых машин, ездим теперь без них, без БМПшек. Дух-то есть, самое главное, что мы как-то и со старыми орудиями воюем нормально. Ну, ломается, конечно, техника, не сравнительно, конечно, как у наших противников. Техника, и «КРАЗЫ», и «КАМАЗЫ», все у нас восьмидесятых годов, тут скрывать нечего. Старо-

вато все, конечно. За год так быстро все не восстановишь.

А насколько изменилась армия за последний год?

Ну да, по крайней мере, коллектив хороший, крепкий духом, все нормально. А техника, как говорится, нужно чтобы подвозили технику. Будет техника — будет сопротивление. Мы и так сопротивляемся чем можем, как можем, и нормально. Не смотря на то, что армия двадцать три года не существовала, это показатель хороший.

Они по началу гумали, что угут на охоту на «хохлов», а «хохлы» огрызаться начали...

Да, может их приободрил легкий Крым, его бесппроблемное взятие. Несколько наших товарищей полягло, а они вообще без потерь. Ну и вот, смотрю, окрыленные пошли на Донбасс. В основном, конечно, российские войска, «ДНР» — это так, просто террористическая организация. Я где-то читал в газете, что она еще в две тысячи девятом году была организована подпольно.

У меня друг с Донецкой области, из-под Волновахи, мы учились вместе. Так он рассказывал еще года два назад, что еще тогда как бы в шутку начали выдавать паспорта «Донецкой народной республики».

Конечно, это было организовано с дальним прицелом, уже было там продумано.

Да, но тогда еще никто не понимал чем это может закончиться.

Видно у них тактика такая, они еще в Крыму подбрасывали идеи [«русского мира»], и у них,

конечно, это получилось. У нас всерьез этого никто не воспринимал, а образовалась вот такая террористическая организация, слишком демократично все было, а теперь эти заводицы, включая Януковича, где-то поразбегались. Но все равно, их сторонники остались, кто-то же ими руководит. Вот так вот...

Я хотел рассказать больше про ротацию. Летом все было интересней, а сейчас больше серые армейские будни, ничего такого, будни да и будни. То стрельба, то переезды, то разъезды, то маневры, обычные тяжелые серые будни, вспоминать особо нечего. Можно рассказывать долго, но одно и то же.

Может, Вы хотели что-то передать, пожелать тем людям, которые будут читать эту книгу.

Можно много чего, конечно, пожелать, но в двух словах, как говорится, не расскажешь. Что пожелать, чтобы не боялись никого, это самое главное. Если бояться и попускать — то они скоро сядут на голову. Я так настроен, у меня оно немножко и в крови отложено — у меня дед участвовал еще в Финской войне, начинал, а домой пришел аж в сорок шестом году. Правда, не долго пожил, был в плену, много рассказывал. В детстве я все слушал, и мне это все в голове отложилось, нужно как-то с фашистами бороться. Я, например, считаю фашистами Путина и его команду. Это то же самое, фашист это тот, кто наступает, захватывает, в двух словах, захватчик и есть фашист. Пока что захватывают нас, хотя там и рассказывают...

Назовите пару причин, почему мы победим в этой войне?

Я даже не думаю, я уверен. Мы победим в этой войне потому, что мы духом сильнее, я по себе чувствую, и большинство тех, кто здесь находится, сильны духом. Техника, «железяки» — это все второстепенное, мы победим и так. У меня хорошая поддержка, это семья, дети, внучек маленький, мой Николайчик, и дед его — «Николас» тоже. Главное, что мы сейчас все вместе.

*«Поначалу знаєте, як,
пригибаєшся, где-то
далеко стреляєт,
пригибаєшся, вот такой
вот страх. А потом даже
не обращаєш внимания.
Спокойнее»*

Ім'я: **Олег**

Рік народження: **1972**

Місце служби: **55 оабр,**

1 дивізіон, 2 габатр

Форма служби:

мобілізований

Інтерв'ю записане

О. Штейнле

25 лютого 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –

Оп.1. – Спр.16.

*Сначала, если можно, расскажите, пожалуйста,
о себе. Как Вас зовут?*

Я Олег. Из Бердянска. Ну, что еще сказать о себе?

Какая Ваша должность сейчас в дивизионе?

Сейчас я по должности разведчик. «Розвідник», «Артилерійський розвідник». А так сейчас как бы отпала нужда в этой должности, поэтому сначала я был вторым пулеметнорасчетным. «Техасовец» — он пулеметчик, а я с ним вторым, так. Поначалу мы как бы, после Старобешева когда ездили второй раз, искали пулеметнорасчетного и, получается, мы всегда выходили вперед, в оцепление. Уходили вперед. Там километр трасса, вот, территорию охраняли, ну а вокруг там была еще другая бригада, пехота тоже.

Живете вы в Бердянске. Да?

В Бердянске. Родился, да, и живу.

Кем Вы до призыва и до мобилизации работали?

По профессии.

Или Вы контрактник?

Нет, я не контрактник. Вообще я столяр, строительный станочник. Работал я на столярке. Такое: двери, окна, ремонты в квартире. Сам на себя зарабатывал.

А какого года рождения?

[19]72 года. Я не женат, не получилось, детей нет. Живу с мамой, с братом.

А как давно Вас призвали?

Первого августа я уже был здесь в части, в Бердянске. Нас, по-моему, двадцать два человека приехало с Бердянска тогда.

А раньше служили?

Да, служил. Я с [19]91 по [19]93 служил. В учебке я был в Омске, потом в Польшу нас перебросили, с полгода в Польше были, как раз с выводом войск нас всех вывели уже под Москвой. Потом я был, ну вообще артиллеристский разведчик был в учебке, а уже под конец, за три месяца, нашу часть расформировали, перекинули, переучивали меня на наводчика, старшего наводчика. На самоходной артиллерийской установке. Ну в основном меня взяли разведчиком. Как говорится, должность уже не нужна, уже есть разведбаты у нас, это по старинке как было еще раньше.

А сюда Вы попали потому, что как бы схожая была у Вас специальность до этого?

Да, артиллерист. А здесь много таких, которые там и пограничники, и танкисты. А я как бы сам артиллерист.

А Вы просились в артиллерийскую часть или это решение военкомата?

Сразу я пришел в военкомат, отдал повестку, говорят: «Все, завтра уезжаете в артиллеристскую часть», ну сюда, уже я артиллерист по профессии получается, по воинской.

Первого августа Вас направили уже сюда в часть, да, на Уральские?

Тридцать первого мы уехали, тридцатого я пошел в военкомат, а тридцать первого, не, первого. Тридцать первого мы уехали с утра. А первого, получается уже погрузились. Ехать недалеко с Бердянска, три часа. Уже утром мы были здесь, получили воинскую форму.

Что происходило первые месяцы или там недели после призыва, сколько длилась учебка?

Получается, первого нас призвали, а двадцать третьего мы уже поехали в АТО. Ну, получается, первую неделю собирали нас там, политинформацию проводили, ну там такое вот. Потом через неделю мы поехали на «Близнецы» уже и там уже учили. Кто номер расчета, такое, кто по пушкам, тех учили по пушкам, наводить. А артиллерийские разведчики, нас учили дальномеры, потом. Потом уже за несколько дней до отправки съездили на учения, стрельбы с пушек. Да, съездили на сутки или чуть меньше, постреляли.

То есть, к чему сводилась подготовка? Основа работы с буссолью, дальномером, стрельбы из автомата?

А, ну да, из автомата стреляли. Это когда уже двадцать третьего числа мы поехали в АТО, мы там пробыли получается всего три дня. Нас там, полу-

чается, разбомбили. Вернулись сюда, полтора дня нам дали на отдых, ну, домой съездить. А съездили, мы потом приехали, нам дали, на пулеметы нас переучили, начали переучиваться. Не было охраны тогда. Потом начали выбивать. Говорят: «Вам не положено снайпера, будете с пулеметом». Там дальновидность три километра, ото переучились, я и еще один на пулеметчиков, там гранатометчики были, там с пулеметов стреляли, с гранатометов, так получилось немного добавилось. Где-то двадцать или тридцать первого или двадцать девятого сентября, получается, мы уже уехали. Там были чуть больше двух месяцев, пятого ноября мы уже приехали.

В целом, как Вы считаете, подготовка гостаточная/недостаточная была?

За соответствие не могу сказать, по идеи, вроде бы нормальная была. А для нас, как бы мы, эта служба уже не нужна была, артиллеристов, мы как для галочки учились там. Оно не нужно, в тех условиях оно уже устаревшее.

С какой техникой Вам пришлось ехать в АТО, вот в первые три дня?

Сперва мы ехали на БТР-е. Нас как-то на разведке БТР, вот мы ехали на нем, там он и остался, сгорел.

БТР -70, 80?

Да, самый обычный, я даже не... по-моему, семьдесят с саловскими двигателями.

Большая колонна была, которая выдвигалась?

Нас ехало две батареи, первый раз, ну и второй, еще одну батарею везли. Вторая и третья батарея.

Получается два БТР-а у них и у нас, по одному. Двадцать второго я получается, ехал, в общем двенадцать машин ну и плюс машин шесть в поддержке орудий с оружием, оборудованием там, орудием.

А что за орудия?

152 миллиметра гаубицы. Получается, мы почти сутки ехали там лугами, селами, чтоб нас меньше заметили. Приехали мы, получается. Ночью двадцать третьего выехали и уже днем двадцать четвертого приехали. За Старобешево чуть-чуть заехали, вот проехали Старобешево, где вот старые там посадки. Ну, начали там орудие выставлять, нас поставили в оцепление, смотреть там. И получается, мы ночь там постояли в оцеплении, на утро сменились, сели возле «бетера» отдохнуть и как раз первый залп вот, минометный, чуть сзади нас стрельнул и попал сзади нас. Я не видел, пару машин там было как раз с продовольствием, как раз попало. Ну и мы кто куда, ховаться по норам.

Это первый обстрел был?

Это первый и последний, грубо говоря. Мы не успели себе, когда в оцеплении были, выкопать себе. Там немножко было. А до этого мы ходили, у нас была небольшая дорога и там были трубы сливные, чтоб вода насквозь проходила, метровые такие. Мы вот пробежали метров пятьдесят и втроем вот туда добрались. А кто другие — в окопы. Кто еще куда. И сидели, пока вот обстрел. Говорят, что обстрел два с половиной часа шел, там часов не было, мобильники были выключены у всех, но время пролетело

быстро. Мы даже не заметили. Два с половиной часа и минометы, и «Грады», и артиллерия.

А что чувствовали во время такого первого обстрела?

Не знаю, как-то и не страха, даже трудно описать, честно говоря. Поначалу — да, было страшно, потом как-то уже успокоились. Оно как комок сжатый был и не знаю и не то, что страшно, тяжело, голова ватная. Потом немножко время уже прошло, мы успокоились. Затишье было, вылезли мы, когда было уже все тихо. С этой трубы. Смотрели, как пушки горят, третьей батареей. Скаты дымят. Только вылазить, опять слышим опять. Не знаю, трудно описать. Ну страха, ничего, не помню уже какие чувства были.

А вот в дальнейшем же была вторая ротация и вот похожие чувства испытывали, когда попали в похожую ситуацию?

Так уже нет, уже как-то попроще.

Главное, по быстренькому смыться, да и все. Но таких жестких, конечно, не было обстрелов, тот был самый жесткий.

То есть вы приехали под Старобешево, разложились и вас практически сразу, вы не успели даже окопы выкопать, вас...?

Не, не. Мы приехали, где-то, ну не знаю, может часа в два дня, точно не скажу, в полчетвертого. А накрыли нас уже двадцать пятого утром, часов в семь. То есть, наша третья батарея успела даже отстреляться, они стреляли по цели, а у нас цели не было. Еще успели пацаны там кое где окопы поко-

пять, а утром на нас уже напали. Россияне наступление сделали.

А кто вас обстреливал, говорили Вам или какие-то вот?

Нет, не говорили, просто было как наступление общее. Они решили на двадцать четвертое, День Независимости как-бы сделать, но а кто там, я даже и не знаю. А так, как обычное, совместное с россиянами. Или под управлением россиян, пошли они тогда.

А после обстрела, ну, много потерь было, ну вообще, техники?

Техники, да, много.

Люди как, раненые?

У нас в батарее один погиб только, а у одного ногу перебило, но в итоге ее ампутировали. Раненых немного было, я даже не знаю сколько человек. Ну, максимум человек шесть, так небольшие осколочные ранения были, в основном по ногам. В третьей батарее, не скажу точно, там тоже погибшие есть, там один или два человека.

А техники много потеряли?

Да, ну пушки все там побило, БТР наш тоже сгорел. Третьей батарее удалось своей кое-как вытаскать. Ну, в основном, по дороге там несколько машин там еще заглохло у нас, тоже не было возможности там их отремонтировать. Выехали, не помню уже. С нашей батарее два или три КРАЗа, три КАМАЗа выехали. С третьей батарее не скажу сколько, ну больше половины техники этой. Это точно.

И после двадцать пятого числа вас сразу оттуда отвели, да, так получается?

Да, мы сразу выехали с тыла, получается отъехали и там уже решали, оставаться нам или ждать подкрепления. В итоге решили, что надо отправлять нас назад, долго ждать подкрепления с Запорожья. Там техники много, проще было нас отправить назад. Когда мы вернулись назад, двадцать шестого или двадцать седьмого мы уже были в части, ну, на Близнацах, разгрузили все, что оставалось, вещи, и нам дали ото полтора дня съездить домой. Мы съездили, вернулись, через три дня опять уехали, под Волноваху уехали.

А вот еще про первые вот эти три дня. Возле Вас были чести, какие-то другие, ну, кроме Вашей?

Нет, не было ничего такого. Мы ехали туда, многие возвращались, ехали «САУшки», такое вот, возвращались. Никого не видели, потом уже, когда назад ехали, какие-то были, там, пехота да, огнейка, да, посты занимали. А какая из них, я честно говоря не знаю, какие бригады.

Вы сами выполняли свою задачу, никого вам не передавали.

Сам на сам, да, сам на сам.

Прибыли вы вот после этого, три дня отдыха, да?

Полтора дня и еще там дня три, да. Еще были на Близнацах, получали там новую технику, новое орудие, такое. Ну, кому там новую одежду. «Военники» там свои пооставляли, ну такое. Восстанавливали там документы.

А больше, меньше было вот, ну, вторая колонна, которая шла, в эту ротацию под Волноваху. Больше/меньше, чем предыдущая?

Уже меньшая была, уже пушек у нас было по пять, не по шесть, а по пять уже было. Уже успели мы, а не, одна пушка у нас, получается, прислали шесть. Кто, получается раненый был, кто отказался, побоялся там, получается. Набрали там еще других противотанкистов. Набрали желающих, получается, всего на пять орудий набрали людей.

Орудия те же самые, того же самого типа?

Да, у нас только такие. Сто пятьдесят два [миллиметра] у нас.

Расскажите про вторую ротацию, вот что там произошло, как приехали.

Ну, получается. Мы приехали вот сразу, я не знаю, как называется, обычная по посадкам мы всегда. И сейчас по посадкам. Приехали в посадку, там, где раньше стояли танки, там даже такие были ниши в посадке, танком проломанные. Но мы там только сутки пробыли и говорят, что вроде нас засекли, надо уезжать оттуда было. И вот мы уже уехали в другое место, чуть, получается, глубже, тоже посадка и там мы пробыли неделю, или шесть дней. Как бы бросили окопы и там шесть дней мы были. Как раз в это время перемирие началось, сентябрьское.

Как вообще вот, какие задачи исполняли во время второй ротации, в чем суть задачи была?

Ну, наша лично — это охранять. Получалось, мы когда выезжали, нас на огневой позиции, мы

как пулеметные решетки, всегда были либо где-то впереди, либо где-то сбоку. В таких самых местах, где врагу ближе всего подойти. Так же само, как приезжали назад, в лагерь, мы все равно дежурили, в лагере еще контролировали, на всякий случай. Ну так, два через два часа. Один два часа отдыхает, другой, дежурит. Вот так получалось сутками.

А в целом вот батарея какие задачи ставила, прикрывать другие части?

Батарея, да, не знаю.

Озвучивали задачу вообще?

Никогда не озвучивали. Просто дают квадраты и все вот. Да, вот дают квадрат и все, а так не говорят. Может, командирам, и говорят, но вряд ли. У нас квадрат и был чтоб линию какую-то, я знаю, ну как, придерживали мы, чтоб было перемирие, не могли просто так стрелять. Только если они там наступают, я понимаю. Просто мы охраняли ту территорию, которую положено, мы не перебирались вперед, не назад. Просто если они там наступали где-то, тогда уже стреляли. Но под Волновахой практически не стреляли. Очень мало стреляли.

А обстрелы все-таки были? Мало, но были?

По нам? Нет, по нам не было обстрелов. Та там практически тихо, под Волновахой вообще практически, если и стреляли, то далеко и непонятно кто по кому, либо наши, либо по нашим. Под Волновахой было спокойно. Это же потом мы переехали с Волновахи. Где-то числа десятого, октября, по-моему, мы переехали под Донецк. Вот там уже у

нас было, понимаю, не, аэропорт мы охраняли уже второй, третий раз. А так, мы тоже там охраняли, ну где-то возле сел мы стояли обычно. И тоже, я не знаю куда. Ну тоже как бы территорию охраняли, через села занимали, разговоры же были о перемирье. За границу они не могут передвигаться, через зону. То если б они переходили через черту, мы уже могли бы стрелять. Стреляли мало. Второй раз, мы когда приехали, очень мало стреляли.

Как было со снабжением вот в первую ротацию, вторую?

Первую ротацию я считаю, Старобешеве можно не считать. А второе, да, поначалу было очень жесткое. Так как мы питались, получается: на сутки нам давали банку сардин и банку этого, тушенки, ну и там, сухари. Вот на сутки нам давали такую еду. Там, где-то неделя, даже может больше, полторы отак питались. Такое снабжение было. Потом стали уже с Бердянского хлебокомбината нам привозить там хлеб, булочки, такое. Уже потом стали «Мивину» привозить, картошку, ну и там же волонтеры помогали — чай, сахар. Такое вот. Уже лучше стали жить, веселее. Варили небольшие супчики себе там. Супы такие, как в брикетах.

Волонтеры с начала ротации помогали, с самого начала или под конец уже?

Под Волновахой, не с самого начала. Ну, может дней через десять там начали уже. Там, в основном, с Гуляйполя помогали хорошо, машинами привозили и еду, и вещи там, и кастрюлю, ну, всякое такое. Много чего привозили.

А они когда-то рассказывали, как, почему именно вам помогали, то есть мотивация какая-то.

Ну, у нас с Гуляйполя есть старшина, и то есть с села получается и ото они хорошо там помогали.

То есть за счет того, что земляки.

Ну да, да. В основном, так вот и везде идет. В основном, больше по землякам. Даже бывает вот звонят там, ну, с других там. «Нам нужна помощь». «А сколько вас там?». Например: «А сколько вас там с Бердянска, а сколько вас там с Гуляйполя?». Там: «Два человека». «Та не, нам невыгодно». В основном, так вот идет, а другие нормально. Вот с Гуляйполя они хорошие, земляки там, волонтеры видно хорошие. Постоянно привозят там много всего.

Во второй ротации были какие-то части соседи, которые с вами тоже взаимодействовали?

Под Волновахой? Девяносто третья бригада стояла рядом с нами.

А чем они занимались?

Тоже они там самоходки у них, противотанковые все дела, они даже бывало рядом с нами стояли. Тоже по другим целям отрабатывали. Ну, вот практически мы и через пол-километра, даже ближе, они стояли. У них свои цели, а у нас свои. Также мы стали потом у них на продовольствии, они стали нам уже давать, не отсюда мы уже закупали. А они начали нам уже давать там продукты, получается, и сейчас до сих пор у них стоим на продовольствии.

А как они, кстати, у них организация, снабжение, вообще у девяносто третьей, лучше, хуже?

Лучше, да. Сухпай стали другие в таких пакетах, рассчитаны на сутки, там завтрак, обед и ужин, такое. Ну плюс тоже там картофель, там не знаю, капуста, ну, такое. Много всего, ну и волонтеры стали лучше. Я не знаю, правда, откуда, но много и закрутки, это и «Сестры перемоги», тоже там много, и борщи, и сухие, и в банках там, и супы. Ну их только разбавляй и готово, ну много всего разного. Теплые вещи стали присылать: свитера, много всего, носки, шарфы там, шапки, перчатки. Ну много чего, да, лучше намного стало. Волонтеры хорошо просто помогали.

А под Волновахой с пулемета приходилось стрелять? Нет?

Нет. Ну, как бы, все, слава Богу, тихо обходилось.

Какой, кстати, пулемет у вас был?

БКМ-Б — это пулемет Калашникова, модернизированный нашими. Ну, это которые стоят на БТР-ах сверху, видно, поснимали или на складах были, да.

А удобная вещь в пользовании?

Ну, да. Ну, он такой, не для носки, а больше стационарно, он тяжелый. Килограмм десять или даже больше весит.

Когда закончилась вторая ротация под Волновахой, когда именно, в каких числах?

Пятого ноября. Шестого мы уже уехали, но, по-моему, шестого ноября мы уже были здесь, в части. Так получается. Ну, там ехать недалеко, в принципе, было. Утром выехали и уже здесь мы в

часа два были. Получается в части.

А сколько вам дали времени на отдых?

Десять дней отпуска дали.

Потом приехали, мы еще девять дней там технику ремонтировали и двадцатого мы уже уехали, опять туда.

А третья ротация куда уже была?

Получается, третья, во второй раз, после Волновахи мы уехали десятого октября, мы уехали уже под Донецк, мы уехали. И там уже у нас палатки у всех были. Мы жили уже вместе с третьей батареей. Вот мы уехали и двадцатого числа, когда, не, мы приехали двадцать седьмого, двадцать шестого они, наверное, приехали. Поменяли третью бата-



Позиції поблизу Донецька

рею, а третья батарея приехала сюда на ротацию. И мы, да, в то же самое место это было. Щас они уже оттуда уехали. Вот там мы были все это время, все эти два месяца. Всю эту третью ротацию мы там, там были. Защищали аэропорт донецкий. Вот там мы уже за армию говорили, защищали. Когда его уже сдали, уже там были какие-то цели, уже я не знаю какие. Там уже в четырех направлениях уже наши пушки стояли. Жестко там было. Даже где не хватало орудия, третья батарея доставляла орудие, чтоб на больше направлений было. Отак, получается.

А вот во время третьей, получается, ротации [вы] стояли конкретно под Донецким аэропортом или какой-то населенный пункт?

База у нас была в Барановке. Это в Очеретино, село, в окрестностях Очеретино, то есть село это, поселок. Вот там мы стояли в посадках, ну, правда, постоянно менялись. Там еще перед нами, километров, может, семь, фабрика, Коксохимический завод, как раз он перед нами, видно его.

В эту ротацию приходилось стрелять вот из орудий активно?

Да, постоянно.

В основном по атакующим Донецкий аэропорт, или по ком стреляли?

Ну, да, прикрывали Донецкий аэропорт там. Там же наши артиллеристы были поначалу, а потом поехали двое из нашей батареи, два человека поехали корректировать дорогу. Потом откорректировали. Прикрывали, видно, но я даже не знаю, туда,

в районе аэропорта стреляли, в районе монастыря там стреляли, где-то на той стороне.

А вам из пулемета приходилось стрелять в третьей ротации? Тоже нет? Ну, то, наверно, слава Богу.

Слава Богу. Мы обычно стояли, насколько я знаю, километров восемнадцать, пятнадцать от столкновения. От линии фронта. То, что пушки у нас стреляли там до двадцати километров, поэтому так у нас, мы должны были вообще дальше стоять. То, что мы беззащитные, то, что мы стоим в оцеплении, это только, чтоб наши успели поддерживать огнем и наши успели уехать, это единственная наша задача.

Как вообще третья ротация, со снабжением было?

Та нормально, девяносто третья ж бригада сухпай выдавала, ну и так, как обычно, картошка, плюс привозили еще тушенку, ну, обычную тушенку, раздавали там. Ну, а, плюс еще сгущенку постоянно, ее уже в конце никто не ел, надоела. То, что привозили много меда, много закруток, варенье. Ото ж поначалу сгущенку ели, чуть ли не дрались за нее, сладкого ж хочется, потом уже ее перестали есть, уже реально. Я лично мед ел, тоже уже надоел, на варенье перешел, отак. Чай, все привозили в основном волонтеры, чай, молоко, и сами покупали, ездили в Димитрова там, ну, корешки ж есть, ото такое, вкусное покупали себе сами, колбасу там, кофе.

А как был организован быт в третью ротацию? Жили в палатках?

Да, все время в палатках

Все время в палатках, да. Холодно?

Ну, пока топишь — хорошо. У нас нормальные буржуйки, тоже волонтеры все прислали, большие, хорошие. На дровах. Сначала мы пилили сами, там по посадках, а потом начали нам уже привозить, тоже с девяносто третьей. Не знаю, самосвалами привозили. Ото мы или с пилами, или рубали. Следишь их, каждую ночь там. Сначала было там кто проснулся, тот и пилит, а потом уже у нас там были такие люди, ну как, два-три человека, которые в основном менялись, которые мы так называли «хозбанда». Там старшина, в основном он ездил, снаряды возил, на эти, на огневые, а так, когда свободен, помогал и плюс там еще у нас Васильевич, бывший депутат, у него проблемы с ногами. Он сам попросился остаться у нас на хозяйстве. Такое вот, варил супы, такое там, печки топил. По хозяйству.

Васильевич — он ваш военнослужащий?

Да, да. Он приехал тоже сам, добровольцем, депутат, с Кирилловки депутат.

Так он в первую ротацию, под Старобешево, машину, это он сам привез, свою лично машину, там с вещами все, то, что ее разбило. Он получил там ранение в ногу, там такое. Ну, после лечения опять к нам в батарею, он же числится у нас. Попросился. И он у нас как по хозяйству стал помогать, да, плюс как юридическая помощь: у него там знакомые юристы, там все есть. Если там с каким вопросом, всегда помогает.

Ну, да, это тоже важно. А он и сейчас служит?

Да, здесь. Много чего интересного расскажет.

Что рассказывали во время обороны аэропорта, то есть, какая-то информация приходили, что там происходит, вот?

Ну, честно говоря, скудная информация. Особо такого ничего и не было. Так ото когда приехали пацаны уже, они там вообще, две недели положено им, корректировщикам две недели. Приехали к нам, видео привозили. Отак вот в лицо они практически не видели врага, так вот выглянул кто-то, побежит. Постреляли там. Или по них стреляют, из окон стреляли там, кидали гранаты, такое вот. Ну как бы такого вот прямого лицо-в-лицо, такого вот не было. А мы стреляли только когда они корректируют, только когда лезут, когда они корректируют, мы стреляли, назад отодвигали, вот и все. Они стреляли дальше.

Говорили вам о результатах, результатах стрельб, обороны там аэропорта, то есть, попали, не попали, какая точность оценки?

Да, была. Когда попадали хорошо, нас хвалили, да. Ну было там такое: «Грады» разбивали, колонны, вот разбили и хвалили, говорили «Молодцы!» там, было там бронепоезд тоже там подбили. Там курсировал постоянно один бронепоезд и с бригады очень много людей там погибло. Там выехал, пострелял с миномета, уехал, тяжело было его поймать. Это случайно, не знаю, случайно накрыли его. Сами пацаны благодарили. Ну, да, много там было, попали тоже в здание, где-то в аэропорту и там как раз был начальник ДНРовский. Взорвали

там вместе с командованием их. То мост взорвали с какой-то техникой, тоже раз ехали вот так вот, не все, кое-что значимое, а такое, не менее значимое как бы.

Кто это говорил, командование?

Командование с аэропорта, командование, которое дает ориентировку. Они же и благодарили, что если попали — спасибо особое, нас было пять орудий, как бы у каждого своя цель, у кого там туда-сюда уже того благодарили там, командира того орудия.

До какого времени вы там были, в аэропорту, вот крайнее число, получается когда вас отправили назад.

Последняя ротация? Ну, уже двадцать седьмого, двадцать восьмого мы уехали, декабря. Ой, нет, января.

Двадцатого января отправили вас назад, да, в Запорожье?

Ну, два месяца, как раз было. Двадцать восьмого, двадцать девятого января бы уже были здесь в части.

А вообще, как обеспечение вот зимней одеждой, масксетями, такое, продуктами, наладилось?

Ну, масксети это все волонтерское. Летнее было, а зимнее, с зимней опоздали, уже сейчас они есть, но не нужны на самом деле. Ну, одежда, как видите, есть, вот она. Не знаю, канадская, штаны теплые, хорошие, удобные очень. А так форма в принципе есть.

Качественная, не очень качественная?

Бушлаты не очень качественные. Видно, на складе долго лежали, рвутся, перепревшие. Кому-то поменяли, мне размер не подходит. Большой размер надо, все маленькое. А так вот, более-менее нормально. Бушлат, в принципе, тут уже осталось месяц доносить и уже будет тепло, я думаю.

А потери были за третью ротацию?

Нет, только под Старобешево когда были, от и все, а так слава Богу.

Слава Богу.

Накрывали нас, но успевали мы уйти, уже наученные, быстрые. Получается, как: нас накрывали, раз накрыли, ну, за сутки два раза нас накрывали, с третьего декабря с утра. Мы стояли, с обеда нас накрыло три раза. И они, у них обычно тактика, ну, и у нас тоже, называется, «конвертиком» они работают. То есть, по четырем точкам и по центру там отрабатывают. Примерно ж они знают там, где мы работаем. Вот они так накрыли. Но у нас команда есть стоять. Есть цель определенная, мы ж не можем отак без команды уехать, только если не накроет. Хоть отрабатывают, не отрабатывают. Ну и получилось так, что у них пулеметный расчет впереди был и слышим, как раз в сторону нашей батареи залп, ну, накрыли там как раз рядом. Возле нашей батареи стреляли, вот. Ну и срочно, если вот накрывали, все бросаем сразу там по машинам, ну, орудие оставляем, тошо нереально их сразу там забрать с собой. Вот по машинам, отъезжаем там на пару километров, пережидаем, если все окей, то возвращаемся и смотрим там все на месте, собираем технику там, что можно,



Переміщення на нове місце дислокації

и уезжаем. Вот так было один раз тоже, нас накрыли, сразу все по машинам. И отъехали. Чуть дальше, в сторону, ну, переждали пока ждешь, они постреляли. Переждали и вернулись, но в принципе, там немного зацепило, пушки, там две пушки. Щитки там побили, такое. Но. Один «Урал» там остался, колеса повыбивали, что-то еще, пока там оставался, и мы переехали на другое место и там на следующее утро нас опять накрыло. Уже где-то рядышком, метров двести, может, от нас, раз стрельнуло. Мы собрались и уехали. Там потом еще и артиллерия, слышно было, артиллерия работала, потом «Град». Побили там две пушки, хорошо пробили, колеса пробили. Ну, слава Богу, все живые, успели мы все быстро по

машинам уехать. Потом позабирали все, подремонтировали технику. Это единственное, что было вот, накрывали нас. Было нас еще накрыло. Это перемирие ж было у нас с восьмого декабря, нет, с девятого декабря по восьмое января, было жесткое перемирие. Когда вообще никто не стрелял. А потом, после Нового года, начали потихонечку стрелять, стрелять после встречи Путина начали. Бах, бах. И потом уже жестче начали, потом мы начали отвечать, где-то с восьмого или девятого января. Это единственное такое вот было, жесткое, за это время. А так, стреляли, но где-то далеко, то миномет, то «Грады» часто, но как-то они, слава Богу, далеко по сторонам, не знаю, куда они стреляют, другие «гарматы».

А какое вооружение было у тех, кто вас обстреливал: минометы, «Грады»?

В основном, «Грады» или минометы. Минометы с этих, как их, с терриконов, где-то заезжают за них и с них стреляют, не могут вычислить. Постреляли, постреляли и уехали, вот такая вот тактика у них была: постреляли и уехали. Они примерно слышат, где орудие работает. И примерно в то направление и стреляют, а там уже неважно, достают, не достают, главное спугнуть. Чтоб мы отъехали.

Сколько Вам отдыха дали после третьей ротации?

Пятнадцать дней дали.

Домой ездили?

Да. Мы уехали сразу, в этот же день. Двадцать девятого мы приехали, и сразу нам выдали ж бумажки отпускные. И все, домой уехали. Обычно

все вместе уезжаем в Бердянск, маршрутку нанимаем, ну, такси. Вещи все загрузить.

А много с Бердянска вас?

Ну, сейчас нас, да, с Бердянска, с Токмака, с Партеза, Новотроицкой три человека, Бердянский район. С Бердянска нас раз, два, три, четыре, пять, где-то шесть человек, с Бердянска сейчас, именно в нашей батарее.

Это вы как раз вернулись с отдыха, то есть?

Мы вот сейчас технику ремонтируем, пушки, на выходные опять там съездили домой, в понедельник опять приехали. И уже готовимся. Мы выезжаем менять третью батарею. А они приезжают сюда вместо нас.

А вообще, с местными приходилось пересекаться?

Та мы стараемся не общаться, меньше с ними. Там, как говорят, половина за нас, половина против, так вот. Стараемся меньше с ними общаться, не рекомендуют, зачем оно надо.

А какие вообще настроения? Говорите пятьдесят-на-пятьдесят?

Ну, так говорят. У нас как сталкиваются, обычно поехали в магазин, скупались и приехали назад. Столкнулись с ними, например, кто молодцы, кто там яблок даст, еще что-нибудь. А кто наоборот, бракует, приехали сюда, уезжайте, ну, в основном, пенсионеры такое вот бывает, бабушки там: «Что вы тут делаете?», — такое. «Уезжайте домой!» Ну бывает такие, а так, в основном, все нормально.

А какие щас вообще потребности есть, волонтеры помогают вам щас, на данный момент?

Помогают, да. Единственное, что не хватает, биноклей, ночников, это единственная проблема. Ночники у нас есть, но они у нас такие слабенькие, как бинокли, во такое вот.

А в плане одежды, питания, хватает?

Ну тоже нормально, да.

Вы говорили, что когда ехали уже под Волноваху, там спрашивали добровольцев, ну, желание, да?

Да, всегда спрашивали.

Это все ротации так спрашивали, то есть, согласен человек или не согласен?

Да. Вот сейчас у нас двое отказалось ехать, один, что-то не знаю, не понравилось ему в батарее, не нашел общий язык с коллективом, в другую перевелся батарею, я так понял. Другой по семейным обстоятельствам, там у него жена, не знаю, беременная. И он не рассказывает семейные проблемы. И ото он отказался. А так, все остальные согласны ехать. Несколько человек новых нам прислали, не знаю откуда, так. На замен.

А вот согласие письменное, устное?

Ну, раньше было устное, сейчас пишут отказ. Да, вот щас более официально, но все равно спрашивают, да, ну чтоб в последний момент не отказался. Расчитывают на столько-то количество людей. Чтоб была полная комплектация.

Как вообще с зарплатой, нормально выплачивают?

Своевременно платят, да. Зарплату и плюс АТОВские. Долг и премия, получается.

Хватает, не хватает? Про сумму не будем.

Сумму могу сказать, сначала у меня было, «як розвідник», у меня было 2560 зарплата. И, сколько, 2900, по моему, было у меня за АТО. Сейчас чуть повысили, последний вот раз была 3000 зарплата, 3000 АТО-вские. Хватает конечно, оно особо, я не курю, не пью. Фактически они и не тратятся.

Какие вообще самые интересные моменты за время службы?

Интересные? Честно говоря, ничего такого особо и не было. Оно как бы все однотипно идет день в день, но, если не считать, те обстрелы, как бы так. А так, оно в принципе, работаем, как работается.

Вы говорили, в первый раз такие чувства были, не до конца даже можно описать, а потом, как бы, больше на автомате?

Поначалу знаете, как, пригибаешься, где-то далеко стреляет, пригибаешься, вот такой вот страх. А потом даже не обращаешь внимания. Спокойнее. Даже вот смотришь по людям, которые первые разы приходят, мы там побыли уже месяц, два например. Видно по ним, пригибаются, каждого шороха боятся. Проще уже относишься к этому. Оно как бы уже, ну, не знаю, чувствуешь, когда она к тебе летит, то есть в твою сторону.

Как вообще командиры, хорошая подготовка, компетентные?

Да. У нас, получается комбат давно уже служит, а другой только с училища недавно, молодой, двадцать два года сейчас. У нас еще мой командир, ото он, я так понял, не кадровый военный, вся [воен-

ная] кафедра у него была, математический [факультет] заканчивал, но где-то здесь он проходил подготовку, я так понимаю, разбирается во всем этом деле. Комбат у нас разбирается вообще, но, они трое, основная у нас, они трое хорошо. Этого вполне хватает.

Спасибо Вам большое за рассказ.

«Артилерію я вибрав сам, у мене в сім'ї взагалі військових немає. У мене з математикою в школі було добре все, тобто мені якраз це і підходило»

Ім'я: **Роман**
Рік народження: **1992**
Місце служби: **55 оабр, 1 дивізіон, 3 габатр**
Форма служби: **контрактна**
Інтерв'ю записане **О. Штейнле**
25 лютого 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.24.

Как зовут, когда родились?

Звать мене Рома, народився я 29 січня 1992 року, Чернігівська область, далі почався в школі, після дев'ятого класу пішов в технікум сільськогосподарський. Закінчив технікум в 2010 році і цьому ж році поступив на навчання в Академію сухопутних військ імені Петра Сагайдачного (місто Львів). Там навчався чотири роки на факультеті ракетних військ і артилерії, в 2014 році закінчив. По розподілу поступив на проходження подальшої військової служби в п'ятдесят п'яту артилерійську бригаду.

А чому Ви вирішили стати кадровим воєнним?

Коли я вчився в технікумі, я відчув оце все навчання, ким мені потрібно бути, що мені робить і мені не дуже сподобалось це. Далі я не знав, іти вчитись далі, подумав – піду в армію служити на строчну службу або на контракт. Прийшли до нас з воєнкомата, воєнком, в нашу випускную групу, розсадили в аудиторії і він прочитав пропозицію про вищий військовий навчальний заклад, я зацікавився цим, окремо з ним порозмовляв, він дав мені

список вищих військових навчальних закладів, які є в Україні, я так вибрав.

Артилерію вибрали самі чи порадили хтось?

Артилерію я вибрав сам, у мене в сім'ї взагалі військових немає. У мене з математикою в школі було добре все, тобто мені якраз це і підходило. Фізика, математика мені подобається, тому я і вибрав артилерію.

Як Ви оцінюєте підготовку в Академії сухопутних військ?

Підготовка, взагалі хороша, тренувальна база, навчальна база дуже хороша, але, як показав мій досвід бойових дій, що дуже мало практики. Тобто там є польові виходи, але це ще залежить від забезпечення, тобто так як забезпечення тоді було не дуже хороше, особливо паливом і практична підготовка була на такому рівні. Більше практики і все буде добре.

У Запоріжжя Ви потрапили коли?

Випуск у нас був 21 червня, це субота, неділя 22-ге, 23 червня в понеділок я о 9 годині ранку прибув у військову частину.

На яку посаду Вас огразу направили?

Командир взводу, старший офіцер на батареї.

А зараз Ви...?

Так само. Ви знаєте, я у військових частинах, коли навчався не був, особливо на стажуванні були, ну це було два тижні, я не міг відчути того, що зрівнювать я не можу, тобто якби я служив рік в одній бригаді, рік в іншій бригаді, то я міг би порівнять. Колектив хороший, що офіцерський, що вза-

галі всіх військовослужбовців. Якщо звернутись за допомогою, допоможуть. Не будуть робити за мене цю роботу, але скажуть, у якому руслі мені даліше працювати, щоб досягти бажаного результату. Взагалі, позитивно я відношусь до служби у п'ятдесят п'ятій бригаді.

Розкажіть, будь ласка, про відрядження в зону АТО, скільки їх взагалі було, у яких приймали участь?

Відряджень [було] три, але перше було дуже коротке. Там наче 24 серпня ми приїхали ввечері і 25-го ввечері ми приїхали з зони АТО.

Тобто перше відрядження в зону АТО було 24 серпня.

Ми взагалі виїхали 23-го, ввечері, а в зону АТО потрапили десь ближче до обіду, ну там же ж поїздили по самій зоні не бойових дій, а як би на території, яка же була наближена до зони бойових дій.

Біля яких населених пунктів находилися під час першого відрядження?

Старобешево.

Які задачі виконували, що ставилися перед Вами?

Задача ставилась зайняти вогневу позицію, далі виконання вогневих завдань по цілям, які передавали старші начальники.

Ви казали це відрядження було досить коротким, чому?

Нас обстріляли, ми втратили свої бойові можливості, більше ми не змогли нічого виконувати, повернулись назад.

Можете розказати деталі, як взагалі це сталося, це обстріл?

Значить, виконували ми зранку вогневе завдання, далі команд нам ніяких не було, ну нас як би там було 20 хвилин, далі йде життя на вогневій позиції, обслуговування техніки, боєприпасів, ну всього, що у нас єсть. Почулись артилерійські розриви, ближче, ближче, ну і вже по нам.

З чого Вас обстріляли?

«Гради» були, міномети були, це можу точно сказати. Підійшла піхота противника, були ще обстріли стрілецької зброї, але особисто я не бачив. Я бачив машини, що є пробоїни в машині від стрілецької зброї, але я не чув.

Тобто Ваші позиції взагалі могли захопити?

Могли.

А як ви відбилися?

На позиціях розставляють пости для оборони, самооборони вогневих позицій.

Це з ваших там, з розвідки?

Зрозуміло, що да. Кожна батарея сама себе охороняє.

І їх вистачило щоб відігнати?

Не то, щоб відігнати, а щоб їх зупинить просто. Щоб вони не зайшли на нашу позицію і все.

Зрозуміло, це було Ваше таке бойове хрещення.

Перше бойове хрещення.

Які відчуття переживали під час першого бою?

Було страшно і я, як би не розумів, що проісходить, я зрозумів це, коли вже дня через два, дня через два я вже зрозумів, що могло бути, що могло не бути, як би я мав себе поводити. А тоді страшно, через деякі моменти, час, стало навіть байдуже .

А Ваші люди як поводитися під час цього бою?

Паніки, щоб явної паніки не було. Тобто всі злякались. Бігать, кричать — такого не було, а паніка почалась, коли ми вже, получається, відійшли, трішки далі, якби зібрались, порахувались, хто у нас є, всі є, не всі є, майно з яким могли забрать, оце розібрались і потім вже чуть-чуть почалась паніка. Страшно уже, панічний настрої.

Це вже після цього?

Після, тобто під час обстрілу паніки не було.

Яких втрат зазнали під час обстрілу?

Один у нас вбитий.

Це з якої батареї?

З третьої, з нашої. І, значить, двоє було поранено. Троє, троє поранено. У плані техніки... в плані техніки не можу Вам сказати.

Після обстрілу Вас повернули до Запоріжжя?

Да, ми прибули в Запоріжжя. Нам дали два дні, якби вихідних, потім ми доповнилися технікою, озброєнням і через чотири дні, здається. Яке це число було? ... Тридцять чи тридцять перше було число, ми виїхали знову.

Яким було місце другого відрядження?

Друге місце відрядження було в район Волно-вахи.

Що там найбільш цікавого сталося під час?

Найбільш цікавого сталося... Вже, в принципі, всі розуміли, що може бути, всі на собі це відчули. Тому люди надіялись на командирів. Настрої. Настрої був — спочатку всім було дуже страшно, та і мені, всім страшно було, але потім трішки це

все настроїлось, нормалізувалось. Зрозуміло, що страшно завжди, коли чути вистріли, вибухи там, страшно завжди, але вже не так було страшно, далі ми проживали, виконували бойові завдання у нормальному режимі.

Вас обстрілювали? Попадали під обстріл?

Ні, там нас не обстрілювали.

З якими військовими частинами ви воювали під Волновахою, були сусідами?

Не знаю, як казати. *[сміється]* можна чи не можна. Потрібно чи не потрібно. Я знаю, значить, сімнадцята танкова бригада була. Знаю, двадцять шоста артилерійська бригада, бачили її підрозділи були, багато було добровольчих батальйонів, але я не знаю які. Більш, більше я не знаю.

Що Ви можете сказати про їхню боєздатність, боєготовність? Кого Ви б відмітили як найкращий, кого б як найгірший у військовому плані частини?

Ну так сказати найкращий і найгірший не можна, в кожного є свої плюси-мінуси, ми напряму з ними не стикались. То єсть так, щоб підрозділ такої-то військової частини і наш підрозділ, ми не стикалися з ними, ми просто знали, що так єсть бригада, така бригада. Бойову готовність їхню, так як ми з ними напряму не розмовляли, ми не можемо оцінити. Тобто це потрібно з ними розмовлять. Або бачить в дії.

До якого часу тривала ротація під Волновахою?

Під Волновахою були ми до 4 жовтня, а в ніч з 4-го на 5 жовтня ми виїхали в район Авдіївки. Ми туди виїхали для подальшого виконання бойових задач.

Це лише третя батарея?

Спочатку виїхала третя батарея, а через час, точно не помню... через якийсь час 7-10 днів до нас виїхала ще друга батарея.

Що особливого було під Авдіївкою?

Що особливого? З'явилися обстріли по нам.

З якої зброї обстрілювали?

Нас, з стрілецької зброї нас не обстрілювали ні разу, тільки артилерія. І ствольна, і реактивна, різна була і міномети були.

Як Ви думаєте, як ворог дізнавався ваші координати?

Першим зразу можу сказати, [що] були коректувальники, раз навіть бачили його, виїжджали на його місце, його розташування. Він недалеко від



Автомобіль, розбитий внаслідок ворожого обстрілу

дороги був получається, машина була... вони втекли, не встигли ми їх догнати. [Це] перший спосіб, як вони можуть дізнатись наші координати. Далі так як Російська Федерація поставляє озброєння і техніку і у них могли бути артилерійські розвідувальні станції, тоді вони теж можуть засікати батареї, які ведуть вогонь. Безпілотники. До речі, під Волновахою [їх було] дуже багато, але в тому районі, в районі Авдіївки, їх не так дуже багато, але вони працюють набагато ефективніше, чим там.

Чи намагалися Ви якось збити безпілотними, протидіяти їм?

Раз намагались збити, він був досить низько, був досить великий, але збити... У нас єсть РПГ, єсть автомати, у кожного єсть автомати і кулемети, але це неефективно, так як ми на таку висоту не зможемо, тобто це потрібна якась, не знаю, наприклад, протиповітряна оборона. Тільки протиповітряна оборона. Да, зенітні більш, а от ПЗРК, до речі, також маємо інформацію, казали нам теж товариші з протиповітряної оборони, що вони збивали два безпілотника, збили з ПЗРК. Тобто тільки отак з ними можна боротися.

До якого часу були під Авдіївкою? Це з 5 [жовтня] по...

По останній день, як ми були в АТО. Ми в тому районі провели решток часу. Ми ж приїжджали були в ротацію і потім після ротації знову туди їздили, і це ми приїхали... У кінці лютого ми приїхали. Мабуть, 2 березня ми приїхали, я вже, чесно, не пам'ятаю, за датами.

Коли ви повернулись у Запоріжжя з під Авдіївки в перший раз?

До Нового Року.

Тривала була відпустка?

Досить тривала. У нас було два тижні відпустки і потім, ще були десь двадцять днів, поїхали ми, значить, 3 січня.

Чим займалися під час, після відпустки? Відпустка два тижні зрозуміло, Ви відпочивали, а потім була підготовка певна в частині?

Звичайно, обслуговування техніки і озброєння.

Обслуговування техніки і озброєння, га. Нові люди приходили за цей час?

Ні.

Тобто у Вас колектив, який сформований.

У нас, коли ми поїхали у Старобешево була... Скажу, одна кількість людей, після того, як ми вже виїжджали після Старобешево, коли ми тут побули тут 2 дні, 4 дні збирались, поїхали, виїжджали туди нас уже було десь відсотків на 30 менше людей. Деякі захворіли, ті, що були поранені, дехто відмовився. От, відсотків на 30 було уже менше людей. Але справляємося.

Вас не до укомплектовували?

Ні.

Мобілізованими...

Ні, ні, у нас же вся батарея мобілізована, крім мене і комбата.

У наступну, як же це вже виходить третя ротация, яку ви поїхали в Авдіївку?

Да.

На ті ж самі позиції, які займали до від'їзду? Чи змінили розташування?

Я думаю, як Вам сказати, район нашої дислокації був той же самий.

Але Ви періодично змінювали розташування?

Змінювали ми що: лагерь наш (там, де ми проживаємо), вогневі позиції. Ми змінюємо постійно.

Це правильно з тактичної точки зору?

Звичайно.

Яка бойова ситуація була під час оцієї третьої ротації, знову під Авдіївкою? Обстріли, бойові задачі?

Обстріли були, бойові задачі були і дуже багато.

Які цілі Вам доводилося накривати?

Цілі — артилерійські і мінометні батареї, так як в аеропорті дуже на техніці не поїздиш, дуже багато піхоти, звичайно були і танки і БМП, і зенітні установки... будівлі. В аеропорту там будинки якісь, які займає противник, самі будинки не обстрілювались, а лише прилегла територія, там іноді буває таке, наскільки я знаю, за будинком виїжджає БМП або танк, тобто отак навколо будівлю все обстрілювали.

Чи маєте підтвердження попадання, що передавали підтвердження, найбільш цікаві?

Підтвердження маєм. Але не завжди маєм, тобто це не завжди нам кажуть, було попадання, звичайно, ми навіть хотіли, щоб нам казали, тому що, більш ..так як всі хочуть перемоги [сміється], всі хочуть ворога знищити, тому це було б всім дуже приємно і так би якось. Тобто, що знаєм, що ми не даремно оце все робимо. Що робим свій вклад для перемоги.

Як би Ви оцінили результативність Вашої батареї?

По тим даним, що нам давали по знищенню особового складу і техніки противника, я б сказав би це досить і досить добре.

Як був налагоджений ваш побут під час ротації? Він був досить типовий? І Старобешево, і Волноваха, і Авдіївка?

У Старобешево побут у нас як такий взагалі-то і не організовувався дуже, а далі з кожним днем ми все більш і більш як робим нові, нові ідеї появляються, ми втіюєм у життя, і з кожним разом все краще і краще. Тобто, звичайно, дуже допомагають волонтери, бо тяжкувато без них, було б все ми б змогли далі так діяти, але було б набагато тяжче і це все час. Тобто навіть виконання тих самих завдань, без радіостанцій наприклад, які нам дали волонтери, це було б дуже тяжко, це було б тяжче, все одно було б тяжче і довше, все одно дуже важливу роль грає час.

Які саме волонтерські групи вам в основному допомагають?

Що я знаю, це «Сестри Перемоги».

Що вони в основному доставляють?

Доставляють спальні мішки, радіостанції, каремати, метеостанції, це тільки частина, далі багато продуктів, одяг, теплі речі взагалі, особливо зимою, дуже нас це врятувало.

Основну частину одягу, продуктів, Ваша батарея отримувала від волонтерів чи від держави?

Ні, від держави. Волонтери ж, як вони, вони привезуть продукти, але ж вони не зможуть при-

везти на місяць на два, держава отримає тушонку, каші, даже консерви, звичайно дають, але і сухі, то ми самі готуєм, овочі, цукор, чай – це все видає держава.

Як би Ви оцінили цей період служби з серпня, перебування в зоні АТО, серпня 2014 аж по сьогоднішній день? Постачання покращилося?

Звичайно.

А в чому це виражається?

Спочатку у нас були тільки сухі пайки, консерви, от овочів у нас не було, далі хліб нам не видавали, давали сухарі, в принципі це і все, що нам давали, щас єсть овочі, дали цукор, дали чай, каву волонтери підвозять. Тобто видають овочі, видають крупи, можна самим приготувати щось, і це буде теплі продукти, тепла їжа, це навіть для здоров'я краще.

А з військовою формою як?

З військовою формою – всім видали, як тільки мобілізувались, після Старобешево багато в кого, чого було знищено, тому ще раз забезпечили, щас, до речі, є бушлати, форма, берці, але зрозуміло, що не таке по якості, як може бути, тому дуже багато якісних речей надають волонтери, то і берці, то і бушлати, тепліші і по якості кращі.

Це в основному українська форма? Чи закордонна?

Ні, закордонна.

Якого походження? Канадська, американська?

Значить, американська, німецька.

Вона потрапляє через державу чи через волонтерів? Закордонна.

Я не знаю, де волонтери беруть, як вони купують її. В магазинах є форма, але багато... Як розказували волонтери, власники магазинів, коли дізнаються, що ця форма в зону АТО, то продають цю форму за багато нижчими цінами. Тобто як би знижують ціну, от я щас хочу там купити собі берці, то власник цього магазину досить зменшив ціну на них. Допомагають теж люди.

Що ви можете сказати про саме ці артилерійські системи, їхня ефективність в бою? Що варто відмітити?

Ця артилерійська система є найновіша, яка є в Збройних силах України, досить точна, дальність ураження майже максимальна, яка є в збройних силах.



Гаубиця 2А65 під час пострілу

Це калібр 152 міліметри?

Да.

2С19?

2А65. Це гармата та сама, але 2С19 вона самохідна, а у нас причепна. Тобто все, те саме. Аби у нас їх було набагато більше, досить і досить хороша гармата. Навіть, найкраща, яка єсть у нас.

Які типи боєприпасів в основному доводилось використовувати?

Це залежить від установки взривателя, тобто від установки залежить він буде осколочний, він буде фугасний чи він буде, не знаю як на українській, «замедленого действия».

Уповільненої дії.

Уповільненої дії, да.

А от в бойовій ситуації, який тип боєприпасів доводилось використовувати?

Це залежить від характеру цілі, тобто по броньованим цілям використовують фугасну дію, по не броньованим або піхоті осколкову дію, для руйнування фортифікаційних споруд фугасну дію, або сповільнену дію.

Під Авдіївкою ви були от потім з грудня майже по березень місяць?

З січня, січня, з початку січня. Третього виїхали по березень.

Під час останньої ротації що найбільш,цікавого відбулося, що треба відмітити?

Що потрібно відмітити, зменшилась кількість, ну обстрілів не зменшилась, а от то що з нашої стрільби дуже зменшилась.

А з чим це пов'язано?

Я так думаю, це пов'язано з укладанням угод, мирних. Ну, як би ми зі свої сторони виконуємо їх, тому зменшилось з нашої сторони.

З нашої сторони зменшилось, кількість обстрілів по нам не зменшилась?

По нам? Не зменшилась.

Так само обстрілювали з усього спектру [артилерії]?

Ствольними.

А от, ті артилерійські системи, які використовував противник, що в у них є на озброєнні?

В них? Та майже все. Тобто міномети сто двадцяти міліметрові, вісімдесяти міліметрові, Д30, 2С3, 2С1, я навіть чув, що них є така система, як і в нас.

Тобто найновіша, да?

Да.

Найновіша.

«Гради», «Гради», я забув сказати.

А з більш потужних систем залпового вогню вас обстрілювали? «Урагани», «Смерчі»?

Нас ні, але ми знаходили на полі — з «Урагана» труба. Знаходили трубу з «Урагана».

А з цих залишків можна було зробити висновок якого походження ця зброя, російська чи ні?

Мабуть, ні, тому що на базах зберігання... Виговлялось це все у Радяському Союзі, тому як би не було розбіжностей, може ракета зберігатися по номерах, це кожна ракета має свій номер, це вже треба дивитися на складах, де вони зберігалися по

їх документаціях, по їх записах, ось так можна це зробити. А так не можна цього зробити.

Чи доводилось вам стикатися безпосередньо з противником?

Ні, безпосередньо я не бачив.

Тобто максимум артилерійські дуелі, такі своєрідні.

Да.

Яке ставлення місцевого населення?

Дуже різне.

А з чим це пов'язано, як Ви думаєте?

З чим це зв'язано... Я думаю, це все зв'язано з пропагандою, тобто люди досить тривалий час піддавались такому... їм в голову вбивалось, що Росія краще. Тоді вони вже кажуть, що ми не за Росію, а за нашу свободу, але це все намивалося, їм в голову вбивалось досить давно і щас це все відбувається. Це щас вже з'явилося радіо, україномовне, а раніше навіть радіо не було, не знаю, там є програми телебачення українські чи нема, ну російські це точно є, тобто от який мінус у нас в державі, що нема пропаганди, нема патріотичного настрою, не настроює держава, чи не може, чи не бажає, чи не думає про це. Є там і регулярні війська Росії, і добровольці самі з Росії, і козаки там, різні їхні чеченці, ну, але якщо не буде підтримки місцевого населення, то не зможуть вони там нічого робить.

*«...этот нерусский шел
на нас, вел полураздетого
пацана, а сам за него
прятался, типа сдавайтесь
либо я его сейчас
пристрелю и хана вам»*

Ім'я: **Віталій**
Рік народження: **1967**
Місце служби: **55 оабр,
рота технічного забезпе-
чення**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
М. Павленком
1 березня 2015 р.
**РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.19.**

Назвітьесь, пожалуйста.

Виталий, девятого июня [19]67 года рождения, украинец, проживаю в Запорожье с девяносто пятого года. Работал на абразивном, потом в частной фирме, после частной фирмы двадцать четвертого июля 2014 года призвался через Шевченковский райвоенкомат.

По повестке, или сами пришли?

Нет, я сам пришел, но меня провели как мобилизованного. У нас сейчас такое государство, что добровольцу, который сам пошел, ни зарплаты, ни статуса, ничего. Меня провели как мобилизованного. Тридцать первого числа, июля, был уже на «Уральских казармах», уже в форме, ремрота. Семнадцать суток провел на «Уральских казармах», два рапорта на АТО писал, сказали, что не пройдет, вы ремрота — будете здесь сидеть. В военкомате, когда призывался, просился только на Восток. Предлагали военкомат, охрану, блокпосты — все тут, в

Запорож'є. Я не погодився, тільки на Восток. І шестнадцатого числа отобрали.

Уже августа.

Ну да. Отобрали и сказали: «Сидите здесь, за вами придут». Семнадцатого числа получили оружие, отстрелялись и уже собрались в АТО. Семнадцатого же были уже на своем блокпосту, меняли пацанов, охрана, все как обычно. Мы отдохнули и заступали на свой блокпост уже восемнадцатого.

Где он находился?

Это было в районе поселка Осыково, Моспино, там рядом Иловайск, Старобешево, в том районе. В самом Иловайске не был, только по карте. Ну, там фронт, все. До двадцать четвертого августа мы были с пацанами на своем блокпосту. Работа не пыльная, кабель телефонный сгорел — пошли заменили, то балка загорелась — надо было менять провод. С вертолета палили — за «Нонами» ганялись.

Что такое «Нона»?

Ну, российская самоходная гаубица. Она отстрелялась и уехала, никто не мог найти ее. Двадцать четвертого числа утром попили чаек-кофеек... День Независимости... Услышали грохот гусениц, его ни с чем не спутаешь, ни с трактором, ни с чем. Брала нас [в плен] российская псковская десантная дивизия. Пацанам, которые ближе [стояли к переднему краю], больше досталось... Мы и терроборона там дальше стояли. С Днепропетровска, с Харькова пацаны, мы общались, ну как: «Привет-привет, у вас там что-то есть, или, может, что-то надо?», — ну, такое.

А в штабе сказали, что идут наши?

Ну да, куда он там звонил. Ну, мы и расслабились, дальше пьем кофе, выходим из посадочки на дорогу, а пацанов, терроборону, уже ведут раздетыми, уже взяли в плен.

Это откуда пацаны были?

Днепропетровчане. Юрке говорю: «Юра, надо ляхать, отходим». Похватали автоматы, броники, каски, патроны и отходим в посадку. К обеду выходит тувинец или якут, кто он там, узкоглазый, короче, круглолицый здоровяк такой, и к голове [нашего пленного прикладывает] пистолет, мол сдавайтесь, а то будет горе... А нас человек сорок, считай.

Это те, кто был на блокпосту?

Да, наши, терроборона, потом связь с нами пропала, выехали, взяли тоже трех человек, потом привезли еще двоих, ото на блокпосту было пять человек... Потом привезли раненного пацана, сквозное [ранение] выше броника, сантиметров с десяти или пятнадцати стрелял [в него российский военный]...

То есть, считай в упор?

Ну, считай в упор. Мы думали, что ему... Вот так Россия нас... Двадцать пятого мы переночевали, они раздубасили там еще какой-то блокпост сзади нас и мы поехали...

Расскажите более детально о тех обстоятельствах.

Ну, я ж говорю, двадцать четвертого мы в посадку отходили, ушли чуть дальше, я последний уходил, перецепляюсь и падаю за бруствер.

Голову поднимаю, вижу свой КУНГ и как они в нем мародерствуют. Коле показываю, мол, уходим ползком, уходим. Мы ото потихоньку-потихоньку отходили и когда уже подползли к посадке — этот нерусский шел на нас, вел полураздетого пацана, а сам за него прятался, типа сдавайтесь либо я его сейчас пристрелю и хана вам. Я не считаю, что я сдался в плен, — нас брали в плен, с заложником. Если бы не было заложников, то тут с какой стороны еще посмотреть, кто кого бы. Единственное, что их намного больше было, если я насчитал семнадцать БМД, а на каждой БМД по пять-семь человек, каждая с оптикой, с коллиматорами — нас, и тех пацанов положили бы, потому решили, что некуда [деваться], выходим. Забрали оружие, раздели нас полностью, забрали мобилки, положили нас на асфальт (а жарница стояла, ну, август месяц), голым животом на асфальт.

А зачем они вас полностью раздевали?

Ну, по пояс. Ну, положили, лежим. Сколько по времени — я не знаю, ну долго, пацаны даже пообжигали [кожу] об асфальт. Среди нас пацан был, много разговаривал, свойство такое, так он договорился, что дали воды попить, разрешили сесть и дали курить. Потом еще пацанов подвезли, они, считай, сами в это въехали, и ото нас собрали сорок человек. Погрузили нас в машину, в кузов, разграбили...

А что они забирали?

Личные вещи, хавчик, да почти все выгребли. Жалко берцы — новые, я в них проходил всего

семнадцать суток, забрали. Вещи теплые забрали, а оно август, днем жарко, а ночью уже бушлат одеваешь. Погрузили нас в кузов, Коля еще вентиляцию делал — бил стекла, потому что дышать было невозможно. Поехали в сторону Старобешево, там блокпост расстреляли, полностью. Пленных [с этого блокпоста] я даже не видел...

Вас не избивали, не пытали?

Нет, единственное, когда лежали на животах, — выскакивала БМДха с поля на трассу, а мы как раз лежим посреди дороги, было ощущение, что нас [раздавит], но она остановилась, развернулась, только щебень на нас полетел.

[Після короткотривалої паузи].

Нас взяли двадцать четвертого, а двадцать пятого рано утром остановились, был бой, ну, я не знаю, что там был за блокпост, что за поселок, кто там стоял, на этом блокпосту. Поле, здание, видно поселок, рядом трасса проходила, больше всего, что на Старобешево. Потом нас вывели в туалет, как военнопленных, перегрузили оружие, наши [автоматы калибра] 5,45 просто закидывали в кузов, даже не смотрели на них, просто сбрасывали в кузов. Для них оно никакой ценности не имело, если у них калибр 7,62. Забирали только плиты бронешитов, оно там на липучке, если обстрел — они вкидывали их себе как добавочные... Простояли мы до обеда тут, на блокпосту, воду подвезли, Коля наш еще ходил по воду. «Град» не сработал — мы видим вверху хлопок и метров за пятьдесят падает «градина». Мы с машины повыскакивали, попрята-

лись... Ну, в общем, повозили нас с места на место, передислокация...

Не было возможности сбежать?

Возможность... Я считаю, что тогда было бессмысленно: документов нет, оружия нет, оптики нет. Я считаю, что смыться было нереально. Про это никто не думал, да и под вечер отвезли на Старобешево, поставили на холм. У них там техника вкопанная, пушки вкопанные, броня, экскаваторы, окапываются полностью, медпункт там, все дела.

То есть у них с обеспечением все было отлично?

Да у них там на девяносто девять и девять десятых процента было все оснащено, вооружение, техника, которая приехала с боеприпасами, все у них вкапывалось, зарывалось.

Там псковская дивизия была?

Псковская дивизия. Мы там сидели, а под вечер уже выстрелы пошли, они пристреливались. По холму там трактор ехал — они видно в него попали, черный дым был. Я так далеко не вижу, это пацаны так говорили.

А где вас держали, где вы были?

В машине сидел. Они брали пацанов окопы рыть, я попытался выйти — они сказали: «Нам старики не надо». Я ото залез и сидел. Потом приехал их начальник и сказал: «Какого машина с пленными здесь стоит?». Нас вывели, мы взяли шмотки (одеяло там, спальник), нам связали сзади руки лентой пластмассовой, загрузили в «КАМАЗ» и целую ночь ото с двадцать пятого на двадцать шестое [катали], а под утро приехали на какую-то

поляну. Когда ехали по дороге — слышали движение техники в нашу сторону, потому я считаю, что мы были уже в России, там граница, получается, поле было перекультивированное, так. Когда рас-свело уже — видели радиостанции, какая-то связь, знаешь, ну все чисто.

То есть это был их лагерь?

Ну да. Потом нас развернули, отвезли на другую сторону. Что мы видим — чистое поле. Потом уже ко второй половине дня приехали какие-то, пообщались, записали фамилии, имена, номера воин-ских частей. Воды дали попить...

А вас кормили все это время?

Ну как кормили, один российский сухпай на четыре человека.

Хватало?

Мне хватало, по моим меркам. А если парень крупный, то как ему хватит? Воды тоже, литров пять на толпу.

На сорок человек.

Ну да, кинули там баклажку эту, так ото, язык помочил и все.

А сигареты?

Сигарету попросишь у охраны, которая нас охраняла. Даст или не даст. Тоже так, по затяжке и все.

А одежда была, или вы так и были по пояс?

Не, нам разрешили, я ото пошел взял китель, футболку, пацанам принес еще какие-то вещи. Еще одно, ты знаешь, нас когда везли в тех «КАМАЗах», по десять человек нас в машине, мне показалось,

хотя руки связаны, глаза завязаны, но мне показалось, что нас как будто возили по кругу.

Ну, чтобы запутать?

Ну. Нас москали привезли и стоят «ДНРовцы» в балаклавах. Нас с машины вывели, я думал, что все, нас сейчас расстреляют. Кто-то с пацанов плакал, я считаю, что там бы любой так себя повел, у меня у самого ребенок маленький, пять лет, я его очень люблю, жена у меня хорошая. Я поехал воевать, я не жалел, просто жалел, что больше его не увижу.

Никто нас не расстреливал. Руки связали, глаза завязали, поднялись, все, вперед, в машину вкинули и повезли в Снежное. И тут я почувствовал, знаешь... Ну чисто, живой, живой и куда-то везут, тогда мы еще не знали куда. И получается, часам к четырем двадцать шестого числа... Так конкретно тяжело сказать, оно время или тянется, или летит...

Ну, рано утром двадцать шестого августа...

Да, привезли. А пока ехали — я дремал и просыпался от толчка, и этот толчек был раза три или четыре, то есть нас возили по кругу: спуск, подъем, поворот вправо, толчек. Через время — снова, спуск, подъем, поворот и эта яма. Я и пацанам говорил, что нас возили вокруг.

Ну вот, привезли вас в изолятор...

Да, временного содержания, Снежнянский. Посадили на корточки, развязали руки, сняли, сказали: «Голову опусти», — ну, я опустил, сидим, я ж так косым взглядом пытаюсь узнать что за город, поселок, куда нас привезли. Когда первую часть пацанов забрали — нас следующими, смотрю —

[надпись:] «Изолятор временного содержания города Снежное».

Там были россияне или местные сепаратисты?

«ДНРовцы», черный шеврон.

А как проходила передача?

Ото ж в поле передавали, никто нас расстреливать не собирался. Нам сказали: «Шаг влево, шаг вправо — расстрел, вы здесь захватчики, вас восемьдесят процентов — пропавшие безвести. Так что, пацаны, смотрите».

Это уже в ИВС?

Ну да. Потом завели нас во внутренний дворик, там пацаны уже сидели.

Те, с которыми Вас брали в плен, или другие?

И те, и другие. Потом нас с пацанами, по три-четыре человека вызывали в кабинет какие-то люди в гражданском, разговаривали только на русском, искали бумаги какие-то, спрашивали кто такой, какая часть, домашний адрес... Я написал адрес — у нас такой улицы нет, я выдумал. Номер телефона — сказал, что не помню, чтоб они жене не звонили.

Боялись за семью?

Ну конечно, за семью, за тещу, за сына с женой.

А кто Вас допрашивал?

Худой такой, с пролысиной, примерно метр восемьдесят ростом, интеллигентный такой, но чуть что не так — орет.

Вас не били на допросах?

Нет, такого не было.

А какие вопросы задавали, что их интересовало?

Воинская часть, должность, кто командир, такое. Говорю: «Да я знать не знаю. Пришел, сегодня меня забрали, отвезли, надо было машину отремонтировать, остался и вот ваши забрали. Я ремрота». Он орет: «Не п...и мне!». Видели там и местный «бомонд» — охрана с СКСами, ну, карабины.

Они лица не прятали, без балаклав?

Нет, не прятали, без ничего. Звонить поначалу никто даже не собирался, я жене примерно через неделю только позвонил, сказал, что жив-здоров, на этот номер не звони и не отвечай на него, пацаны тоже стали удалять номера [на которые они звонили]. Жена переживала. В плену пробыл с двадцать четвертого [августа] по четырнадцатое сентября. Ходили улицы мели, бордюры красили, такое, пассивно. Потом пацаны с Херсона подтянули меня на разминирование, ездили за Торезом там, не помню, как назывался поселок.

Это же не Ваша квалификация, разминировать.

Ну, кому-то надо же собирать снаряды. Пацаны молодые мели улицы.

А Вам какие-то бронижелеты, защиту выдавали при разминировании?

Нет, ты что. Мы не так разминировали, сколько собирали где-то хавчик, какие-то печенюхи, сахара кусочек, по мусоркам там, сухпайки, все это брали и везли в ИВС.

Ну, то есть, сам никто не ел, ели вместе в ИВС?

Конечно, в ИВС ели, делили на всех, кто-то выезжал на уборку, кто-то на разминирование, кто-то оставался в ИВС — хавчик только на всех.

То есть вас использовали просто как рабочую силу?

Да, как рабочую силу. Разбирали в Снежном налоговую инспекцию, которую разбомбили. Там было такое ощущение, хотя я не подрывник, что это был скорей всего теракт. Если бы туда попал снаряд — то ее, налоговой, не было бы, а так упала чисто передняя стена центрального входа.

А так здание целое?

Да, крыша стоит, все, упал только центральный вход, а мы убирали эти камни, завалы. Сто пудов, там был теракт.

А с местным населением Вы пересекались в Снежном?

Пересекался. Когда мы проспект мели, выскочил парень, бухой, достал гранату, хотел кинуть в толпу, где мы стояли.

Местный?

Местный, из их обороны. Ну, его завернули и увезли. Потом второй контакт у нас был, местная женщина из рынка говорит: «Я сейчас привезу сюда пятьдесят баб, они вас порвут!» Пьяная баба — хуже обезьяны с гранатой.

[Після короткотривалої паузи].

Мы, получается, мели дорогу в Донецке, в Торезе, там женщина приезжала, корреспондент, с ней ходила женщина-снайпер, мы с Саньком прятались к бочке, воду пить, такая баба — палец в рот не клади, откусит по локоть. Такая молодая, до тридцати, черноволосая. Подходит к пацанам: «Встань, с...а!» Ну, военнопленные, что они могут

сделать. Мы вот как увидим — сразу с Саньком идем к бочке, типа воду пить.

А что эта женщина-корреспондент?

Вот она приезжала с России, с пресс-службы, брала интервью, типа не бьют ли нас, как кормят, не обижают ли. Мы от нее убегали, старались свой фейс не светить. Зачем мне светиться, если я с первого дня решил, что я снова буду возвращаться на Восток.

А чем вас кормили?

Если на выезде — то каша, суп или борщ. Я сказал, пускай решают с хавкой, вы со звездами, решайте с Федей (который выводил нас на работы). Пока мы не будем накормлены — я на работу не пойду. Ото на второй день меня пацаны подобрали на разминирование.

А цивильное население как к Вам относилось?

Кто-то хорошо относился, кто-то булку хлеба даст, кто-то батон... Ото по кусочку разломаем, никто себе не забирал. Сигареты там тоже, по затяжке раскурили. А когда пошел на разминирование — жизнь пошла в другое русло, [давали] пачку сигарет на двоих.

На сутки?

Да, на день. Мы разминировали, нам пачку сигарет, хавчик хороший, выживем мы или нет в этом разминировании — кто его знает. Там же снаряды, которые уже приземлились, которые уже взведены, не дай Бог где-то что-то. Ну, мы собирали в кучу, потом ихние приезжали, представители из России, забирали. Были люди из России, которые занима-

лись раскопками времен [Второй мировой] войны. У нас пацан был с России, я сейчас даже не вспомню, как его [зовут]...

А Вам показывали, как надо разбирать эти снаряды?

Я в свое время служил, в восьмидесятом году, я имел какое-то отношение к этому. Но тогда я «болванки» собирал, а это боевые [снаряды]. Пацан, прапорщик с Херсона, показал, где он взведенный, как его отключить: «Если вот так стоит — то лучше не трогай, зови старшего, пускай он посмотрит, понял?» «Понял». И вот это мы были один день за Торезом, и наверное, дня три были в Степановке. Та Степановка полностью разбита, школа, садик, кочегарка. Ну, так ходили по поселку, собирали еду, уже август месяц, орехов было много, уже лузались.

Собирали?

Собирали в сумку, жир собирали с сухпайков и все везли на ИВС, делились... Чай, кофе, пакетики...

Опишите ИВС, где вы жили.

ИВС стоит на краю Снежного, это изолятор временного содержания для зеков, для осужденных. Камеры — у нас пятиместная была, а в ней сидело тридцать человек, в пятиместке, тридцать человек. Спали штабелями, на полу...

Вам давали хоть какие-то матрацы?

Ты что, какие там матрацы, вот когда разбомбили эту налоговую — пацаны ото привезли какой-то ковер, а так [ничего].

То есть просто пол, и все? Ни укрыться, ничего?

Ну, оно август месяц, там и так жара была такая, что спичку кинь и оно загорится. Представь, тридцать человек, каждый по разу вздохнет — духота. Жестковато, конечно. Кормили тоже, крапаль.

А что давали? Сухпай?

Привозили с какой-то столовой кашку какую-то, пшеничную, арнаутка, не соленое, ничего. Когда суп дадут, такой, две или три картофелины, тоже не соленое, ничего. Воды там тоже мало, приходилось иногда ото с баклажки добавлять [в этот суп]. Жестко, очень жестко. Плен.

А с водой как?

Воду чисто по времени включали, как в зоне.

Вы не купались даже?

Купались, в камере.

Был умывальник?

Ну да, можно умыться, носки постирать, ну сам понимаешь, тридцать человек, жара, запах тела... А бывало, что и вообще без воды там сидели, так чисто, по глоточку.

А в туалет выводили?

Туалет там прямо в камере был. И то, я первый раз ходил в туалет суток через десять. И так у каждого...

Сколько дней Вы пробыли в таком плену?

Получается, три недели, с двадцать четвертого августа по четырнадцатое сентября.

Расскажите, как проходил процесс обмена.

Утром зачитали списки, нас отвели в сторону, никаких работ. Потом свисток, построение и нас, по-моему, пятьдесят человек пофамильно. С Влади-

мира-Волынского [много] было, с Николаева пацан был, с Запорожья, с Днепра. Построили — и на автобусы. Два автобуса было, мы пополам загрузились. Кто сидел, кто стоял, раненные пацаны были с Запорожья, с «тридцатки»⁹.

А к раненному как относились в плену?

Оказывали помощь, делали перевязки. Ну, как к раненному. Когда сели уже в автобусы, к нам заскакивал один, кричал: «Мне разрешили убить одного из вас!», — и на первое сидение ножом замахивается.

То есть для него это как игра, чисто получить удовольствие...

Ну, чисто псих, да. Приехали до знака «до Донецка пятнадцать километров», потом поворачиваем, там из ОБСЕ приехали, российское телевидение.

А где этот обменный пункт находился?

Я не знаю, нас ночью [везли]. Меняли по десятку: десять наших на десять ихних. Ну, как нейтральная территория, получается. С нашей стороны «Альфа» стояла, автобусы, в которых их привезли. Ото нас по десятку перекидывали. Потом привезли на какую-то базу, покормили, оказали медицинскую помощь пацанам, которые были ранены, и повезли на Харьков. В Харькове привезли нас в летнюю академию, я объелся — давление упало, плохо. Домой забирают, а я никакущий, куда меня везти, сутки еще там отлежался.

⁹ Йдеться про в/ч А3033, де базується 23-я окрема бригада Національної гвардії України.



*Звільнені з полону українські військовослужбовці (2014 р.).
Фото «Уніан»*

Ну да, с голодухи.

Ну да, а кормят там ого-го. Оказали помощь, выровняли давление, привезли в Запорожье. Тут меня жена встречала с ребенком, они меня всегда встречают, ждут.

Сколько Вы пробыли здесь после плена?

Тринадцать суток, потом на полигоне учения, и двадцать второго уехали в АТО на два месяца. Вот [рядом стоит] Андрюха, мы с ним были первыми, спали вместе, с одной кружки чай пили.

Андрій: Было, что нам за сутки принесли на тридцать человек кружку воды пластиковую. И то не воды, компота. Сказали, мол, это все что есть, хотите — делите, хотите — как хотите. А потом, двадцать шестого [августа], начали ребят подвозить, с Владимира-Волынского, уже больше людей

было, а мы были первыми. Представь, в пятиместную камеру тридцать человек.

Віталій: Ночью встал в туалет — назад уже не ляжешь, поскольку спали и на нарах, и под нарами, на полу, везде. Либо если кто-то [с бока] на спину перевернулся — уже все, не ляжешь. Мы с Андрюхой спали рядом, одной курточкой укрывались.

Потом, получается, были учения и Вы поехали второй раз?

Да, уехал на два месяца, и приехал уже перед Новым годом. Потом поехал снова на месяц и пять дней и приехали сюда восьмого февраля. У меня вот отпуск закончился, все хорошо, главное, что жив-здоров, ребенок у меня, все хорошо.

Может, Вы хотели бы что-то передать, обратиться к тем, кто будет читать это интервью?

Артем, син: Хочу пожелать мира.

Віталій: Мы же славяне, я украинец, моя жена россиянка, с Нижнего Новгорода, давайте жить дружно. Я считаю, что если он пришел с куском сала и бутылкой — он пришел в гости, а если он пришел с ружьем — то тогда я должен защищать свою Украину, свой дом. У них своя голова есть, у меня своя, потому вот так.

[Продовження інтерв'ю. Запис М. Павленка 4 березня 2015 р.]

В прошлый раз мы с Вами остановились на выходе из плена, давайте поговорим теперь о последующих событиях.

Ну, я рассказывал, обычное построение, нас утром построили, как обычно, поверка, зачитали списки. Было много пацанов со Владимира-Волынского, из пятьдесят первой мехбригады. Были пацаны из Николаева, Днепропетровска, Запорожья. Нас вышло около пятидесяти человек.

Вместе выходили?

Да, вместе, по списку. Зачитали фамилию — в сторону, в сторону, в сторону. Никаких работ, никаких передвижений, посадили — сидите, ждите команду. Уже после обеда, часа в два, я точно не помню, пришли два автобуса, один «ПАЗик», а второй большой, типа «Икаруса», без окон, через одно разбиты. Нас разделили, кого в первый автобус, кого во второй. С нами и охрана была, с «Оплота», каждый [из них] на своей волне.

Заходит одна женщина, говорит: «Ребята, может никуда не поедете, может, тут остановимся?» Она была, получается, уполномоченной со стороны «ДНР» заниматься пленными, с...а еще та. Мы отвечали: «Нет, нет, мы едем домой». Это все четырнадцатого сентября. Только она с автобуса выходит — заскакивает, я уже говорил, какой-то обдолбанный «ДНРовец» или «оплотовец», кто его знает. Заходит, и кидается на пацана (там двое раненных сидело), мол: «Мне разрешили одного из вас убить». Вытаскивает нож, ну, чисто, поунижать, поугрожать. Неуравновешенный какой-то. Я так прикинул, если с нашей стороной наладили обмен, то нас уже ж не могут завезти в посадку и пристрелить, это нереально.

Но все равно пытались морально поломать?

Ну, не то чтобы поломать, ну так, голову вниз... Правда, не вязали. Ихних, которых привезли, привязывали к сиденьям, а мы так ехали. Доехали до знака, что до Донецка пятнадцать километров, и в сторону Харькова там поворот, подождали российское телевидение, [представителей] ОБСЕ, на нейтральной территории. Нам еще угрожали, но не так, чтобы грубо. Когда подъехало телевидение — естественно, старались лицо прикрыть, чтоб меньше где фигурировать, поскольку я сразу собрался возвращаться на Восток, тем более там пацаны наши сидели. Ну и уже [их отношение к нам] поменялось: «Может, пацаны, дать вам сигаретку, водички?» А у нас мысли такие: «Да пошли вы все, уроды!».

Нас меняли по десять человек... Я ждал. Пошла первая партия пацанов, которые сидели на полу [автобуса]. Раненого выносили на руках, взяли, а у него сквозное ранение в ногу, в стопу, мы его на руки — и на обмен. Покурили, загрузились, а жрать хотелось... Нам [наши] сказали: «Пацаны, туда не ходите, там растяжки, мины». Ну, вот, нейтральная территория, а там уже [«ДНР»]. А когда в автобус сели — все уже, как камень с плеч спал.

Еще одно забыл, когда нас вели — мы были как бомжи, рваная рубашка, штаны ... знает какие, у нас ни единой сумки — кто в чем. А уже сентябрь, не май месяц, холодновато. И тут мы встречаем их первую партию, которая шла нам на встречу: обутые, одетые, с воттакенными баулами. При-

кинь? Вот такие баулы, полные сумки тянули. Ну ладно...

И вот, когда мы уже сели в автобус, тронулись, уже отошло, знаешь, пошли разговоры, шум, радость. Доехали до пересылки, ночь, какая-то военная база. Больных пацанов отвели в госпиталь, нас покормили. Даже в интернете было, можешь нашевелить, «обмен военнопленных», за четырнадцатое сентября. Понаедались, как суслики, ну, сам понимаешь, как оно, жить впроголодь... Впроголодь... Раз в сутки [дадут] пластмассовую тарелочку, а в ней на сантиметр какой-то баланды.

Это вся еда на сутки?

Да, это на сутки. Если выходили работать в плену, то там давали пластмассовое ведро на восемь или на десять человек похавать. Там первое, второе, хлеба вдоволь, но мы же не все съедали, оставляли для пацанов, которые сидели в изоляторе, их на работу либо не брали, либо не было работы. Ну вот, получается, нас покормили, оказали медицинскую помощь и снова пересели на другой автобус — и на Харьков. Пятнадцатого сентября я уже был в Харькове, под утро. Покупался. Пацаны [из Харьковского университета Воздушных сил] молодцы, понимали, что мы только из плена, сходили в супермаркет, принесли целые пакеты: похавать, побриться, помыться... Мы же вышли бомжи-бомжами. Потом дали телефон, тем более МТС, позвонить.

Опишите, что было на Вас в тот момент.

Да что на мне, все рваное, только кроссовки этого россиянина, этой с...и, который снял с меня новые

берцы, я в них всего семнадцать суток проходил. Я когда выехал на блокпост — они у меня просто стояли, а тут [в день плена] черт меня дернул одеть эти берцы, я и одел. Пятнадцатого [сентября] приехали, обмытые, покупанные, голодные, идем в столовую летной академии... Я даже не представляю, как передать, кормят как на убой. Первое, второе, компот, если не наелся — вот еще добавка, все с мясом... Я так наелся... Ну и на вечер за мной приехали из Запорожья, из пятьдесят пятой [бригады], забирать домой, уже ж сообщили, что я здесь. А у меня давление упало — переел. За мной приехал из Запорожья майор, спрашивает: «Как самочувствие?». А что я скажу, я не могу ехать. Меня отвели, врач второго ранга, я не знаю кто она, я к ней обращался: «Врач второго ранга». Она меня отпоила таблетками, порошками, чай крепкий. В дорогу еще дала, сказала: «Если будет болеть живот — выпьешь этого порошка вместе с чаем».

Я шестнадцатого числа проснулся в три часа ночи, уже как огурчик, мой офицер спит, водитель спит, я тынялся по казарме туда-сюда, ждал, когда уже домой. Забрали, привезли в часть, тут уже встречала жена с сыном, так я никому больше не говорил, просто родственникам, сестра родная тоже приехала, встретили. Списали оружие, вещи, которые пропали, которые москали отжали. Потом пошли к комбригу, я ему сразу сказал, что возвращаюсь [на Восток]. Дали тринадцать суток отпуска, отдохнул, пообщался с СБУ.

Вызывали?

Вызывали, конечно. И в Харькове вызывали, но там так, чисто формально. Приехал, мне пару вопросов задали: «Такую фамилию знаешь?» Говорю: «Ну, как я могу, двести пятьдесят человек, как я могу их знать? Ты мне покажи фотографию — может, видел». Говорит: «Ладно, идите». Потом в отпуске был тринадцать суток, до двадцать девятого сентября. Потом побывал на встрече с Порошенко четырнадцатого октября, на острове Хортица. Нам представляли нового министра обороны, Полторака. Награждали пацанов, которые участвовали в АТО еще с начала. Получается, двадцать третьего октября я уже собирался в АТО. Позвонили, сказали, я за час собрался, как пионер. Я уже и рюкзак купил, сидел ждал, оставалось только в рюкзак все переложить.

Ну, на чемоданах.

Ну да, я уже сидел на чемоданах. Пацаны разгрузку подогнали, теплые вещи, я просто сидел ждал. По первому звонку собрался, приехал, и уехал на два месяца обратно в сторону Мариуполя. В Мариуполе там было по-разному, было и тихо, было и шумно, но нас пока не трогали. Я с пацанами был как подкрепление у пограничников, мы с пограничниками работали отлично, таких пацанов еще найти надо. Два месяца отдубасил, снова получил пятнадцать суток [отпуска], мы приехали перед Новым годом. Мне позвонили — на второе января прибыть в часть, не догулял отпуск. Прибыл, а третьего числа снова за рюкзак — и уехал обратно на Мариуполь. И вот восьмого февраля приехал. Восьмого марта собираюсь обратно, назад.

Как раз на праздник?

Ну, жене праздник устрою [сміється]. Пока все хорошо, что хорошо оно заканчивается.

А где Вы там были, в районе Мариуполя?

Ну, получатся, недалеко от Сартаны, там поселок Сартана, если мы выходили на дорогу — мы видели окраину Мариуполя, ту окраину, которую [боевики] бомбили. Не помню число, знаю, что в субботу, часов в девять они бомбили — видно. Вот же она, Талаковка видна, и Сартана.

Я стараюсь как можно меньше [рассказывать]. Даже мама не знала, где я был до того времени, пока не пришлось восстанавливать паспорт [после плена]. Это уже теперь я документы маме оставляю перед тем, как ехать. Она очки поправляет: «Ты же говорил, что на полигоне паспорт потерял». Говорю: «Та да, на полигоне». Плен для мамы вообще был шоком. И второй раз когда ехал, маме сказал: «Мам, в этот раз я еду на полигон, точно». Я когда еду — телефон не беру. Если мне надо позвонить — я подхожу: «Пацаны, дайте позвонить, надо жене два слова сказать». «Да без проблем, на». Некоторые пацаны записывали в память телефона, чтоб потом не набирать. Не дай Бог, если бы где-то что-то накрылось, [если бы попали в плен], сказали бы сразу: «Ага, так с вами вот пацан после плена!» Ну, ты сам понимаешь какое отношение.

А как сослуживцы относятся, если был в плену? К Вам лично не было какого-то недоверия?

Ну, кто его знает. Нас тут, на [Уральских] «казармах», четверо и два офицера, общаемся, разгова-

риваем, все нормально, нормальные парни. Некоторые сказали бы: «Да ну нафиг, я больше не поеду ни в какую АТО, я лучше буду тут, тихо, спокойно». Я же туда рвался, я туда рвался. Мама узнала только двадцать четвертого июля, что мне на медкомиссию. Оббегал, была свободная минута — я сразу в военкомат. Мне отвечали: «Нет, твое время прошло, ты уже списан».

По возрасту?

Ну да, уже сорок семь, сорок восьмой год, а призывной возраст до сорока пяти. Говорит: «Вы идите». Через месяц — обратно, через месяц — обратно. И так пока не повысили призывной возраст. И уже в июне мне сказали двадцать четвертого числа на медкомиссию. А еще переволновался, давление. Психиатр говорит: «Назовите четырехзначное число». Я назвал. Он называет свое и говорит: «Отними». Я говорю: «Я сюда что, математикой пришел заниматься?» Говорит: «Здоров». Ну, адекватный человек. Прошел медкомиссию, сдал, сказали: «Ждите». Меня еще перед уездом на [Уральские] «казармы» два раза вызывали в военкомат, проверка. И потом уже, на второй проверке, сказали на восемь часов тридцать первого июля быть в военкомате. Ну, так я призывался. Предложат контракт подписывать — не хочу, не дай Бог [снова попаду в плен], чтоб уже...

Как Вы думаете, долго еще это все продлится?

Война или АТО? У нас были пацаны с Западной [Украины], рассказывали: «Мы говорили с мольфаркой, она сказала, что пятнадцатый год будет

тяжелым, шестнадцатый — на половину, а до семнадцатого года — это точно». Оно будет попеременно, то холодно, то жарко. Чем больше с России будет заходить «гумконвоя» — тем жарче будет, они же там снаряды возят, а не [гуманитарную помощь]. А так, сказать конкретно я не могу.

Поделитесь своими планами на послевоенное время?

Послевоенное время?.. Будет два гектара земли, как обещают, если государство подсобит — построю себе дом, перевезу туда свою семью, будет хозяйство и буду жить на своей земле. Свежий воздух, речка — буду в селе жить. Но по первому свистку я пойду защищать Украину, это по-любому.

Может, Вы хотели бы обратиться к тем, кто будет в дальнейшем читать это интервью, чего-то пожелать?

Удачи, терпения и мира. В первую очередь — мира, ведь мы же славяне, но брат к брату с оружием не ходит. К брату ходят с бутылкой и куском сала, а если брат-славянин пришел к нам через границу, внаглую, с оружием — то это не брат, а бандит. Так что я желаю всем мира. А я буду, как говорят, до последнего, буду защищать, пока это все не закончится.

Хорошо. Вы говорили, что фамилию не надо указывать?

Не надо, лучше позывной.

А какой позывной у Вас?

«Баро», это мое. А так, кому надо — тот поймет, кто будет читать эту книгу — тот поймет... Что еще

добавить? Может, приеду — еще встретимся когда-то.

Встретимся. И еще добавим.

Да, потом уже будем добавлять.

Вы никакие записи не вели во время пребывания в АТО?

Нет.

Нет настроения?

Не то что настроения, просто оно занимает много времени и потом в случае чего от него тяжело избавляться. Знаешь, страшно попасть снова в плен: это же не сорок первый год, сейчас компьютеры, тебя сфотографировали, в базу занесли, кнопку клац — и все о тебе известно. Они сказали: «Еще раз попадешь к нам — п...а тебе, расстреляем». Потому я и попросился в другие места, в сторону Мариуполя, мою просьбу [в части] выполнили. Попадать снова в плен, мне кажется, не резон. Либо до конца, либо быстренько отходить. Попадешь — расстреляют... А так, я думаю, еще встретимся, еще будет что добавить. Пока все хорошо, благополучно.

*«...мы воюем не за деньги
или какую-то выгоду, мы
защищаем свою Родину,
свой город, свой дом.
У каждого есть мать,
отец»*

Им'я: **Сергій**
Рік народження: **1970**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
М. Павленком
13 березня 2015 р.
**РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.21.**

Назвіться, будь ласка.

Зовут меня Сергей, позывной «Штык». Служу в
пятьдесят пятой бригаде.

Первый дивизион?

Да, первый дивизион, вторая гаубичная батарея.
[Я] командир орудия, младший сержант. Ну, что
еще рассказать, задавай вопросы...

*Расскажите о Вашей довоенной жизни: где роди-
лись, где учились, расскажите о семье...*

Здесь родился, здесь учился, мать умерла, сам
сирота... Ну, вот пошел по своей собственной воле
добровольцем.

Мама рано умерла?

Да, мне еще одиннадцати не было.

А какого Вы года рождения?

Я? Семидесятого. Мне вон сорок пять лет в этом
году исполнилось, ну, исполнится, двадцать седьмого
июля, как раз на День флота. Я и служил на флоте...

А где Вы учились?

Учился во многих школах: сначала в пятьде-
сят шестой, которую закрыли, потом в девяносто

шестой, в четвертом интернате, когда мать умерла, года три. [Зитхає]. Нелегкий путь был. Сбежал, было, из дому, ночевал, бродяжничал, попал в детдом. Ну, такое.

А почему Вы сбежали?

Потому что были семейные неурядицы, я никому не нужен, я чувствовал, что я никому не нужен, потому и сбежал. Жил в подвалах, да везде жил... Да и сейчас практически нигде не прописан, не зарегистрирован, то есть без определенного места жительства. Нет у меня ни места прописки, ничего.

Ну а где Вы фактически проживаете, в казарме?

В казарме. Сейчас с женщиной сошелся. Жены были, но им нужно было совсем другое.

Денег?

Да, в основном нужны были деньги, а все остальное их не интересовало. Каждый день вынь да положи, сто рублей приноси. Для меня не то что там сто рублей, просто... Да, я понимаю, что я добытчик, дети как бы... Своих детей я не имею, а чужих воспитал. Поэтому...

А кроме школы какое Вы еще имеете образование?

Закончил Херсонское мореходное училище, техник-судоводитель. Ну, а так умею все...

Вы говорили, что служили на флоте?

Да.

А расскажите о службе.

Служил на флоте долго, почти четыре года. Начинал службу в Баку, на торпедных катерах. Потом попал в подразделение спецназа подводно-дивер-

сионных сил. Дальше все закрутилось-завертелось, пошло.

А какие у Вас самые яркие остались воспоминания? Может, какие-то были отдельные истории, о которых можно было бы рассказать?

Ты же знаешь, в то время все было обыденно.

Это в каких годах было?

Это [19]88-[19]92. Ну вот так, не очень много ярких.

Вы говорите попали в спецназ, одно время были...

Можно сказать так, спецназ. Подводно-диверсионные силы.

Ну а в чем специфика этого рода войск?

Диверсант есть диверсант.

Как сложилась Ваша дальнейшая судьба, после армии?

Пришел со службы, женился — дом, семья, работа...

А где Вы работали?

Да везде. Сначала на заводе, фрезеровщиком, потом водителем, потом кем я только не работал. Водителем троллейбуса. Много где. И мебельщиком, и строителем, и сварщиком, везде. Научился всему понемножку, мог и дом построить сам, сварить и сделать все по дому, что угодно. Всему учишься на ходу. Нельзя опускать руки, надо думать своей головой и решать все самому, потому что иначе ничего не получится.

А крайнее место работы перед войной?

Частное предприятие, по мебели. Я просился [на фронт] с самого начала — не брали, потому что

возраст не позволяет. Я первый раз еще в марте месяце попытался, второго марта. Мне сказали: «Пока нет». То есть нельзя. Я пытался в добровольческие батальоны, писал, никто ничего. А первого августа уже была полная мобилизация. Не полная, а третья волна мобилизация. Я пошел добровольцем.

Тогда ж повысили возраст, получается.

Да, повысили возраст, как раз и я попал. Вот так вот.

Вы через военкомат призвались?

Я отсюда призвался, запорожским военкоматом, и пошел в первые дни, с первого августа. А 23 августа первый раз мы попали в Иловайский «котел», где нас роздубасили очень сильно. Это потом уже научился всему...

А до выезда туда, на фронт, была какая-то подготовка?

Две недели.

А чем Вы занимались во время этой подготовки? Как она проходила?

Слаживали орудия, разлаживали орудия, учились наводиться, учились это все делать быстро. Как бы делали слаженность [расчета] орудия, привыкали друг к другу. Каждый должен был выполнять свои действия. Я, конечно, тоже пытаюсь многим всем помочь. То есть хоть и командир орудия, а все равно пытаешься что-то сделать, те же самые снаряды грузу, как и любой из наших командиров. Саня Луценко так же само с нами и грузил, и за водой ходил, все делали вместе. Там нет никого... На войне...

Война всех ровняет?

Да.

А как так вышло, что Вы служили на флоте, а стали командиром орудия?

Да я сам не знаю. Командир батареи назначил, сказал: «Ну что, будешь?» Я говорю: «Не знаю, попробовать надо: потяну или не потяну». Говорит: «Потянешь, к тебе люди тянутся». Вот так я и стал командиром орудия.

То есть какие-то специальные курсы, подготовку Вы не проходили?

Нет, не было.

А расскажите о своем комбате.

Андрюха, комбат, хороший человек, вообще хороший, Шева, Гера...

Ну, это же молодые ребята.

Да. Комбату двадцать семь, Шева двадцать один. Вот так. Он сейчас вместо комбата, пока он здесь.

Исполняет обязанности?

Да, исполняет обязанности, при чем с честью и совестью. За этих троих человек я буду стоять горой, я вместе с ними пойду на все. Куда комбат, Шева и Гера — туда и я. «Выполняй приказ» — выполняю любой приказ.

А сказывается ли разница в возрасте?

Нет, они понимают все это, по-человечески относятся. Я просто смотрю как человек относится, там отношения совершенно другие, более человеческие.

То есть возраст не важен, главное, чтобы человек был порядочный?

Главное, чтобы человек был порядочный, который знает и понимает, чтобы на него [можно было] положиться. Ты к нему по-человечески, а он к тебе. А то, что они [командиры] еще молодые — это только на пользу. Они все понимают, думают и умеют организовывать. Такие ребята, как комбат, Шева, Гера и многие другие — это именно настойчивые люди, которые могут выполнять самую сложную работу и все понимают, им не безразличен [личный состав]. Нас, как слепых котят, вывели из-под Старобешево... Работала только третья батарея: сделала несколько выстрелов, помогла батальону «Донбасс». После этого тихо, спокойно, тишина. Они вычислили нас, пришли, увидели. Накрыли сначала минометом, потом залпом «Градов». Почти шесть часов...

Вас накрывали шесть часов?

Да, головы даже поднять невозможно было.



Бійці 55-ої оабр під час ротації до Волновахи

Говорили, что под Старобешево все очень динамично было, что за три дня...

Ну я же и говорю, мы приехали 23 августа, а 26-го мы уже вышли. Нас 25-го накрыли, а 26-го мы были в Розовке.

Выходили под обстрелом, получается?

Да.

А можно как-то это описать, процесс выхода?

Знаешь, описать то, что там происходило... Ну, паники не было, а был, как бы тебе объяснить, страх, боязнь у многих людей, потому что многих пацанов попризывали, тех, которые даже не служили, понимаешь? Просто по мобилизации призывали, он автомат первый раз в руках держал там, под Старобешево. Комбат, конечно, выложился на все сто процентов, а Шева — так, наверное, вообще на миллион процентов. Почему — потому что пока комбата не могли найти — Шева и патроны подносил, и аптечки, организовывал работу, хотя он молодой пацан, двадцать один год, и попал сразу... Всего четыре месяца, не успел толком ничего. Мы его Листком прозвали сначала.

Почему Листком?

А, он все ходил: «Наразі треба листочок, треба написати». Какие-то заявления там. И мы его прозвали... Он ходил, записывал что-то. Поначалу комбат его поправлял, а сейчас, я же говорю, он до такой степени научился, что может сам командовать батареей, хотя и лейтенант. Не то что батареей — несколькими батареями, Володя очень понятливый и разумный. Я говорю, вот таким

людям надо давать звание и все остальное, к наградам представлять.

В районе Старобешево это было окружение?

Да, Иловайский «котел». Ну, как вот был Дебальцевский «котел» у ребят с первой батареи, так и у нас...

А как Вы считаете, какие причины этих «котлов»?

Об этом не мне судить, но мое мнение таково, что нас сливают, а кто — не знаю. Я бы и рад сказать, но не знаю. Ситуация была такова, что каждый из нас выполнял все необходимые действия, не пользовался ни телефоном, ничего. У нас имел право пользоваться телефоном только комбат и командир дивизиона.

А что с телефонами, пеленговали?

Да, мы же думали, что пеленгуют, а на самом деле никто. Ну, а сейчас мы пользуемся телефонами, интернетом, нет такого, чтобы нас кто-то засек.

А насколько точно стреляли?

Ну, вот под Старобешево — там стреляла в основном тройка¹⁰, поэтому мы там участия не принимали. Мы только орудия переориентировали, то в одну, то в другую сторону, очень много раз переставляли орудия, было очень тяжело. А под Донецком — там в основном стреляли по точкам, данным конкретными корректировщиками. Радиус поражения — максимум 100 метров. Это плюс-ми-

¹⁰ Третья батарея.

нус десять метров, такая точность. Нужно это все очень точно просчитать. Тебе дали координаты, ты быстренько все просчитал, выдал наводчику угломер, а сам себя перепроверяешь, потому что из-за твоей ошибки могут пострадать невинные люди, понимаешь? В аэропорту мы работали так: здесь боевики, а здесь наши, и нам нужно попасть именно в боевиков, но не в наших.

А какое расстояние между ними?

Минимальное, 100-200 метров, никто не будет дубасить своих же.

Вам пришлось встречаться с местным населением?

Да, нормальные адекватные люди, не было никаких проблем, все было хорошо.

Вы с ними говорили?

Да, общались.

А о чем Вы с ними говорили?

Да обо всем. Там очень много нормальных людей, а бывали и такие, что, мол, «Укропы пришли, валите!» Всякое бывает. А так... В магазинах там когда скуплялись — нормальные люди, никто ничего. Это не их война, это вообще непонятная война, которая... Кому она нужна? Сами же люди говорили, что они не могут понять кому это надо, «нам до этого хорошо жилось, все было, а сейчас совсем непонятно».

А как Вы лично считаете, в чем причины этой войны?

Мне так кажется, что товарищу Путину захотелось отхапать кусок земли. Сейчас переезжают

люди из Якутии, Бурятии, Хабаровска там. У меня знакомого тетка уехала в Россию, сейчас живет под Хабаровском в каком-то доме, где нет ничего, негде ни помыться, ничего.

И многие, по ее словам, так живут в России?

Она говорит, что по крайней мере те пятьдесят человек, или сколько их там, все живут так.

А кроме земли, может, есть еще какие-то причины?

Власть, понимаешь, он хочет иметь власть над людьми. Его мало интересует, что происходит в России, он хочет показать, что он какой-то мессия, понимаешь?

То есть создать везде свой «русский мир»?

Ну да.

Это и есть их миссия?

Наверное. Я только не могу понять смысл этого. Раньше мы все жили, общались и так далее, а теперь считаем друг друга... Озлобляемся... Даже говорить не хочется.

А как Вы до войны относились к россиянам, к России?

Да нормально. У меня вон родственники в России, дядя служил, пенсионер, ему почти девяносто лет, в Белоруссии живут у меня родственники, по маминой линии, для меня это очень тяжело.

Оно, знаешь, может и война у нас потому, что нет стабильности, сейчас ничего непонятно. Я не хочу многого, мне просто нужна нормальная работа и зарплата, на которую я реально мог бы прожить. Даже та же форма, под Старобешево у мно-

гих форма пришла в негодность. Это хорошо, что волонтеры привезли бельгийскую, та форма еще осталась. А так мы все покупаем за свои деньги. Пошел на базар — на тебе 1200, а от государства мы реально почти ничего не получили.

То есть по сути все держится на волонтерах?

Все на волонтерах. Спальники — волонтеры, бронезилеты нам дало государство, да, получилось так. Ну, вот это единственное что, автоматы и бронезилеты. Машины ты сам видел, на каких машинах... Ремонтируем мы их сами. Пытаемся с волонтерами договориться, они нам помогают.

Грубо говоря, из трех одну сделать?

Ну, не из трех одну, но... Наша батарея — это два «КРАЗа», которые остались. Оба вышли из-под Старобешево, вот они и ходят до сих пор. Уже там и побитые, и покоцанные, и тому подобное, но все равно работают. То есть делаем на ходу. Я вот свой «КРАЗ» сделал на ходу.

От государства, получается, помощи никакой нет?

Помощи от государства? Ну какая помощь? У нас реально на военной службе реальных мастеров нету. У нас, понимаешь, люди, те, которые мобилизованные, призвали, еще что-то. Это те же профессионалы, но понимаешь, за ту же работу они получают свою мизерную зарплату. Хотя они могли бы выполнять так же само боевые действия там в зоне АТО. Их здесь просто тупо оставили. Оставили только ради того, что увидели, что человек профессионал, значит надо его оставить здесь, приказом его оставляют.

Насколько сильно помогают волонтеры? Чем еще, кроме формы?

Продуктами питания помогают очень. Человек же не может есть каждый день одну тушенку, она мне уже поперек горла стоит, понимаешь. Нам не выделяют всего того, что хотелось бы. Тот же примус, на который поставил бы и быстро приготовил.

На костре готовите?

Готовим на костре. Да, я согласен, может быть с одной стороны это нам и не надо, тягать за собой лишний груз, но с другой стороны — хочется, понимаешь. Поэтому готовим на костре. А что сухпай? Тушенка, сухпай, сгущенка, вот и все. А, ну, правда, картошку там привозят нам.

Волонтеры?

Нет, картошку привозят с девяносто третьей [бригады], это довольствие. Хотя кто туда им поставляет — я не знаю. Картошка, лук, морковка, буряк, капуста, все это привозили нам.

Помогают обычные люди или какие-то волонтерские организации?

Обычные люди, обычные люди привозили. То есть собрались там, в Пологах, Токмаке, Гуляйполе — собрали и привезли. Мясо, тушенка, понимаешь, именно домашняя, а не то, как нам дают, которую открываешь, а она плесенью покрылась. Бывает такое — открываешь и понимаешь, что все, свободна, собаки поедят. А бывает, что и собаки не едят даже.

А это солдатам дают?

А нам дают, понимаешь. Из сухпайка еще как-никак тушенку съешь. Перловая каша —

ее есть реально невозможно, потому что она сухая. А времени на то, чтобы добавить воды, разогреть ее — где? Негде, понимаешь? Так, на костер поставил, побультыхал, вроде подогрелась, быстренько пожрал и побежал. Она совсем неправильно приготовлена, понимаешь? Это уже не наша вина, а того человека, заказчика. Это Минобороны заключает договоры, ну, это уже не в моей компетенции. Нам выдан приказ — выполните его. Мы выполняем, так будьте добры, сделайте нам тоже одолжение: накормите, напоите и так далее. Воды в Донецке, ты сам знаешь, ее там практически никогда нет.

А откуда вы брали?

В болотах брали, процеживали, кипятили в котелках. Люди тоже привозили нам, то ли со скважин, то ли с колодцев, приезжали в села, набирали баклажки. Вообще проблема с водой.

А кто стоял возле вас, какие части?

Девяносто третья [бригада].

Откуда она?

Николаевская, это территориальная оборона, девятнадцатый батальон терробороны.

А в чем была их специфика?

Охрана наших позиций. Мы приезжаем, расставляем, делаем все эти необходимые вещи, а они стоят в оцеплении, охраняют, смотрят чтобы люди сюда не пришли. То есть чтобы нас, как под Старобешево, не разбомбили.

То есть чтобы противник не пошел в наступление на ваши позиции?

Да, чтобы противник не прошел, чтоб он не смог увидеть нас и дать корректировку.

А насколько тесно вы с ними были связаны? Общались? Вы же в одном лагере жили?

В одном лагере, да.

Сутки на боевой, сутки в лагере?

Да, конечно.

А как вы общались?

Да как, нормально. Все нормальные люди там. Мы им помогали. Они когда к нам приехали — у них даже не то что пожрать, не было даже одежды. Покупали, кто купил, кто нет... Волонтеры привозили фуфайки, секонд-хенд.

То есть вы им помогали всеми этими вещами?

Да, мы им помогали и с едой, и со всем. Потом уже пацаны ездили, так рассказывали, что на складах сало стопками стоит, а им даже не дают это сало. Говорят: «А почему?» «Не положено. Будет положено — тогда получите». То есть есть вышестояще начальство — они разбираются. Я ж говорю, пацанов просто бросили. Пригнали им «бычек» (автобус), который, как говорится, как машина «Би-би-си: метр едет, два неси». Потому мы им всегда помогали, выручали.

То есть еще один важный пункт — взаимовыручка?

Ну конечно, если не будет взаимовыручки — не будет никакого понимания, понимаешь? Была ситуация, у них там заглох «бычек», пришлось его вытаскивать, целая проблема с этим «бычком» была... Потом они добились, дали им «ГАЗон» с открытым

кузовом, дождь, снег, мол, захотите — сами пошьете тент, это ваши проблемы. Вот и посчитай. Так же само, как у меня. Я выполняю приказ, мне нужен «КРАЗ», ему нужен ремонт. Выбить какие-то запчасти на него нереально, это надо заказывать и ждать две-три недели. А если мне сегодня надо? На чем я буду ехать? Все зависит от отношения. Вот, допустим, Нацгвардия. Аваков сказал — им все сделали, все новое. У нас же два «КРАЗа» и три «КАМАЗа», «ЗИЛ» и все. Вот сейчас «УАЗик» пробили. Мы реально не получаем того удовольствия, которое должно быть.

Давайте вернемся к предыдущему вопросу. С какими частями вы были наиболее тесно связаны?

Девяносто третья, девятнадцатая, двадцать пятая, по-моему, семьдесят вторая. Это под аэропортом было. Я не знаю, кто именно из них были «киборги», сейчас у нас везде одни «киборги». Я, понимаешь, их не видел.

А как была налажена взаимосвязь?

Нормально, по рации обменивались информацией.

А как между собой отношения складывались? Не было конфликтов между разными родами войск?

Нет, у нас такого не было. Там сплошная взаимовыручка. У меня одна журналистка спросила: «А как Вы вообще относитесь к войне?» Говорю: «Привыкаешь. Война сближает, теперь мы как одно целое, нет никакой раздробленности, каждый выполняет свою работу, но если кому-то надо помощь — то другой не уходит, никогда не говорит,

мол, это не мое, я не буду этого делать». Никогда ничего такого не было, чтобы кто-то кого-то оскорбил или обидел. Вот сколько стояли там в Очеретино, Авдеевке, Красногоровке, под Песками, под Волновахой... Люди относятся так же само, останавливаются, говорят: «Не уезжайте, куда вы?».

Это местные?

Да. «Если вы уедете — что же будет с нами? Нас здесь снесут».

А тяжело было уезжать?

Мы не сильно и уезжали, мы же в движении каждый день, колонна пошла туда, колонна пошла сюда. А они думают, что мы уезжаем. Мы то с лагеря на боевую, то с боевой в лагерь, останавливаешься там, заходишь в магазин, водички купить, хлеба, сигареты, такое. Потому такие ситуации, я ж говорю, что люди так относятся. Одна бабка вообще корзину пирожков напекла. Ну, и мы местному населению помогали так же само — поехали, отвезли в школу или в детский садик, нате, кушайте, без вопросов, нам ничего не надо. Мы же прекрасно понимаем, что их никто не финансирует. Вот реально, сколько нам хлеба привозят, он нам обходится, допустим, 5-6 гривен, и он у нас черствеет. Я, допустим, съедаю 2-3 кусочка в день, ну не могу я его есть, понимаешь, тяжело там бывает, нет настроения, нет аппетита. Почему не отдать детям? Ну, свежий хлеб, привезли нам на батарею, он засохнет и смысл? Потому помогаем детям, местному населению. Нам ничего не надо. Люди нам тоже то пирожков принесут, то консервации, кто как.

То есть местное население нормально к вам относится?

Конечно, ничего такого нет.

А были какие-то курьезы?

Один раз было под Курахово. Я перегонял машину на ремонт, а человек идет, тычет мне палец.

Средний?

Ну да. Я остановился, вышел к нему без оружия, без ничего, понимаешь? Когда он на расстоянии машет — это понятно, но когда ты останавливаешься и говоришь: «Иди сюда, скажи мне в глаза, что ты обо мне думаешь» — он сразу ноги в руки и бежать. Я ж говорю, я вышел без автомата, без ничего, просто вышел. Вот такие курьезы. А так большинство людей за нас. Многие, конечно, пьют, жрут водку, нищенствуют, работы нет, ничего нет, что они могут?

А пьют почти поголовно?

А пьют почти поголовно, жрут водку целыми днями. За что — не знаю, но каждый Божий день в стельку, что бабы, что мужики. Да сам в интернете посмотри. А говорят: «Понаехали». Кто, получается, мы понаехали? Людей зомбировали конкретно, им показывают, что мы...

Это наших людей, с Донецкой и Луганской областей?

Да, местное население, мол, мы чуть ли не людей едим по частям, бред, реально бред. Мол, Национальная гвардия насилует женщин и тому подобное.

А как с общением обстоят дела? Ведь у каждой жена или девушка...

Ну, как — приехал в лагерь, позвонил жене, душу отвел. Общения хватает. Мы же не в пятнадцатом веке, где нет телефонов. Позвонил, услышал голос любимой, она тебе рассказала, ты ей. Общения хватает.

Давайте вернемся немного назад. Из-под Старобешево вас вывели под Волноваху?

Нет, мы вернулись назад в часть, а потом уже вышли под Волноваху.

Это в какой период было?

Это с 31 августа и по конец октября, даже по начало ноября. Потом мы ушли под Авдеевку, под Донецк, и там уже именно работали вместе с другими бригадами. А Старобешево мне сложновато вспоминать, там я потерял людей именно со своего орудия. Водителю оторвало ногу, мне пришлось вести «КРАЗ», быть и водителем, и командиром орудия, спасать, оказывать первую помощь... Тяжело... Под Волновахой всем было немного проще, одно только надоедало — каждый день рыть окопы.

Вручную?

Конечно, все вручную. Еще у нас снаряды в ящиках были, достаем каждый день, перекаладываем, снаряды, заряды. Сам понимаешь, как было тяжело. А потом приучились, стали возить насыпом, как обычно, снаряды отдельно, заряды отдельно, стало уже проще.

А орудие у Вас было 152 миллиметра?

Да, «2А65», «Мста-Б» называется.

Какой вес снаряда?

Почти сорок восемь килограмм.



Гаубиця на бойових позиціях

Это без заряда.

Ну да, и заряд еще тринадцать килограмм. У меня заряжающим был товарищ, ему 50 лет в этом году исполнилось, а он снаряды носил, как будто ему двадцать, налегке, хотя были молодые ребята, которым на десятом — пятнадцатом снаряде становало тяжело. А работали мы там плотно, по 150 снарядов.

За дежурство?

Да, за сутки, это только с одного орудия.

А сколько у вас орудий на батарее?

Пять орудий. И считай около тысячи снарядов уходило с батареи. Ну, не каждый день, а в особо напряженные дни выходило. А так бывало 50-60.

Вот «Обамыч», допустим, сделал рекорд: за восемь часов 220 снарядов. Работали тогда по аэропорту.

Не приходилось стыкаться с врагом?

Нет, этого не было, мы же работали на очень большом расстоянии. Вот Леха «Бродяга» может рассказать, он сталкивался, он там был корректировщиком. Это его кредо, он сам захотел...

Сергей Борисович рассказывал о парне, который родом с Донецка...

Вот это ж он и есть, «Бродяга».

Расскажите о нем.

Пацан с Донецка, зовут Леха, позывной у него «Бродяга». Он наводил на таки точки... С его помощью мы попали на «БМ-ки», батальоны вот этих «ополченцев», в штаб попали четко. Флаг даже сбивали ихний. Этот человек наводил конкретно, я даже не знаю, у меня в голове не укладывается... Я бы так не смог...

Расскажите, в чем специфика деятельности корректировщика?

Сидит на позициях противника и корректирует наш огонь. Молодчага. Я говорю, таким людям надо ставить памятники и называть улицы их именами. Это такой человек, адекватный, спокойный, он никому не нагрубит, ни с кем не поссорится, со всеми идет на контакт. Молодчага, такие люди нам нужны. Это просто класс.

Сергей Борисович говорил, что он пришел добровольно. Можете рассказать более детально о нем?

Ну, я как бы не особо. Он приехал сюда, приписался, отсюда призвался, так как оттуда он не мог

призваться. Я не знаю этих всех заморочек. Ну, во всяком случае, он добровольно пришел сюда, добровольно выполнял с нами боевые задачи, никогда никаких нареканий не было: надо — значит надо, пошел молча.

Корректировщиком он был два срока?

Ну, вот с Волновахи он и был, под Донецком был корректировщиком, и сейчас, до сих пор. Он оттуда уходил один раз на десять суток, десять суток отпуска дали. Мы приехали и он с нами десять суток был. Потом по ранению. Он был ранен тоже. Дали ему там, он в госпитале полежал. Дали ему еще десять суток, и вот он опять вместе с нашей батареей выехал и опять же пошел корректировщиком туда, под аэропорт. А где он именно — я не знаю конкретное место расположения.

Я ж говорю, я, например, не донецкий, но у меня там в Донецке есть друзья, знакомые. Я многим ставил мебель, нормальные люди, ничего такого не было. А сейчас я даже не знаю, я даже боюсь позвонить сказать: «Здравствуйте, я воюю на той стороне».

А как население, большинство, за Украину?

Ты знаешь, я не могу сказать за все население, которое я видел, я не могу отвечать, за кого-то решать. Я не имею права. А вот те, которые к нам относятся нормально, они говорят: «Когда это уже закончится? Мужики, наведите порядок. Может, вы наведете, военные. Уже надоело это все». То есть надоело жить в страхе, жить в каком-то невденье. Одни винят Януковича, вторые винят Путина,

третьи винят еще кого-то там кандибобеля, который у них там был. То есть вот такие вот моменты. А сказать, как оно на самом деле я не могу.

Ну, у каждого своя голова.

Голова своя. Я не могу отвечать за кого-то, я отвечаю за самого себя, за свое орудие. Вот у меня в орудии, я ж тебе говорю, и стар, и млад. Самому младшему у меня 24 года, самому старому у меня 50 лет, понимаешь?

А как с едой? Каждый готовит отдельно, или в общем «котле»?

Нет, сделали проще, каждый на орудие готовит. Допустим, старшина получил продукты, волонтерская помощь там пришла, еще что-то — он поровну разделит и мы сами готовим на свое орудие. Кого-то оставляют, поехал в магазин, скупился, купил чего-то вкусного, сладости там, ну такое, понимаешь, хочется. Все равно, война-войной, а хочется...

А чего больше всего не хватает?

Чисто откровенно — рыбы, фосфора не хватает. Мяса, тушенки, такого хватает, хочется постоянно рыбы. Потом каких-то сладостей, конфет. Потом сладкой воды иногда хочется. Кофе тоже за свои деньги покупаем.

А с сигаретами как?

Очень тяжело, сигарет вообще нет практически. Ну, ты сам куришь, понимаешь. У нас большинство курит.

Пока не известно когда ребята будут возвращаться?

Даже теряюсь в догадках. Месяца через два, минимум на 60 дней, а там уже видно будет. Я вот во вторник тоже уезжаю уже.

А вообще тянет туда?

Да, там мое орудие, там мои пацаны, мои друзья, моя батарея.

Я вот у кого не спрашивал, говорят, что тянет туда. Война меняет человека?

К войне привыкаешь. Это первое. А второе — ты понимаешь, ради чего ты там воюешь. Я пошел не за деньги или еще за что-то. Я туда пошел, чтобы завтра это мурло не пришло ко мне сюда, в мой город, и не сказало, что оно тут хозяин. Понимаешь?

А кто там воюет: местные сепаратисты или регулярные войска?

Честно — я не могу сказать, я же их не вижу, мы же работаем на расстоянии. Хотя так точно и метко бить сепаратист, который не обучен, не сможет. Оружие, опять же, техника, снаряды — откуда это все поставляется?

Расскажите, пожалуйста, о Луценко-младшем. Когда Вы впервые встретились?

Ну что рассказать. Сначала он был простым номером услуги. Встретились мы под Волновахой, он был к нам прикомандирован, а до того был где-то три месяца в противоракетной обороне, а потом прикомандировали к нам, именно в нашу пятьдесят пятую бригаду, во вторую батарею. Он приехал к нам примерно в начале октября, зарекомендовал себя нормально, нормальное отношение. В чем-то

был стеснителен, не хотел рассказывать о том, кто его отец.

То есть поначалу вы не знали, кто его отец?

Нет, никто. Знал только комбат и комбриг.

А как Вы узнали об этом?

Я узнал спустя неделю. Мы сели чаю попить, ну Луценко да и Луценко, фамилия. И потом он рассказал, кто он. Никто не пытался его нагрузить, все было нормально, такого не было. Он точно так же выполнял обязанности, как каждый из нас: грузил снаряды, ходил в дозоры, готовил кушать ребятам, и так далее. На боевые ездил, выполнял все так же само, под обстрелами был. Не было такого, чтоб он где-то спрятался, испугался, убежал, нет. Все стояли на своих местах, выполняли свои обязанности. Трусости я в нем никогда не видел. Ни трусости, ни подлости, ни оскорблений. Он никогда не ставил себя выше остальных, даже наоборот, как бы стеснялся этого. Например, заведем разговор, а он старался уходить от этого. Всегда он был отзывчивый, рассудительный, никогда не было скандалов, ничего. Мы со своим орудием разгружаем снаряды — он придет со своим орудием, поможет, он разгружает — мы поможем. Ну, так. Потом его командиром орудия назначили. Он был на втором орудии, вместо [лейтенанта], у Сани там проблемы были со здоровьем. Он помогал [лейтенанту], вникал, спрашивал, интересовался как лучше, искал целостную картину. Отменный мужик, реальный пацан. Луценко-старший приезжал к нам в лагерь, потом поехал на огневую, приезжал, посмотрел как

мы живем, как работаем. Он организовывал очень большую волонтерскую помощь, да и сейчас помогает, хотя его сейчас рядом нет.

А в чем заключалась помощь?

Во многом: радиостанции, приборы ночного видения, спальники, продукты питания, планшеты, средства связи, запчасти для машин, все. Раз в месяц он приезжал, ему заказывали — он привозил.

То есть он не единожды приезжал?

Нет, раза четыре или пять. Приезжали и его друзья, нет такого, чтобы он отказался. Поддерживаем связь, общаемся, как обычно. Никогда не было такого, чтобы он пообещал и не выполнил. Человек слова. Я реально могу сказать, что он реально работал и выполнял те же действия, что и все. Он пошел туда не ради денег или достоинства АТОшника, не ради наград.

А в быту как?

Да и в быту обыкновенный человек, такой, как мы с тобой. Было нам не выплатили зарплату, мы выехали, он угостил просто по-людски, посидели, поели пиццы. Такому человеку можно доверять, я знаю, что он в спину не выстрелит, как и я ему. То есть вот тебе реальное взаимодействие. На него можно положиться в любом случае. Бывало, что он даже сам напрашивался подменить кого-то и так далее. То есть человеку хотелось не просто повоевать, а именно защищать рубежи нашей Родины, потому что это его страна, он здесь вырос, потому вот так. А мог дома остаться, никуда не ехать, потому я его уважаю как человека.

Старший Луценко много нам тоже помогал, тогда еще с волонтерами было туговато. Тогда у нас была только Катюха Матюха на всю бригаду, это Катя Матвеева, вот реально помогают «Сестри перемоги». Ей там, говорят, даже орден дали. Таким людям, я согласен, надо давать и ордена, если это люди, которые реально помогают. То есть вот у нас, например, тенты на «КРАЗах» — это она помогала, договаривалась, понимаешь? Вот тебе еще один пример сплоченности, эта война, эта антитеррористическая операция нас сплотила.

А как вы сами называете между собой: это АТО или война?

Реально — это война, просто необъявленная война. Почему — потому что если Президент объявит военное положение, то Международный валютный фонд не будет давать денег, а если не будут давать денег, то страна станет каким-то Бангладешем. Реально, это будет крах.

А многое бы поменялось, если бы ввели военное положение?

Смысла нет, назви его войной или еще как-то. Главное — это то, что творится у нас в сердцах. Это наше.

Если Вам не сложно об этом говорить, расскажите о погибших.

Ну, Игоря я очень мало знал, а вот Юра Дьячков — ему было тридцать три года, была у него девушка, он был номером расчета на моем оружии. Мы с ним дружили, спали рядом... Как тебе объяснить... Такой смерти реально не позавидуешь.

Вошло два осколка, один осколок вошел в затылок, вырвал лицевую часть головы, второй осколок вошел подмышку и вышел через руку... Ну и ноги побило, конечно...

То есть он погиб на месте?

Он погиб на месте, понимаешь, он не мучился. А Игорь — у него немножко по-другому, у него осколок попал в ногу, перебило паховую артерию и пока он бежал по этой кукурузе, пока понял, что надо остановиться, пока снял штаны — произошла большая потеря крови, ты сам прекрасно понимаешь, адреналин, вся кровь просто вышла струей... Что еще рассказать...

Юра был веселый парень, философ, знаешь, мы много общались, это мой друг, бывших друзей не бывает, погибший, но для меня это Человек с большой буквы. Мы дружили втроем: я, Серега и Юра Дьячков, мы спали рядом, делили кусок хлеба, продукты, все. Очень теплые были у нас отношения. Я его давно не знал, мы познакомились 1 августа, когда были все мобилизованы. Это человек веселый, жизнерадостный, у него всегда на любой вопрос мог найти ответ, тысячу ответов, он был приятен в разговоре, в общении, приятель во всем. Знаешь, очень грустно, когда такие молодые люди очень рано уходят, я не могу этого понять. Я восхищался этим человеком, хотя я немного старше, но все равно, понимаешь, вот что Серега, что Юра — у них такой талант находить общий язык, сплотить людей, чтобы никто не ссорился, поднять настроение, боевой дух. Особенно Юра, он мог любую

ссору перевести на шутку, все посмеялись и все, никто ни на кого не дуется. Он был реально философ и психолог... Я говорю, такие люди должны жить, понимаешь?

Можете описать обстоятельства гибели?

Ну, как тебе описать...

Где это было?

Под Старобешево. Мы сидели, копали окоп, Юра тоже копал с нами, потом я его попросил, говорю: «Давай так, я пойду копать, а ты сходи за кипятком, кофейку попьем, сходи возьми». Он пошел с котелком за кипятком, мы сделали кофе, он разлил каждому по кружкам, ну, кто пил, кто копал, поставил эту кружку. То есть там стоял полный котелок кофе, Юра просто стоял возле окопа и пил кофе. Рядом с ним стоял водитель, СБУшник наш, капитан, Игорь его звали и еще кто-то. Ну, в общем-то мы все стояли рядом, пили кофе, общались, шутили, разговаривали, копали окоп. В общем, выполняли боевую задачу, готовили окоп, укрепляли и тому подобное... И в этот момент произошел залп и Юра погиб... Кто в окопе были — сразу лягли, единственное, что я последний вот так накрыл пацанов всех, плашмя. Накрыл, когда слышу, Леха кричит, мол, пацаны, помогите, нога. Я ото сразу скинул, наложил ему жгут, и потом увидел капитана, СБУшника, контрразведчик, тоже раненый, ему начали оказывать помощь. Я Лехе, а он этому. А Юру я не мог найти, потому что когда все взорвалось, это была первая мина, туман рассеялся, но попекло глаза, я сразу определить не мог. А потом

начали опять дальше накрывать, накрывать, и когда я уже увидел, что он не шевелится, я начал кричать: «Юра! Юра! Юра!». И потом увидел, что он в действительности уже не шевелится. Ну и Шева, СОБ, начал спрашивать, говорит: «Есть убитые?» Говорю: «У меня». Я в тот момент еще не знал, я потерял из виду одного человека, Валика, наводчика. Я начал кричать: «Валик! Валик! Валик!» Я в тот момент думал, что его тоже накрыло, но он просто перед орудиями был, возле орудий, мы то были за орудиями, а он перед. В тот момент выяснилось, что у меня погиб Юра Дьячков, Лехе оторвало ногу, кому под лопатку осколок залетел, кому еще что. У меня там Юре [Другому], я его заставил каску одеть, и ему осколком разорвало каску.

Голова целая?

Да, целая, по касательной прошло, разорвало каску.

Вы говорили, в тот день было шестнадцать человек «трехсотых»?

Да, 16 человек¹¹. Тогда и подполковнику снесло полноса, он в нашей батарее был. Вот тогда я его зауважал. Он реальный мужик, он понимает каждого из нас. Главное не выполнение приказа, а человеческий фактор. Знаешь, он может найти в каждом человеке изюминку, понимает человеческую психологию, может сделать так, что человек ему сам все расскажет, вот разговором, понятиями. Это реальный замполит, как он рассуждает — это реальный замполит, подскажет, расскажет, объяс-

¹¹ Насправді отримали поранення вісім військовослужбовців.

нит, если чего-то недо-
понимаешь. Он всегда
заботится о личном
составе. Вот с Юрой
Дьячковым он очень
помог все сделать. Так
же само волонтерскую
помощь организовал,
приезжал, привозил,
пускай и с травмой, но
приезжал, все равно
помогал.

*Может, Вы хотели
бы обратиться к тем
людям, которые будут
читать это интервью,
что-то передать, поже-
лать?*

Чтобы помнили, не
забывали, за что пацаны
погибают. Может быть,
и я погибну не сегодня —
завтра, но мне хочется,
чтобы сохранились эти
записи, реальные записи,
без вранья, без всякой
пошлости, чтобы люди
помнили и знали, как оно
есть. Чтобы люди понима-
ли, что мы воюем не за
деньги или какую-то вы-
году, мы защищаем свою
Родину, свой город, свой
дом. У каждого есть мать,
отец. У меня, допустим,
нет ни матери, ни отца, но
я хочу, чтобы моя сестра
это поняла, прочитала ко-
гда-нибудь, если что. Мы
не захватчики, мы оборо-
нители, мы на своей зем-
ле. Я хочу, чтобы каждый
человек понял, что мы выпол-



*Заступник командира
55-ої оабр підполковник
Ігор Немінський*

няем свой долг, защищая нашу Родину. Нам не надо каких-то там благ, не будет — и Бог с ним. У нас есть куча чиновников, Кабинет Министров, Верховная Рада, у них голова большая, пускай думают. Их народ выбрал, пускай сидят и думают, с них будут спрашивать.

Все-таки будет спрос?

Конечно будет, и будет он, если это все движение никуда не денется, если будет стоять на месте, оно же надоедает реально до такой степени, что... Вот пацаны сидят в окопах за 120 долларов, а наши депутаты по сколько получают?

Назовите главную причину, почему мы победим?

Потому что у нас есть вера, надежда и любовь. Любовь к своей Родине, к своему городу, к своим людям. Вера в то, что это все образуется и каждый сделает свой выбор и придет к пониманию как надо делать, а как нет. Я так думаю. Самое главное, чтобы у нас в жизни все было хорошо, не в прошлой, не в будущей, а в настоящей, реальной жизни.

Понятно, что книжку, если она выйдет, будут читать не только наши сторонники, но и недруги. Может, Вы хотели бы и им что-то передать?

А что тут сказать? Бог им судья, у меня нет слов.

*«...у кожного чоловіка є,
так би мовити, борг перед
Батьківщиною і перед
сім'єю. Тебе ж жінка не
підє захищати, правда?»*

Ім'я: **Олександр**
Рік народження: **1990**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 3 габатр**
Форма служби:
контрактна
Інтерв'ю записане
М. Павленком
25 березня 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.22.

Назвіться, будь ласка.

Старший лейтенант Олександр, командир третьої батареї.

Звідкіля Ви родом?

Родом з Хмельницької області, місто Шепетівка.

Розкажіть про довоєнне життя, де Ви навчалися?

Навчався у Львівській академії сухопутних військ, вступив у 2008 році, закінчив у 2012. Після закінчення академії сухопутних військ був направлений на подальшу службу до п'ятдесят п'ятої бригади, до міста Запоріжжя. Прибув на посаду командира взводу, старшого офіцера батареї, першої гаубичної артилерійської батареї.

Це перший дивізіон?

Так, перший дивізіон.

Ви тут з 2012...

Так, з червня місяця.

Розкажіть про довоєнну службу у бригаді. Як проходили навчання?

Так, це я прибув на посаду у 2012 році, а через три місяці були перші навчання — бойові стрільби

на 239-му [Новомосковському загальновійськовому] полігоні, біля селища міського типу Черкаське. Я був на посаді командира другого вогневого взводу. Це були перші навчальні бойові стрільби. Потім були навчальні стрільби. У 2013, восени, почалися широкомасштабні навчання з вогневою стрільбою, також на 239-му полігоні, де я був старшим офіцером батареї, командував батареєю на вогневій позиції.

Розкажіть, у чому полягає специфіка?

Специфіка — працюємо ми на системах 2А65 «Мста-Б». Тобто це і ураження живої сили, легкоброньованої сили і ще можемо виконувати багато різноманітних завдань. На навчаннях командування визначало умовні цілі, а ми мусили вражати їх артилерійським вогнем.

А специфіка діяльності СОБа?

СОБ розраховує дані по цілі і вражає ціль по тим даним, які йому дав командир батареї. Якось так.

Опишіть Ваше життя під час Майдану. Чи брали Ви участь у цих подіях, і як загалом ставились?

У подіях Майдану я участі не брав, на той час я ставився негативно до цього. Я не можу, скажімо так, більш точно охарактеризувати ті дії.

А Ви цікавились тим, що відбувалось на Майдані? Звідкіля черпали інформацію?

Сильно так не цікавився, а дізнавався із засобів масової інформації — телебачення і радіо.

Але ставлення було переважно негативне?

Згодом ці події рознесли, ми почали розбиратись, розібрались, але не були ні за, ні проти, ска-

жімо так. Нейтрально, бо, по-перше, ми, як військовослужбовці, не маємо права брати участь у таких діях, а по-друге, наші дії визначаються насамперед Конституцією України.

Опишіть період, коли почались кримські погії.

Так, продовжую. Після цих навчань, в лютому 2014 я був призначений на посаду командира батареї. Військові дії почалися приблизно на початку березня. Ми виїхали третього березня у сторону Криму, дій не було, в той час у нас проходило злагодження взаємодії між підрозділами, тобто навчання і тренування. Протиправних дій [з боку] агресора не було.

А хто, на Вашу думку, був агресором на той час, місцеві сепаратисти, чи російські військові?

У мене нема відповіді на це питання, я не знаю, що було в той час.

Ви виїхали по тривозі?

Так, по тривозі.

Вам не доводилось спілкуватись з місцевим населенням?

З місцевим населенням ми дуже багато спілкувалися, воно дуже добре до нас ставилось, допомагали і в плані їжі, і в плані ремонту техніки, і водою, дуже багато допомагали. Надавали приміщення [колишніх] колгоспів, де була електроенергія і вода.

Опишіть побут під час вашого перебування там.

Все було добре, оскільки штатні військовослужбовці забезпечені і кухнями, і поварами, і наметами, де можна спати, жити. Бригада повністю забезпечувала продовольством.

А як харчувалися?

Харчувалися дуже добре, це називається пайок, де є і крупи, і тушонка, і консерви, цукор, все є.

А було де помитися, випрати одяг?

Було, ми душ самі зробили, можна було і одяг випрати, це було.

Не траплялося проявів ворожого ставлення з боку місцевого населення?

Були, несильні, але були. Головний негатив у тому, що люди могли в нашу сторону нецензурно висловитись, відвертались, не бажали розмовляти, в такому плані.

Скільки ви пробули в районі Криму?

Приблизно два з половиною місяці.

Бойових завдань не було?

Ні, не було.

Наскільки добре налагоджена взаємодія з іншими родами військ?

Все налагоджено по військовому зв'язку, все працює, нормально.

Я маю на увазі особисті взаємовідносини.

Відносини стали набагато кращими, ніж були у мирному житті. З початком бойових дій всі зрозуміли, що без допомоги інших родів військ ніхто не впорається, тому що, наприклад, таку роботу, як ми робимо, ніхто не зробить, і без неї вони нічого не зможуть зробити.

Так ви пробули там два з половиною місяці, а потім?

А потім в кінці травня ми перебазувалися у район Слов'янська, в зону АТО, де й почалися бойові дії.

Розкажіть як ви виїжджали в зону АТО, вас проводжали?

Ні, ми у Слов'янськ виїжджали, не заїжджаючи до частини, тобто ми з району Криму колоною висунулись у район Слов'янська.

Розкажіть про події в районі Слов'янська.

Як би це все правильно описати... Ми прибули в район Слов'янська, розмістилися там з другими частинами, потім нас проінструктував старший начальник, розказав що відбувається у тій місцевості, в тому районі, і потім почали виконувати бойові завдання. Тобто ми займали позиції і виконували вогневі задачі, які отримували від старшого начальства.

Наведіть пару прикладів.

Наприклад, ми брали участь у звільненні міста Слов'янська, працювали. Мотопіхотні частини, танкісти і піхота виконували свої дії для звільнення міста, а ми допомагали, працювали по супротивнику, виконували бойові завдання.

Вам доводилось безпосередньо стикатися із супротивником?

Це вжу було пізніше, в районі Старобешового.

А що Вам найбільше запам'яталося із подій, що відбувалися в районі Слов'янська?

Наприклад, коли ми пересувалися на бойові позиції — колона потрапила під обстріл, це було в нічну пору. Ми відбили напад і продовжили рух до заданих позицій, поранених і загиблих не було. Мабуть, це було перше враження, можна так сказати.

Опишіть більш детально свої враження.

Ми пересувалися в нічну пору, по трасі, обабіч була густа «зеленка» і з обох сторін почався потужний обстріл. З нами разом ще йшла колона піхоти зі своєю технікою. Ми спинились, відбили напад за допомогою стрілецької зброї і продовжили рух далі.

З чого вівся вогонь по вас?

Тільки зі стрілецької зброї. Потім ми прибули в район Слов'янська, там ворог не виявляв значну агресію в плані артилерії, скажімо так, але було дуже багато перехвачених колон, розстрілювали колони. Були також невеликі напади диверсійних груп противника, багато їхніх безпілотників літало, розвідували наші позиції.

А після того, як покружляв безпілотник, почався обстріл?

Масованого обстрілу не було, один-два постріли, бо у них на той час не було багато артилерії, це те, що ми знаємо. І також в той час було мало диверсійних груп, які намагались нам нашкодити.

У якому плані?

Вони вичисляли наше місцезнаходження, хоча ми часто переміщалися, але вони намагались вичислити нас і проникнути на нашу місцевість з метою знищити нас.

Вас прикривала тероборона?

Ні, в той час ще не було тероборони, були чисто кадрові Збройні сили, не загони територіальної оборони. Задача тих, хто нас прикривав, полягала у тому, аби до нас не підійшов супротивник, це була

їхня робота. Але в той же час, якщо доводилось, то і ми вступали у ближній бій.

Ви не дізнавались після ближнього бою, хто це був?

Ну, особисто ми не перевіряли кишені, цим займались піхотні підрозділи. З їхніх слів — це були мешканці Східної України, я не пам'ятаю, чи були тоді росіяни. Напевно, в той час вони ще були без документів. Були азіатської зовнішності, але без документів. А ті, хто з документами — мешканці Східної України.

Куди потім дівали їхні тіла?

Цим вже займались державні органи, передавали їх, куди потрібно, це вже не наша задача.

Скільки по тривалості ви пробули під Слов'янськом?

Я був під Слов'янськом з кінця травня до кінця липня.

Розкажіть про тамтешнє цивільне населення, про місцевих. Як вони до вас ставились?

Там було набагато гірше, звичайно. Були такі люди, як і в районі Криму, були і погані люди, але поганих було набагато більше.

А в чому тут проявлявся їхній негатив?

Наприклад, коли ми пересувались колоною — вони намагались перегородити дорогу, так само нецензурна лексика, різноманітні вигуки, таке.

На Ваш погляд, люди виходили перекривати дорогу самостійно, чи їх хтось організовував?

Я, звичайно, вважаю, що це було сплановано, бо були прояви організованості — плакати, значне

скупчення людей, які були впевнені [у своїй правоті].

А які написи були на плакатах?

Дослівно я не буду казати, але переважно нецензурною мовою говорилось, що ми загарбники, фашисти і таке інше, в такому плані. Я сам не знаю, але говорили, що наші служби знаходили потім людей, які це все спонсорували, всі ці перекриття, платили гроші. Їх потім, цих людей, ловили і вони зізнавались, що їм платили гроші і це все було організовано. Це я не бачив, але розповідали таке.

А як вирішували проблему з перешкоджанням руху колони?

Як правило, вирішувала місцева влада, тобто міліція, яка, скажімо так, розштовхувала цей натовп, або ми самі, але без рукоприкладства.

Просто відтіснили з дороги?

Або відтіснили, або поступово продовжували рух, а вони ж не дураки [за гроші кидатися] під машини, чого ж вони полізуть. У нас так було разів два, небагато.

Далі ми висунулися в бік Красного Лиману, так само звільняли ті місця, які були зайняті, умовно кажучи, сепаратистами: Слов'янськ, Красний Луч. Щоб ти розумів, в усіх місцях воно було все однакове. Піхота йшла в ближній бій, а ми були там, де потрібна була вогнева підтримка, де потрібне було ураження артилерії, ми ж не будемо стріляти, умовно кажучи, по одному чоловіку чи по одній машині, ми ж артилерія. Ми допомагали, коли піхота без нас не могла пройти, для цього і є артилерія.

А що розкажує піхота?

Брали в полон, дуже багато [сепаратистів знаходилося] у стані ефекту від чогось. І це звичайна війна, звичайний бій, тобто зі стрілецької зброї.

На Ваш погляд, яке співвідношення між російськими військовими і місцевими сепаратистами? Хто складає кістяк?

Чисто на мій погляд, в той час, влітку, я думаю, що процентів, напевно, тридцять — це російська армія, ще процентів тридцять — місцеві, а решта — бойовики з інших держав. А може й більше. Я не знаю, але багато було [представників] інших національностей.

Тобто місцевих сепаратистів там не так і багато.

Ну да.

Чи існує зв'язок між так званими «гуманітарними конвоями» і постачанням озброєння бойовикам?

Я думаю, так, оскільки були моменти, що не лише ми працювали, а й по нам.

А з яких видів озброєння?

Ну, так по розриву [снаряда] не скажеш, але з тієї самої артилерії. До конвою обстрілів менше, а під час «перемир'я» приходять конвої і починається їхній наступ, обстріли, напади на блокпости та інші, скажімо так, оборонні точки. Тому я вважаю, що там були не гуманітарні грузи, бо після їхнього приїзду починалися дуже жваві бої.

Тобто під час «перемир'я» бойові дії лише посилюються?

Так. Жодного разу не було такого перемир'я, коли було б спокійно, вони завжди починають діяти більш агресивно.

А крім Красного Луча де ще перебував Ваш підрозділ?

Сіверськодонецьк, Лисичанськ, Попасна, Первомайський, тобто у районі тих міст, які на той час були зайняті сепаратистами.

Там теж були активні бойові дії?

Ні, активних бойових дій там не було, бо [сепаратистів] там було мало, там населення більш проукраїнське. Після звільнення люди були раді нас бачити, в містах з'являлися українські прапори, українська символіка.

У вас були контакти з місцевими мешканцями?

Ми спинялись води набрати, люди виходили, спілкувалися, давали нам що могли, і м'ясо давали, продукти, чим могли старались допомогти.

Що було потім?

Ну от, після Попасної в липні я повернувся до військової частини для того, щоб сформувати нову батарею. Хоча я був командиром батареї, я був у даних діях старшим сержантом. Та батарея, в якій я був, залишилась там, а я повернувся до військової частини набирати свою батарею, сформовану з мобілізованих людей. Батарея сформувалася першого серпня, набрали людей, потім місяць були навчання, тренування, стрільби зі стрілецької зброї, навчальні стрільби із артилерійських систем.

На полігоні.

Ну да, на полігоні. І потім був наказ виїжджати в район Старобешевого...

На Ваш погляд, місячної підготовки було достатньо?

Думаю, для нашого роду військ цілком достатньо.

А за військовою спеціальністю мобілізовані – артилеристи чи ні?

Ні, це були різні люди, не лише артилеристи. Це були і артилеристи, і піхотинці, і моряки, і інженери, ну просто маса. Але навчаються люди дуже швидко, бо середній вік людей у моїй батареї приблизно сорок років, дорослі люди.

Вже з певним життєвим досвідом.

Так. Тим більше, вони добровольці, у них є бажання, жага, вони дуже швидко вчилися і у подальшому дуже добре себе проявили.

А звідкіля ці люди переважно?

Родом із Запорізької області, всі місцеві, в основному це Приморськ, Запоріжжя, Гуляйполе.

Ви з новою батареєю відправились під Старобешево...

Так, відправились під Старобешево, там нас зустріли старші начальники, у заданій точці, завели нас на обрану по їхньому рішенню позицію, обрану для виконання завдань. Прибули ми приблизно о восьмій годині вечора, працювали, тобто виконували завдання в район Іловайська, де був Іловайський «котел». Тобто ми допомагали хлопцям вийти звідти і намагалися відбити атаку. Це 24 числа ми прибули о восьмій годині вечора, а 25 о сьомій ранку

нас накрив шквальний вогонь супротивника, артилерійський вогонь. Там була і ствольна [артилерія], і системи запалювання, і «Гради», після чого були знищені наші гармати і техніка. У моєму підрозділі було троє поранених і один вбитий. Після таких дій [супротивника] ми відійшли і були направлені до Запоріжжя на перекомплектацію.

Тобто вся техніка лишилась там?

Так, практично вся техніка і гаубиці залишились там, вони були розбиті, згорілі. Ми коли виходили, звичайно, переглядали що можна було забрати, а що ні. Але було мало що забирати, бо майже все було знищено.

Били прицільно?

Били прицільно. У мене таке враження, що вони знали, де ми [знаходимось], або нас вислідили і били безперестанку в районі двох годин. Дві години лупили, лупили й лупили.

Чи можна говорити про те, що хтось, скажімо так, «злив» позицію?

Думки різні були, але ми не маємо права так говорити, бо це не відомо, чи було так, чи ні. Може, просто їхня розвідка спрацювала, ми цього не знаєм. Тут думки розходяться. Після того дуже важко виходили, люди були перелякані. Це ж, дивись, люди з «гражданки» прийшли, це їх вперше, що вони побачили, стали обличчям до обличчя зі смертю. Тобто було страшно і тяжко, як ми відходили.

Це вплинуло на бойовий дух?

Вплинуло, вплинуло. Частина особового складу відмовилась їхати знов. Але більшість людей

це навпаки загартувало, вони побачили що там насправді робиться, а не те, що розказують. І в них ще більше піднявся бойовий дух за нашу державу.

А багато людей відмовилось?

Приблизно чоловік 15.

Зі скільки?

Із 89.

Яке ставлення до тих, хто відмовився?

У кожного своє, але судити людей, звісно, нема за що. Але у кожного чоловіка є, так би мовити, борг перед Батьківщиною і перед сім'єю. Тебе ж жінка не піде захищати, правда? Якщо у державі таке трапилось, то звичайно, треба йти захищати. Тому, з іншого боку, дещо негативне ставлення. Але все-таки людину нема за що судити, якщо вона боїться або не може, якщо людині тяжко.

А контакти з ними підтримуються?

Ні, контакти, звичайно, не підтримуємо. Це переважно були ті люди, які мали схильність до вживання алкогольних напоїв, недисципліновані. Нормальні люди, які мають сім'ї, які мали роботу — вони всі залишились, а ті, які були по життю такими, — вони так і зробили.

Я правильно розумію, під Старобешевим не було ж оточення? Ви не перебували?..

Ні, ні, не перебували.

Але допомагали хлопцям, які перебували в Іловайському «котлі». Ви потім з ними разом відходили?

Ні, у нас з тими підрозділами був контакт чисто по військовому зв'язку, тобто ми їх не бачили, лише по зв'язку.

Ви говорили, що у Вашому підрозділі було троє поранених і один загиблий...

Так, було троє поранених, з ними все добре, вони були направлені на лікування, вилікувались і знову повернулись у мій підрозділ. І досі продовжують... А вбитий — це був водій, Вітя Катанов... Дуже хороший був чоловік, хороша людина...

Можете розказати про нього?

Так, можу...

Як його звали?

Його було звати Вітя, Вітя Катанов, він один син у матері був, батька у нього не було, не знаю, чи помер, чи разом не жили. Як водій, він був професіонал своєї справи. А після того, як ми повернулися, колектив батареї зв'язався з його матір'ю, допомагали їй, спілкувались. От зараз, 25 березня у нього був би День народження. Ми зібралися колективом батареї, провідали його на кладовищі. Багато хлопців приходили до нього, зв'язувалися з його мамою, намагались допомогти...

Одразу після обстрілу деяка частина людей не могла вийти, тобто вони залягли в посадках і у вириптих окопах, чекали, коли можна буде вийти. Зрозуміло, що цими діями керували офіцери (або по радіозв'язку, або голосом), намагалися вивести людей з найменшими втратами. Дехто встиг через поле відбігти в інший бік, таке. Після того, як скінчилися обстріли, офіцери виходили крайніми, дивились, щоб не залишилось людей і техніки. Ми відійшли кілометрів на 5 від того місця [обстрілу], виявилось, що не вистачало 8 чоловік. Мною було при-

йнято рішення висунутися на моїй машині командира батареї (це БТР) разом з частиною особового складу, з хлопцями, які зголосилися, повернутися назад, бо по тому місцю продовжувався обстріл.

Ми з пацанами повернулися, і по дорозі зустріли піхоту з танками, які вже зайняли оборону і чекали на наступ російських військ. Тобто до того місця, де ми були перед цим, де була наша позиція, нас не пускали, ми не могли підійти приблизно на 2 кілометри, бо піхота вже зайняла оборону, очікувався [ворожий] наступ. Але ж і хлопців кидати не можна було, тому ми поїхали туди. Ми вийшли з ними на телефонний зв'язок, дали орієнтири, куди вони вийшли і вони помалу вийшли. А в цей час тривав обстріл, противник просувався в наш бік. То було таке... Ми їх під обстрілом збирали і вони всі повністю повернулись. Всі, хто виїхав, усі повернулись. Таке.

А піхотинці, які спілкувались, що вони розказують? Що спонукало бойовиків взагалі прийти сюди?

Там багато не те що російських військ, а просто [найманців], щоб підзаробити грошей. Їм на той час платили великі гроші, тому вони приїжджали сюди, скажімо так, як на заробітки: постріляти, заробити грошей і поїхати назад.

Сафарі на «хахлов»?

Ну, скажімо так. Як виявилось потім, вони були мало обізнані з правдою, що тут і як, вони шкодували, але вже було пізно жаліти. Вони свій вибір зробили.

А після Старобешового?

Після Старобешевих ми направились до Запоріжжя, в бригаду, тиждень ми відновлювали техніку, готували батарею до виїзду, повністю сформували і виїхали в район Волновахи. Там так само зайняли оборону, так само з піхотними підрозділами виконували завдання, допомагали їм, тобто не давали супротивнику підійти ближче, піти в глиб держави. Там ми були з 1 вересня до початку жовтня.

Як складались відносини з місцевим населенням під Волновахою?

Під Волновахою ми дуже мало з ким контактували, тому конкретного я нічого сказати не можу. Так само були і хороші, і погані. Ми практично жили у лісах, у посадках, переховувались, звичайно, щоб все було скрито.

Жили в наметах?

Так, вже в наметах. Тоді нас виїхало 58 чоловік, бо деякі «закосили», відмовились, тому нас лишилось менше. І далі ми продовжували бойовий шлях у такому складі. Потім на початку жовтня ми перебазувались в район Авдіївки, і з жовтня 2014 до початку березня місяця 2015 ми перебували в районі Авдіївки.

Тобто ви нещодавно звідти повернулись.

Так, нещодавно повернулись. Там головна задача була — аеропорт, ми працювали в тому районі.

Ви допомагали «кіборгам»?

Так, захищали аеропорт, прикривали. Там було багато різних боїв, у самому аеропорту, ми там допомагали, так.

Опишіть побут, як ви перезимували.

Зимували у звичайних наметах, рили глибокі бліндажі з перекриттям, з колодами, зверху кле-йонка. Дуже багато нам допомагали волонтери: теплим одягом, буржуйками, багато чим, рукавиці, шапки, берці зимові, таке.

Це звичайні люди, чи якісь волонтерські організації?

Це були різні запорізькі волонтерські організації.

А можна згадати їх?

«Сестри перемоги» — дуже багато. Я так сильно не знаю, бо я до цього не касався, у мене [в батареї] були люди, які займалися цим, контактували з ними. От найбільше нам допомагали «Сестри перемоги», з цими людьми я був знайомий.

Вони приїжджали на фронт?

Ні, ніхто не приїжджав, бо ми ж працювали скритно, ніхто навіть не знав, де ми.

А жили ви як, в таборі, а на бойові виїжджали?

Ніхто не знав де табір, це все було через бригаду, вони через бригаду з нами зв'язувались, бригада давала машину, і привозили волонтерську допомогу.



Логотип фонду
«Сестри Перемоги».

Зображення
з офіційної групи фонду
[https://www.facebook.com/
Victory.Sisters.foundation](https://www.facebook.com/Victory.Sisters.foundation)

А до нас ніхто ні разу не приїжджав. По-перше, це дуже небезпечно, і ми самі не хотіли, щоб хтось знав, де ми [знаходимось]. Чим менше знають — тим спокійніше.

Розкажіть детально про події, які були в районі Донецького аеропорту.

Події всі ті ж самі, війна, вогневі завдання. Так само піхота десь там, десь там наступають вороги, ми їх спиняємо, допомагаємо нашій піхоті. Працювали, скажімо так, в інтересах механізованих підрозділів.

А які частини були разом з вами?

Зараз пригадаю, дев'яносто третя [Харківська механізована] і двадцять шоста [Бердичівська] артилерійська бригади. Тоді вже в нас була наша охорона — це були територіальні батальйони з Чернігова і Миколаєва. Отак.

А з тими, хто був безпосередньо у аеропорту, ви бачились?

Так, мало, але бачились. Вони до нас приїжджали щоб подякувати, побачити хто їм допомагає. Дуже, дуже дякували, це було дуже приємно. Багато хто говорив, що «кіборги» всесильні, а виявилось, що це ми всесильні, без нас було б дуже важко.

Скажіть, наскільки змінилась наша армія за цей рік?

Вона стала більшою, з'явилося нове обладнання, скажімо, для розрахунку даних. Це вже не советські прилади, а нові планшети з програмами. Метеостанції вже не советського зразку, а нові, компактніші, мобільніші, точніші. Тому армія сильно

змінилась, переозброїлась. Цього, звичайно, мало, хотілося б більше, але на даний момент поки так.

Як волонтери дізнаються що саме вам необхідно?

Коли в нас є якісь потреби – ми зв'язуємось із волонтерами і вони дістають те, що нам треба.

Наостанок, може, Ви хотіли б щось сказати тим, хто читатиме це інтерв'ю?

Я не знаю, що сказати. Ніколи війна нічого хорошого не приносила, тому я бажаю, в першу чергу, миру всім.

*«Я хотел бы сказать
людям: пускай поднимают
свою самооценку, гордость
за себя, за свою страну,
потому что страна
начинается с человека.
Если ты не будешь
гордиться собой и своей
страной, то будет то же,
что и сейчас»*

Ім'я: Олександр
Рік народження: 1979
**Місце служби: 55 оабр,
1 дивізіон, 3 габатр**
**Форма служби:
мобілізований**
Інтерв'ю записане
М. Павленком
26 березня 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.23.

Назвітьсь, будь ласка. Як Вам зручно, можете на російському, можете на українському, як зручно.

Александр.

Якого Ви року народження?

1979.

Де народились?

В місті Дніпропетровськ.

Розкажіть про воєнну службу: де навчалися, де служили?

Навчався в середній Гуляйпольській четвертій школі, потім ПТУ номер двадцять вісім, теж в Гуляйполі. Потім поступав в військовий інститут, хотів бути військовим, але побачив ситуацію поставила мене на правильний шлях, я не захотів служити в українській армії.

Що це пов'язано?

Це пов'язано з тим, що в ті часи українська армія, я вже не говорю про це, була вже нічим. Я був на факультеті авіаційних військ. Після цього служив в десятій бригаді спецназу.

Это в каком году?

В [19]97 – [19]99, город Старый Крым. После этого я вернулся в гражданскую жизнь. Отучился в Запорожье, в училище профессиональной подготовки сотрудников милиции, но тоже понял, что милиция это тоже не то место, где я должен находиться. После этого поступил в Академию управления информационных технологий, отучился на финансово-экономическом факультете, получил степень магистра экономики и финансов. В последнее время работал в отделе товаро-материального снабжения дочернего предприятия АО «Мотор Сич» в Гуляйполе, это гуляйпольский механический семьсот пятидесятый цех... Когда увидел, какая ситуация сложилась в стране во время захвата Крыма, пошел в местный военкомат, предложил свои услуги. Так я ходил в течение трех месяцев, пока не вырвал себе «путевку». Обещали отправить в десантуру, попал в артиллерию.

Получается, Вы в военкомат пришли в каком месяце?

Впервые я пришел в военкомат во время аннексии Крыма, сразу в марте. Она нашла мое личное дело, которое было устаревшее еще со времен моей демобилизации, там были устаревшие данные. Я дал им свой номер телефона, показал «военник», свои должности, все остальное, и предупредил, что я на связи, если есть необходимость – вызывайте. Прошло время, я пошел обратно, напомнил о себе. Последний раз я пришел... У меня там работал друг, в военкомате, сейчас он погиб под Мариуполем,

Царство Небесное... Он меня уже лично отвел к военкому, с которым я имел беседу, после которой мне моментально была выписана повестка, с которой я проходил комиссию.

То есть благодаря групу Вы смогли мобилизоваться?

Да, можно так сказать.

А как получилось, что Вы попали именно в артиллерию?

У меня была другая специальность. Мне сказали два варианта: или в десантуру, или... Связанное с охраной артиллерии, поскольку она по сути своей уязвима, потому что нужен определенный период на разворачивание и сворачивание, то есть мы должны контролировать линию фронта, чтобы не произошло нападение живой силы. Ну, так мне рассказывали. Получается, я сюда приехал, у меня высшее экономическое образование, высшая математика, и командование возжелало, чтобы я стал командиром орудия. Я пошел на [должность] командира орудия.

Первый дивизион, третья батарея, а какой номер орудия?

Я был командиром третьего орудия. Но когда организовалась группа, я в нее вошел, то есть отказался от должности, потому что я не мог быть и в разведке, и возле своего орудия одновременно.

Расскажите о специфике Вашей деятельности.

Ну, какая тут специфика. После того, как орудие развернулось, мы с группой выдвигаемся вперед, осматриваем территорию, делаем себе «секреты» и

наблюдаем за местностью. Когда приходит команда «к работе» — мы возвращаемся, работаем с оружием. Когда батареи отработали — мы обратно возвращаемся на свое место, наблюдаем территорию, докладываем.

То есть основа Вашей деятельности — наблюдение?

Да, наблюдение.

В первый раз вы выехали в район Старобешево?

Да, под Старобешево. У нас была машина, которую мы восстановили, можно сказать, за свои деньги. За сутки до выезда у нас ее забрали, отправили на празднование «Дня Победы», а нам дали машину, которая ломалась по дороге более пятнадцати раз. Это все довольно весело происходит, когда машина ломается. Колонна останавливается, войска занимают круговую оборону, а водитель в этом кипише ремонтирует машину, и выдвигаемся дальше. Ну, благодаря этому мы километров пять не доехали до точки, где должны были стоять, которую уже «пылесосили» «Грады».

То есть можно говорить, что ваши позиции были уже заведомо известны?

Можно сделать только вывод, предположение. Мы развернулись, заехали в населенный пункт, в это время экстренно искалась другая позиция, которая впоследствии была за Старобешевым, но стратегически была неподходящей, поскольку находилась на верхотуре — перед нами никого не было. Мы когда в разведке находились — буквально в шести километрах от меня велись боевые действия.

То есть совсем рядом.

Да.

Под Старобешевым вы сколько пробыли?

Юрій: Двадцать четвертого мы приехали, а двадцать пятого нас разбили.

Олександр: Без пятнадцати семь начался обстрел, а к обеду от нашей батареи ничего не осталось. Вся соседняя батарея тоже.

Соседняя это какая?

Тогда она называлась шестой, а сейчас вторая. То есть со всей техники у нас там осталось восемь машин, а было пятьдесят. А поскольку машины еще груженые боеприпасами, то прямые попадания вызывали [детонацию и] взрыв двух-трех машин, три машины с боеприпасами взлетели в небо... Стояла третья батарея, а дальше шестая батарея, мы поехали в разведку на «ГАЗоне», когда проехали шестую, возле нее остановились, нас командир инструктировал, мы не успели отъехать и нас начали накрывать. Получилось, что мы находились на территории шестой батареи. Сначала были минометы, а потом «Грады». Работали по шкале двести.

Что это такое?

Это когда бьют и по точке, и по отступлению, удар сзади, не дают тебе отойти. Благо, что ребята успели сделать хоть какие-то окопы, я в окоп заскочил, лег, а пол-плеча выглядывает.

То есть не успели даже толком окопаться.

Да, не успели. Наша батарея вообще не успела окопаться, потому что мы заезжали на эту позицию

последними, и пока шестая батарея окапывалась — мы уже начинали работать.

Расскажите, как вы ездили в разведку.

Ну как... Поступил приказ, надо было менять позицию, собралась моя спецгруппа, собралась спецгруппа шестой батареи (это, получается, по шесть человек с батареей). Был дан приказ садиться в «ГАЗон» и искать территорию [для новой позиции]. Если там сепары — то зачищать ее. На мой вопрос: «Как ехать на «ГАЗоне», котрый простреливается со всех сторон?», — был дан ответ: «Вы что, не понимаете приказа?» Мы сели в этот «ГАЗон», прикрепили к нему вот такой большой флаг Украины и готовы были ехать. Только начали отъезжать, произошел первый минометный взрыв, рядом. Первыми выстрелами выводились из действия «СОБовки», вторыми били по БТрам, а потом начали бить по машинам и по орудиям.

Насколько прицельно они били? Можно ли говорить о том, что с той стороны были профессиональные артиллеристы, а не местные «ополченцы»?

Прицельно, потому что у них был корректировщик. Я бы сказал, что за время нашего нахождения там разительно видно, когда происходит работа местных, так сказать «ополченцев». «Градины» прилетают в сторону, метров на триста, то есть или недолет, или перелет. Вот в Иловайск было вторжение российских войск — там чувствовалась профессиональная работа, потому что первое попадание развалило «СОБовку», то есть место, где

должен находиться офицерский состав батареи, вот ее разнесло первым попаданием.

Опишите более детально как это все произошло.

Как это происходило: мы приехали, стали на позиции, нам дали координаты со временем, навелись, начали работать, прекратили огонь. Через определенное время обратной командой дали координаты, мы снова работали. Под утро мы поработали, потом передышка, мы зарядились, получили новые координаты и в семь часов должны были уходить оттуда. Мы выехали в разведку и вот не успели еще проехать и километр, остановились возле командования, которому мы тогда подчинялись (я не говорю про нашего комбата, там было вышестоящее командование, которое диктовало ему). В это время мы только ехали искать позицию, хотя через пятнадцать минут все должны были сворачиваться и уходить... Ну, как тебе сказать... Организация тогда была на таком уровне, что мы все находились просто в непонятках, даже если сравнивать с моей срочной службой, это было просто... Никакого нормального приказа, никакой информации, типа: «К вам сядет человек, покажет [дорогу]». Я же должен что-то думать, принимать какую-то стратегию. На этом «ГАЗоне», который со всех сторон, там полборта деревянного, чтоб нас один пулеметчик скосил?

То есть организация была построена таким образом, что вы должны были туда захватить, и там остаться? Ну, если говорить прямо.

Ну да. Если бы мы попали на какую-то «секретку» с пулеметом, то это сто процентов было бы просто мясо.

Потери большие были в районе Старобешево?

«Двухсотых» было два, «трехсотых» около пятнадцати человек.

Расскажите о погибших ребятах.

Один из погибших был с моего орудия, Катанов, сам из Запорожья. У него был дух воина, но военной подготовки было мало, элементарное обращение с автоматом... Но было огромное желание защищать Родину. Пацан был, как говорят, мухи не обидит. С ним было приятно пообщаться, восприимчивый был... Как по мне, мобилизационный набор должен не так проводиться, совсем не так... Ему перебило артерию в паху, а поскольку на тот момент у нас было шесть жгутов на всю батарею и выезжали мы вообще по-смешному, нам сказали туда собрать все личные вещи, погрузить кровати, всю остальную лабуду... То есть пока мы подготовились к выезду, пока погрузили снаряды, необходимые для нас, пока подсоединили орудия, загрузили личные вещи — очень устали физически, мы уезжали настолько истощенными этими физическими упражнениями... Потом по дороге много раз ломались — это тоже. То есть все было настолько глупо и нехорошо...

Это первый погибший. А второй?

Второго я помню только имя — Юра, он погиб, когда я находился... Он с шестой батареей, нынче второй. Ему осколком снесло пол-лица, он лежал, у

него челюсть вывернутая была... Потом собирали... Леха, ему ступню оторвало... Да... Я мотал капитана, контрразведчика, как он мне сказал, рядом в окопе лег. Ему осколком перебило кость, закрытый перелом со смещением, видимо, он бежал, нога на сантиметров десять стала короче. Да... Медик у нас был, который получил медальку за спасение, которого мы сами тягали, тяжелее, чем «трехсотого», капитан, тоже на «Близнецах» сейчас находится. Он человек хороший, никто не скажет, просто он не был готов к этому. Второй медик, именно с нашей батареей, возвращались с ним, забирали «двухсотых», «трехсотых», вывозили...

Хорошо. По поводу шестой батареи: когда она стала второй?

Весь состав, который был с нами, остался тот же, им дали, как и нам, новые орудия, назвали ее второй, и мы поехали вместе с ними же через пять или шесть дней под Волноваху. Само интересное, что находясь там, работала только наша батарея, хотя с двенадцати орудий мы могли нанести противнику намного больше повреждений.

С чем это связано?

Просто все выполняется по команде. Если бы давали координаты — мы бы работали, а их просто игнорировали. Как — я не знаю, это вопросы не ко мне.

Вам приходилось лично стыкаться с сепаратистами или с российскими военными?

Когда выходили, я пулеметчика «завалил».

Расскажите более детально.

Выгнали «живые» машины, проложили путь через посадку, поломали деревья, выехали на поле, погрузили «трехсотых». Минут пятнадцать потеряли, наверное. Заскочили в машину, начали ехать, я услышал пулеметные очереди, а у нас ни у кого пулеметов не было, понимаешь? Ни гранат, ничего, один автомат, четыре рожка, все. Значит работает пулемет — кто-то не наш. Машина начала останавливаться, ящики стоят в машине сложенные, я заскочил на ящик, разорвал руками брезент, это все на адреналине. И когда я выходил, сложилось так, что он как раз у меня в прицеле оказался. Я его просто застрелил, и все, и вышли из машины. Просто ситуация такая, машину положило на левую сторону. Выгрузили «трехсотых», перегрузили в ту машину и получилось, что человек двенадцать не влезло в машину. Я с ними пошел пешком, начал выходить. По дороге был водитель шестой батареи, Иван Иванович, большое ему спасибо. Человек вернулся уже с пустой машиной, когда высадил тех, и мы под прикрытием машины уж вышли к самому населенному пункту Старобешево.

То есть он вернулся когда Вы с ранеными шли по дороге?

Да, вернулся и забрал нас. Потому мы выходили под прикрытием машины.

После Старобешево вы вернулись в Запорожье...

Вернулись, нас сначала не хотели выпускать, я так понимаю, чтобы информацию замять, но информация пошла, рассказывали, что «двухсотые» это без вести пропавшие и тому подобное.

Потом пытались с нас дезертиров сделать, типа мы самовольно покинули... Потом пошла информация, что убитые и раненные — это в колонне... Просто информация уже потеряна, потому что первого сентября моя дочка должна была идти в школу, в первый класс, а я ночью с тридцать первого на первое поехал в Волноваху. И потом мы уже читали все это газете.

Юрій: Они просто не ждали, что мы вернемся.

Олександр: Да. Под Волновахой, когда мы договор подписали, сразу стало видно, что работают «сепараторы», потому что ни попаданий, ничего.

А с местным населением вы сталкивались под Волновахой?

Стыкались.

Как они реагируют на наши Вооруженные силы?

Бывали такие места, где нам махали, кричали: «Слава Украине! Героям слава!»

А можно назвать пару примеров недружественного проявления со стороны местного населения?

Ну вот, если Вы с Лешей общались...

Нет, я еще не пообщался, мне его заочно представляли.

Ну попробуйте пообщаться. Это то, что я лично видел: когда у него было ранение, мы его отвезли в старобешевскую больницу, а там местные находились. Они нам начали рассказывать, что типа сюда продвигаются российские войска, в нашу сторону, потому прячьтесь по подвалам, прячьтесь. Мы им отвечали: «Это вам надо бояться, нам бояться нечего, сюда идут свои».

То есть они ждут, пока сюда придет «русский мир»?

Кто ждет, кто не ждет, у каждого свое мнение.

А Вы с ними не общались по этому поводу? Почему они ждут Россию?

Как бы тебе сказать, времени на общение с местным населением нет, потому что тогда была такая ситуация, что большая масса шла на Мариуполь — надо было работать. Ты работаешь, после того, как отработал, ты артиллерист, грузчик, повар, все в одном лице. На боевых ты стреляешь, по приезду грузишь снаряды, комплектуешь себе машину, приводишь в порядок оружие. А надо же еще себя привести в порядок, как-то попробовать отдохнуть. Потому мы выбираем такие места, чтоб подальше от местного населения. Ты сам понимаешь, нас ищут, по нам будут крыть...

То есть главная цель — не подставить местное население.

Конечно. Мы все время проводим в посадках, лесках, по полям, и все остальное.

Опишите более детально быт, например, по Волновахой как вы жили?

Лесок, мы сами себе рыли окопы, блиндажи, и там жили.

Это все вручную?

Все вручную, инженерных приспособлений я за всю службу не видел ни разу, чтобы нам помогали. И на боевых, когда ты выезжаешь, на одном поле стоять — роешь, потом переезжаешь — снова роешь, ты уже, можно сказать, мастер земель-

ных работ. Спасибо людям и волонтерам, которые помогали, потому что государство, к сожалению, закрывает на это глаза. Привезли нам палатки, и мы поставили их, сразу возле выхода окоп, чтобы успеть нырнуть во время обстрела, костерок, с ящичков столик себе сделали, стульчики, сами себе готовим покушать, каждое орудие готовит.

А питаєтесь як, сухпай, или бывает и вареное?

Ну, под Старобешево у нас был чисто сухпай. Под Волновахой был сначала сухпай, а потом у нас появились крупы, хлебозавод начал привозить нам хлеб, тоже большое им спасибо. То есть быт начал потихоньку налаживаться.

А волонтеры, это какие-то организации, или просто люди?

Гуляйпольские волонтеры помогают, запорожцы помогают, «Сестри перемоги». Я всех названий не знаю, но я благодарен им всей душой.

Насколько сильно помогают волонтеры, если сравнивать с государственной поддержкой?

На девяносто пять процентов. Потому что я зимней формы не видел, которую нам должно было предоставить государство. Мне по приезду сюда дали берцы, которые ноги раздерли, через день я купил себе сам, дали форму, в которой нереально ходить, я сам покупал.

А под Волновахой вы сколько стояли?

Вроде чуть больше, чем полтора месяца, до двух месяцев. Ты знаешь, там время идет так, что ты можешь спросить какой сегодня день, число и месяц [и я не смогу ответить].

Были какие-то эпизоды, о которых можно было бы рассказать?

Там эпизодов много. Когда ты помогаешь семьдесят второй или девяносто третьей [бригадам], едешь, а ребята тебя видят и кричат: «Спасибо». Были случаи, когда ребята буквально падали на колени. Вот после этих случаев я перестал жалеть, что не попал в десантуру, начал видеть толк в артиллерии. Но все равно я считаю, что желательно отправлять человека туда, где он служил, если он разведчик — отправить в разведку, а не переучивать за месяц в артиллериста...

По Вашему мнению, достаточно ли месячной подготовки?



На чергуванні

Это больше зависит от умственных способностей. Кому-то достаточно, кому-то не достаточно. Кто-то этот опыт получал уже на боевых.

Там уже учишься намного быстрее...

А там уже выхода другого нет: либо ты выучишься, либо...

А какие ценности приобретает человек на войне?

Такие же, как и везде: коллектив, дружба, взаимное понимание, взаимная выручка, уважение.

А какие ценности приобрели лично Вы?

Я начал больше ценить то, что у меня есть.

Это жизнь, семья?..

Семью я всегда ценил, я больше понял ее значимость для меня. Зачем придумывать велосипед, до тебя все было сказано умными людьми: «Для того, чтобы понять цену чего-то, надо его потерять или лишиться на время». Потому, когда ты месяц не купаешься, а потом первый раз обмылся с какой-то кружки — ты чувствуешь удовольствие в сто раз больше, чем от джакузи.

А как с мытьем, со стиркой обстоят дела?

Все делаем сами. Была у нас парилка, мы ее сделали сами из ящиков от наших снарядов.

Парилка? Опишите, пожалуйста.

Ну как, вот такой квадрат, здесь вход, внутри кирпичный дымоход, стоит буржуйка, на ней ведро воды. Все это обтянуто полиэтиленом. Там, правда, помещалось максимум два человека. Но можно было зайти, нормально обмыться.

А со стиркой как?

А никак. Там специфика местной воды, что в ней даже мыло еле мылится. Просто всю эту пыль, гарь ополоснул, повесил, просохло, и все это одеваешь снова.

То есть вода там соленая?

Ну, скажем так, жесткая. Пить ее тоже желательно только кипяченой. Под Волновахой вода была более качественная. От воды много проблем. У нас один парень от воды и сухпая язву получил. У меня тоже предъязвенное состояние. Под Волновахой мы длительный период питались консервами, тушенкой, ты сам знаешь какого они качества, которые нам дают. Тем более в вечернее время костер не разведешь, постоянно летают беспилотники, в семь часов начинало темнеть, все костры тушились.

А зимой как без костра?

А зимой просто палатка, а в ней буржуйка.

После Волновахи куда следующий выезд был?

Следующий выезд был в сторону аэропорта, держали направление аэропорта.

Вы перед этим были в Запорожье?

Нет, сразу с Волновахи переехали туда.

То есть без отдыха, сразу.

Ну да.

В районе аэропорта вы сколько пробыли?

Ну, вот, и по сей день.

То есть вы и сейчас там?

Да.

Расскажите, в чем заключается специфика работы по аэропорту?

Все то же самое, есть лагерь, есть боевые... Просто там труднее, потому что мало огневых позиций — они по каждой позиции уже пристрелялись.

Часто были обстрелы?

Да. Потеряли орудия, благо хоть не потеряли живую силу. Успели спастись, благодаря четкой работе командиров.

Приходилось очень быстро переезжать?

Да, да, да. «Градами» накрыло два орудия, мы их сами ремонтировали, меняли станины.

В районе аэропорта работали россияне или сепары?

Было несколько сработок, так сказать, четкие. А так, в основном... Есть разительный контраст, когда несколько дней работают очень красиво, а потом прилетает за триста метров слева, благо там были железная дорога, насыпь поглотила этот удар.

С каких видов оружия вас обстреливали, кроме минометов и «Градов»?

В основном это и есть минометы или «Грады»... Ну и под Старобешево был [произведен] обстрел из пулеметов.

Ближнего боя, кроме того случая, у Вас больше не было?

Нет, не было. У нас же своя специфика, сам понимаешь.

А многие выезжают оттуда в качестве беженцев?

Я думаю, что все, кто хотел и мог, уже выехали.

Много пустых хат в населенных пунктах, которые вы проезжаете?

Понимаешь, мы выбираем такой маршрут передвижения... Вот если ты смотрел, на сепарских сайтах есть страница информирования: если увидели, то звоните по такому-то телефону, получите бонусы, в таком плане. Потому мы стараемся наше передвижение организовать так, чтобы поменьше находиться возле гражданских.

А с «киборгами» вы имели контакт в аэропорту?

Ну, когда ездили забирать корректировщиков, такие же люди, из костей и мяса.

Что они говорили?

Да что они говорят, такие же проблемы, их беспокоит и угнетает то же самое. Ротация была, в спешке забыли забрать несколько человек, которые находились в другом месте заблокированы. Связь с ними была пока у них не сели аккумуляторы...

Ну, их потом забрали?

А вот это самое интересное, история умалчивает. По крайней мере, я не знаю.

Известны ли Вам случаи мародерства в АТО?

Я скажу, что у нас очень хороший коллектив, большинство — добровольцы, которые шли туда совсем с другими намерениями. Все, кто был морально не готов, они отсеялись, и на данный момент остался основной костяк. Хотя это и вызвало некоторые трудности, потому что на орудии не хватает людей, но все равно.

А сколько должно быть человек на орудии?

Девять.

А реально?

Реально шесть или пять. Смотря какое орудие.

Ну, мобилизация проводится постоянно, а эти «вакантные места» замещаются?

Мы таким составом ездим с первого дня. Просто тех, кто «выпал» ввиду некоторых причин заменили другие люди. А мобилизация проводится для формирования новых единиц, которые выполняют свои боевые задачи.

Чего не хватает нашей армии в данный момент? В материальном плане.

Всего. Ну, скажем, зимой не хватало обмундирования, и собственно, если бы не волонтеры, то было бы горько.

А сейчас?

Вот поедем, будем смотреть. Я просто в госпитале лежал длительное время.

А в плане вооружения?

Ну, например, если бы была снайперская винтовка, то под Старобешево можно было бы корректировщика снять. Пулемет тоже хорошо было бы...

А эти вопросы когда-то поднимались?

[Сміється].

Я понял. Как Вы считаете, какие причины этой войны?

В отсутствии нормального государственного руководства, высшего руководства. Плюс отсутствие нормального поднятия патриотизма и национальных ценностей у людей, которые видят Родину там, где «жирнее» и «вкуснее».

По Вашему мнению, как долго продлится эта война?

Я думаю, что ей еще не время заканчиваться в виду объективных причин. Если президент говорит одно, а на деле — второе, то умный человек, проанализировав это, понимает, что сейчас идет хорошее отмывание денег и зарабатывание капиталов. То есть пока они не насытятся, пока их не разопрет и они не лопнут — это будет затягиваться. Зачем все эти мирные договора были? Были такие периоды, когда они, как по мне, вообще не нужны были. Вот этот мирный договор, что он дал? Он дал, что пацанов в аэропорту похоронили. Или Дебальцево, когда президент кричал, что там нет «котла». А как не было, там же наши стояли, если ты им звонишь и они говорят, что у них уже семь дней не было подвоза боеприпасов, то как это не «котел»? Значит никто проехать не может, правильно? Иловайск, который до сих пор засекречен почему-то. Те же самые «люстрации». Для этого большого ума не надо: есть Интернет, возьми списки, посмотри тех, кто сейчас находится в правящих партиях, сколько там бывших «регионалов». То есть это просто круговая порука и интерес капиталов. У нас в городе те, кто возили [«титушек»] на антимайдан, сейчас осенью, я думаю, будут выходить под новыми флагами [на местные выборы].

А по поводу Майдана: как Вы относились к этому явлению?

Я — никак.

Ну, более негативно, или более позитивно?

Мне не нравились те законопроекты, которые бывшая власть пыталась провести. Мне не нрави-

лось то, что сделали студенты. А еще больше мне не нравились вот эти люди, которые кричали: «Кулю в лоб!». Потому что сразу было видно обратное, эту политическую проституцию я уже тогда предполагал, что будет то же самое, что и с «Помаранчевой революцией», то есть определенные люди ее используют в своих личных целях. Так и произошло. Я сразу проанализировал и определился. Есть такой анализ: убираешь белый шум и смотришь. Потому вот так.

Хорошо, может есть моменты, о которых я не спросил, но Вы могли бы рассказать?

Ты знаешь, если бы ты не попросил, я бы и не рассказывал даже этого. На эту тему вообще не хочется разговаривать.

Есть над чем задуматься...

Есть над чем задуматься. Тут все воюют не за Порошенко или за кого-то другого, тут воюют за страну, за то, чтобы к нашим семьям не дошло то г..., которое там творится, потому что все все прекрасно понимают. Помнишь, когда под Волновахой очередной их мирный договор был, когда наши войска оттянулись, а эти сразу же заняли позиции и в интернете пошло, на сепарских сайтах: «Мы такие классные пацаны, отвоевали пятнадцать километров». Там, получается, они должны были на пятнадцать километров отойти, создавалась буферная зона, тридцать километров, я помню, должна была быть. Они умно сделали, мы отошли, а они — бах, на все готовое и кричат: «Какие мы классные». Хотя в тот момент наша сила преобладала. Мы как бы

находимся в некотором информационном вакууме, но некоторая информация проходит. Вроде бы север России хотел отделяться, пошли такие настроения, и резко после этого качество их боеспособности ухудшилось. Прошла информация, что Путин оттянул войска. Ну, это информация на уровне слухов.

А когда вы находитесь там, откуда вы черпаете информацию?

В основном разведка или Интернет. Мы были в таких зонах, где нельзя было пользоваться телефоном или Интернетом, держали молчание, потому что нас могли определить по телефонам. Просто по дороге [на боевые позиции] набирались родные и они быстро рассказывали ситуацию, которая творится. Напрягает тоже ситуация, когда я, находясь в армии, получаю зарплату и плачу с нее налоги на себя же. Смешно. Моя семья тоже платит налоги. Плюс до сих пор никто не имеет никаких льгот, ни по оплате, ничего. Вот как ты думаешь, какое будет настроение у воюющих людей, когда ты домой звонишь, а родные говорят... У нас один пацанюра месяца два или три не получал ни зарплаты, ни «атошных», ничего. Он сидит, плачет, говорит: «Я не поеду туда, потому что я пришел домой, открыл холодильник, а там лежит кетчуп и буханка хлеба».

По Вашему мнению, насколько вероятно создание «ЗНР» здесь, в Запорожье?

Ты же сам запорожец?

Ну да.

Ты сам видишь реалии. Все эти Сины, самоликвидировавшиеся Пеклушенки... О чем это гово-

рит? Я сейчас не говорю о новой власти. Просто старая власть, которая сейчас осталась при делах, она просто зачищает следы, все пути, все ниточки, которые могут привести к ним. Хотя старые схемы Запорожья остались на местах, все работает по-старому, только цены увеличились, «откаты» так называемые. Это, конечно, очень угнетает, потому что если это будет — с нас такой спрос будет потом.

А насколько это вероятно?

Ну, пятьдесят на пятьдесят, или будет или нет.

Я прошу прощения, что Вы из-за меня пропустили ужин, крайний вопрос. Может, Вы хотели бы что-то передать, пожелать тем, кто будет читать это интервью в последующем?

Я хотел бы сказать людям: пускай поднимают свою самооценку, гордость за себя, за свою страну, потому что страна начинается с человека. Если ты не будешь гордиться собой и своей страной, то будет то же, что и сейчас. И правительство должно понять, что национализм есть правильной формы. Патриотизм — это необходимое, но это не значит кричать с экрана, а реально показывать на деле. Я последнее время не смотрю телевизор по простым причинам: там идет именно выедание мозгов. Включаешь музыкальный канал — порнография, реклама алкоголя. Фильмы... Кто в фильмах сейчас главный — или мент, или бандит. То есть определенному поколению навязываются определенные понятия: вечно молодой, вечно пьяный, все. А быдлом легче управлять.

То, что и надо всем правителям.

То что надо, да. А человек образованный, юридически подкованный, гордящийся собой и своей страной — это и будет Европа, когда при малейших ущемлениях будут демонстрации, защита своих прав. Зачем это им надо?.. Потому пускай люди начинают самообразовываться и начинают уважать себя. Если этого не хочет государство — хотя бы сами.

«Я для себя сделал такой вывод, что лучше пусть мне будет страшно где-то там, чем стыдно дома смотреть в глаза родным, что я прячусь. Я не могу от этого убежать»

Ім'я: **Павло**
Рік народження: **1984**
Місце служби: **55 оабр, 1 дивізіон, 3 габатр**
Форма служби: **контрактна**
Інтерв'ю записане М. Павленком
27 березня 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.25.

Назвіться, будь ласка.

Меня зовут Павел, воинское звание — лейтенант.

Какого Вы года рождения?
1984.

Откуда Вы родом?
Из города Запорожья.

Расскажите о довоенной жизни.

Закончил Запорожский национальный технический университет («машинку»), там же прошел военную кафедру по специальности «самоходная артиллерия». После завершения учебы пошел на Запорожский трансформаторный завод, где работал инженером-конструктором. Примерно 28 июля мне позвонили из военкомата, поскольку я после кафедры офицер запаса, я на следующий день явился в военкомат и 31 июля я уже был в бригаде, уже был военнослужащим Вооруженных сил Украины.

Вас направили в третью батарею?

Да, меня направили в первый дивизион, третью батарею, к комбату Александровичу. Немножко

было страшно, потому что я человек не военный, а в стране ситуация военная, я понимал, что иду на войну, были всякие сомнения. Я для себя сделал такой вывод, что лучше пусть мне будет страшно где-то там, чем стыдно дома смотреть в глаза родным, что я прячусь. Я не могу от этого убегать, потому по первому звонку явился в военкомат и пошел в армию.

А как Вы смотрели на события Майдана, погдерживали?

Я никаких активных действий нигде не принимал. Но отношусь я патриотично, болел душой, когда это все у нас происходило, но на Майдан не выходил, потому что у меня очень тяжелый график работы, я работал по двенадцать часов. Ну и меня настораживали вот эти драки, заварушки какие-то, я не выходил.

То есть Вы не участвовали, но за новостями следили в этот период?

Я все время следил, сейчас это называется «диванная армия», тогда я был, можно сказать, в составе этой «диванной армии», сопереживал за то, что происходит в стране.

«Диванная сотня».

Да-да-да, точно.

А с каких источников Вы черпали информацию в то время?

У нас с женой не было телевизора, мы только переехали в новую квартиру и в то время смотрели только Интернет, смотрели русские сайты, наши сайты, их каналы, наши каналы.

Сопоставляли?

Сопоставляли, сравнивали. Сразу стало понятно, что там очень выворачиваются мозги от этих русских каналов, потому информацию брали в основном из Интернета.

Что Вам наиболее запомнилось из событий Майдана?

Наибольшее запомнились слова одной женщины, которая сказала примерно так: «Спасибо президенту Януковичу, который уже второй раз собрал наш народ на улице. Против себя». Он мог сплотить, но... Тогда еще не было побоищ, драк, но уже звучали такие слова. Они мне очень запомнились. Я считаю, что у нас золотые люди, они не сидят, как говорится, «моя хата скраю», если будет надо, то все пойдут и будут добиваться своих прав.

А когда началась оккупация Крыма, как Вы отреагировали?

Ну, какая реакция. Тогда мое мнение было, что правильно сделали, что отдали Крым почти без боя, потому что если бы начали вооруженное сопротивление, то там было бы очень много потерь, обидно было бы за наших ребят, которые толком... Тогда у нас и армия была непонятная, такой бардак происходил, не было четкого понимания. Жаль, конечно, что отдали, но там очень большая поддержка русского населения, которое там проживает. А там время покажет чей Крым, как говорится. Грустно было, попереживал, конечно...

А из крымских событий что Вам запомнилось?

Запомнился марш [в Бельбеке]. Марш наших солдат, которые без оружия, под флагами и с гимном Украины шли на встречу этим «зеленым человечкам», которые были вооружены и стреляли над головами. А они все равно шли и заняли обратно эту взлетную полосу. Это было большое впечатление, они молодцы, поступили по-геройски. Это мне запомнилось больше всего.

Как Вы считаете, какие причины этой войны?

Трудно сказать, но я считаю, что эта война не была спонтанной, оно явно заранее готовилось, все было организовано и продумано. Это все давно подготавливалось, начиная с разрушения Вооруженных сил. Потому эта война рано или поздно началась бы.

Ну а какие-то объективные причины?

Ну, мы с женой считаем, что Россия начала готовиться к войне, еще когда был Майдан в 2004 году, когда поняла, что народ может категорично заявить: «Нет!» и не согласиться с режимом, который нам поставит Россия. У нас ведь люди не такие, что будут по стойке смирно стоять, молчать и бояться. Наши люди пойдут с «коктейлями Молотова» на власть.

То есть ключ к пониманию находится еще в событиях десятилетней давности?

Да, я так понимаю. Но это чисто мое мнение.

Как Вы относились к россиянам до войны?

С уважением, всегда с уважением. Я работаю на заводе, хозяин которого в Москве. Он украинец, но живет в Москве, то есть у нас русский завод, много

заказов в Российскойскую Федерацию, Казахстан. Там очень умные люди работают, мы с ними очень связаны, чисто по работе. К России я всегда относился с уважением.

А Ваше мнение сильно изменилось после начала войны?

Я просто поражаюсь тем людям, которые зомбируются. Это грамотные, умные, адекватные люди, но что им вкладывают в голову. Россиян я уважаю, а москалей не люблю, как сейчас говорят.

То есть Вы разделяете на москалей и россиян?

Недавно видел интервью, что в Москве цены очень поднялись, доллар вырос. И одна женщина говорит, что мол, жить стало тяжело, просит отменить санкции, но: «Войну мы все-таки выиграем». Я не знаю, как они там смотрят новости, что они думают. Они считают, что Россия делает добро, всем помогает, вытаскивает из бед, спасает мир от фашизма, от национализма, а весь мир вводит ей санкции.

Видимо, у них нарушено понимание причинно-следственных связей.

Наверное, они считают, что выиграют войну... Это сугубо мое личное мнение, я так скажу, что они сами захлебнутся в своей подлости и злости, ведь что посеешь, то и пожнешь. Какими методами они руководствуются? Как говорил их президент: «Первыми пойдут женщины и дети, а войска будут стоять за ними...». Эта злость поглотит Россию, они сами себя уничтожат, потому что этот

режим не сможет долго стоять. Потому я считаю, что у нас все получится.

А что нам еще поможет победить?

Украине поможет борьба с коррупцией. То есть люди сами увидят, что власть делает все для народа, а это еще больше поднимет дух людей, мы поймем, что не зря воюем. Почему многие у нас не идут в армию? Потому что они понимают, что у нас то ли сливают войска, то ли отдают их просто так под бой. Многие люди сомневаются в адекватности руководства, потому не хотят идти воевать. Я вот дома встречаю людей, спрашивают: «А что там происходит?» Говорю: «Ты же новости смотришь». Отвечает: «Там неправду показывают». У нас уже тоже показывают неправду, потому люди сомневаются, боятся. Мое мнение таково, что когда люди будут чувствовать, что власть о них заботится, тогда будет



*Самохідна артилерійська установка
Збройних сил України*

порядок в стране, будет патриотизм и поддержка армии. Армия сейчас набралась сил, мы выстоим, но люди должны поддержать. Когда Путин увидит, что тут сто процентов не хотят «русского мира», то они сюда не зайдут. Окончательная победа будет тогда, когда большинство людей скажет: «Мы за Украину, не надо нам помогать».

А за последний год армия сильно изменилась?

По моему мнению, очень сильно, я горжусь нашей армией. Если раньше было немного стыдно одевать камуфляж, когда еще ходил на военную кафедру, ходить по городу в камуфляже было стыдно. Тогда считалось, что ты дурак, не смог откосить. Меня, как офицера запаса, приглашали в военкомат, предлагали пойти на контракт. Ну что мне было идти, зарплата маленькая, никаких льгот, никакого уважения. Потому я чувствовал какой-то дискомфорт, когда ходил в камуфляже. А сейчас я вижу, что у нас высокая согласованность, очень сильная армия. Особенно когда политики не вмешиваются, то военные умеют воевать. А как только начинается перемирие — начинаются обстрелы, а мы отвечать не можем. Потому начинается бардак, когда начинаются политические игры. У людей начинается непонимание ситуации, начинаются разговоры, что нас сливают. А как там на самом деле, может они пытаются чего-то добиться этими перемирьями.

А как Вы считаете, можно ли чего-то добиться этими перемирьями?

Мое личное мнение, что украинская армия, конечно, не сильнее российской. Если они начнут

полномасштабное наступление, то мы не сможем, у них техники намного больше, чем у нас. Потому нам, конечно, надо поддержка Запада. Чтобы добиться поддержки Запада, нам надо призывать к миру. Потому наши власти придерживаются договоренностей, а они все равно прут. И это постоянное доказывание, что мы хотим мира, приводит к тому, что постоянно гибнут наши ребята, и оттого появляется ощущение, что нас постоянно сливают. Ну, понятно, что дай нам команду, мы тоже начнем атаковать масштабно, но к чему это приведет? Это приведет только к ухудшению, ведь Россия тогда подтянет еще больше сил. Потому ни к чему хорошему это не ведет.

То есть перемирия — это просто такая картинка для Запада?

Ну, это доказательство, что мы хотим мира, мы готовы к миру и нам не нужна эта война. Ведь они обвиняют нас, что мы фашисты, режем тут всех, детей едим, бандиты, хунта. А мы доказываем, что нет, у нас цивилизованное государство и мы не агрессоры, а наоборот хотим мира. Я считаю, что это правильно.

А в плане вооружения, чего наиболее не хватает?

Чего не хватает? Я недавно смотрел фильм про Вторую мировую войну, то у нас те же самые методы борьбы, ничего не поменялось. Что одежда, она точно такая же, как тогда деды воевали. Орудия, которыми мы воюем, им не хватает мобильности, скорости.

Хорошо, давайте немного изменим дискурс. Вы в армии с августа месяца. Расскажите, как проходила

подготовка, когда Вы прибыли сюда, на «Уральские казармы».

Подготовка проходила не очень хорошо, слабо, потому что все время были какие-то дополнительные занятия, работы. А многие люди были вообще не знакомы с артиллерией. Мы что-то могли, но воевать мы точно не умели. Первые наши учения начались, скажем так, уже на фронте, в зоне АТО. Когда мы выехали, это были наши первые ночные стрельбы, мы развернули орудия, стрелять еще толком не умели, они прошли, конечно, боком. Потому что, можно сказать, комбат самостоятельно проводил стрельбу, мы еще не умели ночью стрелять. Да, была такая ситуация. Но буквально за короткий промежуток времени люди начали учиться. Если раньше к каждому орудью подходил офицер и подводил, наводил, показывал, как надо, то сейчас офицеры сидят в стороне, занимаются своими задачами, а весь расчет на месте, все знают, что делать. Очень быстро мы научились складывать орудие, когда по нам работал миномет. На войне ты понимаешь, что надо делать, обучение проходит там очень быстро.

«Важно еще, чтобы люди осознали, что Украина единая и неделимая. Учитывая те разрушения, которые Россия принесла на Донбасс, я сомневаюсь, что он ей нужен»

Ім'я: **Олег**
Рік народження: **1973**
Місце служби: **55 оабр, відділ по роботі з особовим складом**
Форма служби: **контрактна**
Інтерв'ю записане М. Павленком
27 березня 2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.26.

Назвіть, пожалуйста.

Майор Олег.

Расскажите о довоенной жизни, о себе.

Родился 17 мая 1973 года в городе Сумы. Там же, в Сумах, закончил в [19]90 году среднюю школу номер 19. С [19]90 года поступил в военное училище. В [19]94 закончил Сумское высшее артиллерийское командное училище, с этого и началась моя военная карьера. Потом проходил службу в 182-й противотанковой бригаде на должностях командира взвода, а позже — командира батареи, до 2000 года. С 2000 до 2003 года был на должности начальника штаба в 17-й танковой дивизии.

Это в каких городах?

Это Луганск и Кривой Рог.

А почему Вы приняли решение стать военным?

Я с детства мечтал стать военным. А почему — сложно ответить, просто мечта.

Родители не военные?

Нет, их профессии не связаны с армией. Это просто такая мечта детства, к которой я шел.

Расскажите об учебе в артучилище. Может, были какие-то интересные эпизоды?

Ну, оно было довольно давно, можно сказать, двадцать пять лет уже, как мы поступили в училище.

Расскажите как проходила довоенная служба.

Стандартно, каждый год учения, своеобразная служба, своеобразная работа, которая показывает, что было сделано в течение года. Учения показывают это практически, с боевыми практическими стрельбами, что тут еще добавить. Люди выезжают в поле, немного другая атмосфера, другие обстоятельства, это довольно интересно: и солдатам, и офицерам. Боевая работа это всегда интересней, чем находиться в пункте постоянной дислокации. Некоторые моменты упрощаются, некоторые усложняются, но в общем все понимают, что от них требуется и вместе идут к одной цели.

До этого года Вам не приходилось принимать участия в боевых заданиях?

Нет, боевого опыта не было.

Как Вы относились к Майдану, как к явлению?

Мы были в ожидании, армия вне политики, потому я никак не относился. Мы просто ждали, чем это закончится. К сожалению, закончилось не совсем хорошо. Наше дело военное, потому мы защищаем суверенитет нашей Родины.

Когда Вы впервые поехали в зону АТО?

Мы убыли впервые четвертого января этого года. Прибыли в Дебальцево, где наши подразделения

находились с августа месяца. Там был лагерь подготовлен... Самое интересное, что первые обстрелы были, как правило, по праздникам: седьмое января, четырнадцатое января, такое.

Почему именно по праздникам?

А это уже вопрос не к нам. С двадцать первого января, я так понимаю, началась целенаправленная операция по захвату Дебальцево. Потому, начиная с этого дня, мы систематически подвергались обстрелам.

С каких видов оружия по вам стреляли?

Практически со всех. Первое, самое страшное, это «Грады», артиллерийские системы, потом чуть позже танки стреляли чуть ли не прямой наводкой по нам. Потом, когда мы подошли ближе к Дебальцево, они обстреливали нас с минометов. Самое страшное — это «Грады» и «Ураганы». У нас, к сожалению, не сохранилось фотографии, когда в расположение прилетела ракета от «Урагана». Она была кассетная и закончилась буквально перед нами, до нас долетела, слава Богу, просто болванка. Их было две штуки: одна попала в «КРАЗ», как раз посреди борта, а вторая посреди дороги. И вот с двадцать первого января и до самого последнего дня обстрелы велись ежедневно. Самый трагический для нас был обстрел четырнадцатого февраля. Нас начали обстреливать с пол-четвертого утра до трех сорока, целый день. При этом обстреле у нас погибло два человека, один погиб сразу на месте, а второй скончался через два дня от тяжелых травм.

Как их звали? Расскажите о них немного.

Дужик Евгений, он был командиром шестого орудия. Они только отстрелялись, выполнили боевую задачу, их сразу накрыли «Градами». Они находились при орудии, один из «Градов» разорвался рядом с ними. К сожалению, сержант погиб сразу, командир орудия, а солдат, Саша Говоруха, получил очень тяжелое увечье. Мы, как могли, оказали первую помощь, доставили в медицинскую роту, где ему сразу же сделали операцию, но вывезти его сразу, к сожалению, возможности не было. Потом, как только появилась возможность, его вывезли в Артемовск, но, к сожалению, там он скончался. Что еще сказать... Говоруха очень веселый был, добродушный человек, который



Загинули під час боїв за Дебальцеве сержант Євген Дужик (другий праворуч) та солдат Олександр Говоруха (перший праворуч) за 2 тижні до загибелі

всегда улыбался, очень добрый был парень. Что тут еще добавить...

Вы выехали четвертого января, в чем заключалась ваша задача?

Основная задача артиллерии — поддержка подразделений, блокпостов, обстрелы колонн противника, если они движутся. Но в основном, это поддержка пехотных подразделений. Дебальцево — это был основной транспортный узел, где проходит железная дорога, пересекается трасса между Донецком и Луганском, это самая короткая дорога, иначе надо ездить в обход, а это потеря времени. Потому, я так понимаю, основное усилие противника было направлено именно туда.

А какие еще части стояли возле вас?

Возле нас стояла 128-ая горно-пехотная бригада, их штаб стоял возле нас. Соответственно, блокпосты находились вдоль всей границы. В основном, оборону держала 128-ая.

Насколько была слажена работа?

Работа была очень слажена, мы поддерживали как раз эти подразделения. Мы действовали в интересах именно 128-ой бригады.

Может, есть какие-то яркие, наиболее памятные эпизоды из дебальцевских событий, о которых можно было бы рассказать?

Я даже не знаю, наиболее запомнился этот трагический момент, четырнадцатое февраля, когда все действительно приуныли... Все очень переживали за солдата Говоруху, чтобы он выздоровел, но к сожалению...

Насколько сильно помогают волонтеры?

Ну, девяносто процентов обеспечения — это волонтеры. Начиная от самых банальных гигиенических принадлежностей, и заканчивая питанием. Понятно, что Вооруженные силы дают продукты, но иногда солдату хочется и чего-то вкусенького, банально съесть какой-то кусок колбасы, порадоваться жизни. Потому это довольно яркие моменты. Кроме того, много помогали в обеспечении формой, обувью. Нам помогали не только волонтеры, но еще и капеллан, отец Иван.

Он постоянно был с вами, или периодически приезжал?

Он был в штабе АТО, мы с ним поддерживали очень тесные дружеские отношения. Командир батареи, в которой я был, поддерживает с ним отношения. Он приезжал к нам на праздники, общался с солдатами, помогал продуктами, обувью, потому что тогда как раз началась слякоть, грязь. К нам не всегда была возможность доставить, вот он приезжал, помогал. Потом отец Андрей тоже присылал нам по Новой почте обувь, форму, чтобы одеть солдат, потому что, сам понимаешь, полевые условия. Тем более под постоянными обстрелами, постоянные разгрузки боеприпасов — военная форма изнашивается очень быстро. Помогали очень сильно.

А кроме священников, помогали какие-то волонтерские организации или простые люди?

В основном, это простые люди. С Сум приезжали, очень сильно нам помогли. Потом у нас зампотех первой батареи, он сам гуляйпольский, они

нам очень сильно помогли, конечно, приезжали к нам буквально до последнего момента. Они приезжали к нам туда. Понятно, что в первые дни, когда они приезжали, мы могли оставить их у себя на день, а потом [когда начали производиться постоянные обстрелы], они приехали, привезли, разгрузили и поехали. Это очень небезопасно, во-первых. Ну и когда приезжают волонтеры, для нас это приятно, но с другой стороны, люди к нам приехали, мы отвечаем за их жизнь, за их безопасность. А отвечать, когда по тебе ведутся постоянные обстрелы, очень сложно. Поэтому мы старались их по максимуму обезопасить и как можно быстрее отправить обратно.

Сколько Вы пробыли под Дебальцево?

С четвертого января по девятнадцатое февраля. Нет, восемнадцатого мы оттуда вышли.

По Вашему мнению, почему не удалось удержать Дебальцево?

Я даже не знаю, скорее всего, что численное превосходство, явное превосходство. Соответственно, больше артиллерии, больше боеприпасов. Я так понимаю, что было численное превосходство противника.

А кто там воюет, местные работяги, или российские войска?

Я на самой передовой не был, сказать очень сложно. Но судя по тому, как они воюют — я не могу сказать, что обычный рабочий пошел и начал воевать. Их могут использовать разве что в качестве «пушечного мяса», грубо говоря.

А есть ли взаимосвязь между «гуманитарными конвоями» и поставками вооружения боевикам?

Как правило, через 2-3 дня после прибытия «гуманитарных конвоев» обстрелы увеличивались в несколько раз. Тут сама логика подсказывает, все говорит само за себя.

Вам доводилось встречаться с противником?

Только с пленными.

Вы с ними говорили?

О чем с ними говорить?

Не хотелось узнать, что их подтолкнуло идти сюда?

Нет, это не самые адекватные люди. Они находятся в состоянии агрессии, которая через день или два перерастает в плаксивое состояние. Потому сложно общаться с такими людьми.

А с чем связана их агрессия к военнослужащим ЗСУ?

Кто его знает, почему они идут сюда с потерей чувства самосохранения. Я далек от мысли, что они настолько идейны, что идут на танки и пулеметы.

Они в состоянии опьянения?

Не видел, не знаю, но очень часто они идут именно напролом.

Вы имели контакт с местными жителями?

В основном нет, ну иногда... После первых обстрелов, когда пострадали дома мирных жителей, ходили туда, доставали раненных, убитых... Очень страшно было смотреть на погибших детей... Тоже не самая интересная страница жизни.

Как местные реагировали на военнослужащих?

Те, которые были рядом, нормально. Во всяком случае неприязни они не показывали. Мы мало общались с местным населением.

Как Вы считаете, какие причины этой войны?

Очень сложно сказать в чем причина, но скорее всего в информационной войне, которую Украина, к сожалению, проиграла. Там, на Донбассе, народ в большинстве своем настроен пророссийски. Благодаря российской пропаганде. Это большой вопрос к нашим средствам информации, почему они не делали то, что должны были. Так само и с Крымом.

Как долго это все будет длиться?

Очень сложно сказать. Это такой вопрос, на который нет однозначного ответа, вряд ли кто-то сможет ответить.

В любом случае, мы победим.

У нас нет другого выбора.

А что нам в этом поможет?

Наша земля, наша Украина, мы боремся на своей территории, защищаем свою Родину. Важно еще, чтобы люди осознали, что Украина единая и неделимая. Учитывая те разрушения, которые Россия принесла на Донбасс, я сомневаюсь, что он ей нужен.

А с какой целью они пришли сюда?

Скорее всего, чтобы ослабить Украину. Это ведь началось не случайно, сразу после этой революции. Конечно, очень хотелось бы, чтобы война поскорее закончилась, очень жаль мирных жителей, которые там погибают и терпят все эти разрушения. Моя семья ведь тоже из Луганска.

Вы забрали семью оттуда?

После того, как снаряд попал в квартиру, семья перебралась.

Никто хоть не пострадал?

К счастью, никто не пострадал.

Когда это было?

Это было в июне месяце. Я находился здесь, а семья была там.

Не страшно было?

Страшно, всегда страшно, когда стреляют.

Как проходила жизнь в городе, где идет война?

Так же и проходила, многие люди повыезжали, потому днем еще кое-какое движение, а ближе к вечеру город просто-напросто вымирает. С одной стороны вроде ничего не поменялось, но с наступлением вечера — все.

А обстреливали город днем или ночью?

В принципе, круглосуточно. Вроде не сильно по городу стреляли, по определенным районам, но все равно было страшно, когда ты не знаешь когда стрельнут и куда оно упадет. Это так само, как и везде, выстрел слышишь, разрывы, а куда полетит — никто не знает.

А с какой целью они обстреливают мирное население?

Чтобы потом сказать, что это стреляет украинская армия. Просто провокация.

А насколько часто это бывает?

Не часто, но бывает. Можно поднять Интернет, там много фотографий, куча трупов.

А инфраструктура, предприятия, магазины работали?

Они и сейчас-то работают, но опять же, если кто и ходит на работу, если предприятие и работает, то совсем плохо.

А как с водой, питанием?

Тогда было довольно сложно. Что там происходит сейчас — не могу сказать. В принципе, оно все есть, только у людей нет денег, средства имеют свойство заканчиваться. А стоит все там довольно дорого.

Сейчас семья с Вами, в Запорожье?

Да.

А как здесь относятся к переселенцам из Донецкой и Луганской областей?

Я не могу сказать как относятся к переселенцам. Во всяком случае, я ребенка устраивал в школу, никаких вопросов не возникало. Я могу сказать только по отношению к моей семье — никакого негатива не возникало. И сейчас к ребенку нормально относятся, все хорошо. Слухов много к кому как относятся, но конкретно я ничего я не скажу.

Может, есть еще какие-то моменты, о которых можно было бы рассказать?

В принципе, я и так рассказал даже больше, чем хотелось бы, больше, чем надо.

Может, Вы хотите в конце что-то пожелать тем, кто будет читать это интервью, обратиться, что-то передать?

Я хочу пожелать мира всем, пускай быстрее заканчивается эта война, чтобы все остались живы и здоровы, целые и невредимые — это самое главное. Будет мир и здоровье — все остальное восстановится.

*«Якщо ти українець –
будь українцем, якщо
ти росіянин – будь
нормальною людиною,
треба бути нормальним
громадянином тієї країни,
у якій ти живеш»*

Ім'я: **Віталій**
Рік народження: **1981**
Місце служби: **55 оабр,
1 дивізіон, 2 габатр**
Форма служби:
мобілізований
Інтерв'ю записане
М. Павленком
8 травня 2015 р.
**РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. –
Оп.1. – Спр.28.**

Назвіться, будь ласка. Як Вас звать?

Віталій, командир гармати 55 окремої артилерійської бригади. Моє військове звання – прапорщик, я мобілізований з 4 серпня 2014 року, проходжу службу й досі в цій бригаді.

Якого Ви року народження?

Народився 13 вересня 1981 року у Кам'янко-Дніпровському районі Запорізької області, село Водяне. Можна вважати, що я місцевий, запорізький.

Розкажіть про довоєнне життя: де навчалися, чим займалися, де працювали?

Що можна сказати? Все було типово: народився я в селі, з шести років переїхав у місто Енергодар нашої області, пішов до школи, школа була, як і всі школи тоді у місті – російськомовна, я одразу з українця став «руським», російськомовним. Це продовжувалося до закінчення школи, але коли приїжджав на вихідні до бабусі у село, то розмовляв українською мовою, нехай і суржик, але це була українська. Ось так я став росіянином. Потім

поступив навчатися, перший рік закінчив, настало вісімнадцять — пішов у армію. Ріс типовим хлопцем, нічого особливого, такий собі «ботанік», але захотілось себе змінити, чомусь навчитися, стати справжнім чоловіком. Тому в армію й пішов.

Служив я в сто першій окремі бригаді міста Києва по охороні Центрального Апарату Міністерства оборони, тобто це Генштаб, дачі там різні, санаторії. Півтора роки відслужив, з 1999 по 2001 рік, особливо мене тоді армія нічому не навчила, був такий скепсис, негатив.

Навіть не зважаючи на те, що Ви служили при Генштабі?

Так. Як такої, дідовщини вже не було, була така легенька дідовщина. Те, що нам розказували про жорстокі побиття, — такого не було.

А в чому вона проявлялася ця, як Ви кажете, «легенька дідовщина»?

Знаєте, «совок» у армії дуже міцно засів, наприклад, тупа уставщина. Є така приказка в армії: «инициатива наказуема». Коли ти хочеш щось зробити нормально, швидко, якісно, з найменшими втратами — ніхто на це не зважає, все треба робити як було, по шаблону. Цей шаблонний спосіб мислення, на жаль, присутній ще й зараз у армії. Не буду вдаватися у свою строкову службу, усіяке бувало, все це ми переживали, це все дріб'язок, пережив. В той час, на щастя, я знайшов свого рідного батька, дізнався де він знаходиться, він до мене приїхав. До цього у мене був вітчим, але знаєте, рідна кров — це рідна кров. Для мене запам'яталась армія саме

тим, що я налагодив контакти зі своїм рідним батьком, який проживав у Вінницькій області.

Після цього повернувся додому у 2001 році, особливо не маючи певної освіти, що робити? У нас в місті знаходиться військова частина 3042 з охорони Запорізької атомної електростанції. Маючи строкову службу і звання молодшого сержанта, я пішов туди на контракт, бо на строковій службі я був командиром відділення. Поступово я отримав звання прапорщика, паралельно навчаючись у нас в місті у технікумі, отримав спеціальність молодшого спеціаліста-юриста. Прослужив я там п'ять років, з 2001 по 2006 рік, був звільнений, як в народі кажуть, «по статті», за невиконання умов контракту. У мене виник конфлікт з одним із моїх співслужбовців на побутовому рівні. В принципі, я був правий, але я застосував фізичну силу після служби, він покаржився керівництву, відповідно до всіх постанов, Статуту й законів, я був винуватим, й мене покарали тим, що звільнили з лав Внутрішніх військ, хоча ця служба мені подобалася, служити я хотів.

Певний час, ще будучи в цій частині, я був переведений у взвод спецпризначення частини і разом з усіма хлопцями відправлений у 2004 році на київський Майдан, коли військовослужбовці внутрішніх військ туди відправлялися. Там, знаєте, було дуже цікаво, що коли ми жили окремо в наметі на полігоні в Новопетрівцях, я був майже єдиний, хто відкрито сказав, що підтримує Помаранчеву революцію, більшість хлопців підтримували «синіх», Януковича, його режим.

А з чим це пов'язано?

Місто Енергодар молоде, воно інтернаціональне, зросійщення там далось взнаки, українці там швидко втрачають свою ідентичність, я цьому був прикладом. Тому «совок» і «Новоросія» й зараз там процвітають, на жаль. Хлопці жартували, але бити не били. Жарти проявлялись у тому, що наприклад, я просинаюсь зранку, а у мене на ліжку помаранчева стрічка, або ще хлопці жартують: «Як стоятимеш у строю – не кинь щит і не побіжи до своїх». Все обійшлося нормально, з порозумінням до мене ставились, навіть намагалися в дискусіях переконати, що я у чомусь помиляюся. Тож позитив у цьому є, що я туди поїхав і все це побачив власними очима.

Ми тоді знаходилися у ЦВК (Центральна виборча комісія), знаходилися у дворі, в автобусах сиділи, все чули, все бачили, і вже тоді у мене почали певні висновки складатися про політичне життя в Україні, про соціальні відносини в державі, як у нас хто до кого ставиться, за кого нас має влада, за кого ми її маємо.

Після цього почалося моє становлення як українця, поступово я почав цікавитись, чому так трапилось, що мені соромно розмовляти українською мовою, чому так. Мої (тоді невдалі) спроби почати розмовляти українською на службі й будь-де закінчились тим, що я відчував якийсь сором, не знаю чому. Я почав цікавитись, все одно, з мене мова лізла, мені хотілося сказати: «Я українець». Після цього я почав цікавитись своїм родоводом, хто я й звідки, дізнався, що наприклад, по материнській лінії

(у Запорізькій області) майже всі мої пращури були «куркулями» так званими, а по-нашому — господарями. Тоді у селі було три чи чотири цегляних хати, решта — глиняні, дві з них належали моїм родичам. Знаєте, це був показник, я почав розпитувати тих, хто ще залишився з мого роду найстарший, все це мені тихенько розповідалося, багато чого цікавого я дізнався. Потім я поспілкувався із татом своїм (він родом із Вінницької області, Тростянецький район), я дізнався, що там пращури теж були, можна сказати, «куркулями», прапрабабця моя походить із панського роду. Тут зіграла кров, я зрозумів, як кажуть, ми одної крові, вона бере своє, вона лізе із мене, як би не душила це радянська влада протягом сімдесяти років — не додушила.

Після цього почався якийсь внутрішній протест у мене проти того суспільства, у якому ми живемо. На жаль, це дуже боляче. Боляче у тому плані, що тобі створюють труднощі, тебе намагаються в чомусь задавити, принизити, показати тобі, що ти вискочив не там, де треба.

Після звільнення у 2006 році я працював одночасно на двох роботах, навіть на трьох бувало, підробляв. Проробивши рік, я влаштувався охоронцем у Приватбанк, пропрацював там рік, подивився, як ставляться до працівників банку їхні керівники. Це не передати словами, як ті молоді дівчата витримували все це, не буду про це більше розказувати. Так що у пана Коломойського ставлення до людей теж не дуже. Після цього ще рік працював охоронцем у магазині «Фокстрот». Там в принципі

краще, але теж умови такі були: втули товар, продай, а що буде потім — не цікавить. Мені пощастило, зустрів я цікавих людей, які допомогли мені з кращою роботою. На жаль, кращу роботу знайти у нас в місті знайти складно, треба мати або дуже гарних знайомих, або платити величезні гроші, як на той момент. Знайшлися люди, які після спілкування зрозуміли, що я нормальна людина і треба мені допомогти. Мені запропонували влаштуватися на Запорізьку теплову станцію слюсарем, це вже непогано, враховуючи, що найкраща робота у місті — це або робота на Запорізькій атомній або на тепловій станції. Тоді це ще було державне підприємство, влаштувався я туди без проблем, і там я пережив момент, коли підприємство потрапило під владу пана Ахметова. Можу сказати, у мене склалась моя особиста точка зору, що підприємство було доведене до критичного стану, а потім за безцінь продане. Після цього воно раптом знову почало приносити нормальні прибутки новому власнику. Дивно? На жаль, ця тенденція зберігається у суспільстві й зараз. Нещодавно вийшла стаття, що Запорізька атомна електростанція закінчила рік зі збитками. Мабуть, те саме повторюється.

Повертаючись до того, як я ставав справжнім українцем, як я вважаю, я цим пишаюся, нікого не соромлюся останні роки і намагаюся це донести до інших людей, щоб вони теж пішли нехай не моїм шляхом, своїм, але теж стали справжніми українцями.

Розкажіть більш детально, як Ви ставали справжнім українцем. З яких джерел Ви надихалися?

Почалося усе із того, що я почав цікавитись літературою. Нормальної україномовної літератури, яка б допомогла відновити історичну правду, було важко знайти, тому десь якийсь журнал, Інтернет, попадалися нормальні сайти україномовні, там можна було купити нормальну літературу, все це я читав, аналізував, не все сприймав на віру. Ось таким шляхом це починалося. Потім, ви знаєте, любов до землі. У справжнього українця є любов до землі, вона є й у мене, мені подобається земля, мені подобається як на ній усе росте, мені подобається селянський спосіб життя, адже всі мої пращури працювали на землі. Коли повертаєшся у село — ти можеш відчутися там справжньою людиною. Місто нівелює твою особистість, ти применшуєшся, у межах міста ти не відчуваєш себе справжнім, тобі доводиться постійно (принаймні мені доводилося) представляти себе кимось іншим перед іншими людьми. Зараз я себе так не веду, який я є — такий і є і хай хто хоче сприймає мене таким, кому не подобається — будь ласка, є інші люди.

Після цього я почав вивчати свій рідний край, наприклад, історію свого району, спілкувався із різними людьми, «у різних незвичайних місцях зустрічаєш незвичайних людей», — так казав мені мій тренер. Тому коли я брав рюкзак і виходив кудись у поля, на берег моря, ще кудись виїжджав автобусом у закинуті пустки — там можна було зустріти теж таких «неадекватних» людей. Спілкуючись із

ними, я постійно для себе щось з'ясовував, відкривав нове. Також мені було незрозуміло чому наш народ, маючи таку кількість людей в Україні (нас же багато, нас мільйони, ми не Латвія, не Литва, нас багато), а ми не можемо дати здачі. Не тільки фізично, коли українця ображають, а він... Як у нас у місті говорять, «селянин», «колхозник». Коли людина у місто приїжджає, її чомусь принижують. Нам треба відчутти свою силу.

Це нав'язаний якийсь комплекс меншовартості.

Так, а що до цього призводить? Оцей пошук стимулював до того, що я почав займатися фізкультурою. Молодий організм ще можна змінити, тож я почав займатися фізкультурою самостійно. На моїй дорозі трапились люди, які допомогли усвідомити, що я чоловік, особистість, що можна бути й одному воїном у полі. От вони мені показали своїм прикладом і я хочу сказати, що не дивлячись на те, що ця людина, яка мені допомогла, він сам є росіянином, з Росії, але спосіб мислення, повагу до себе — він мені це дав, я йому за це вдячний. У нас в місті він створив клуб, який називався «Борей», викладав він там слов'яно-грецьку боротьбу, хай це навіть із Росії прийшло, але дійсно мені допомогло, я загартувався в цьому. Заняття на природі фізкультурою, рукопашним боєм і таке інше — все це мені дуже допомогло. Тому дивлячись, що молодь зараз цим не займається, мені чесно кажучи, боляче. Ось так от поступово ходили ми клубом в походи, в пониззя Дніпра, збудували човен, ходили на цьому човні на Хортицю, усі ці мандри, всі ці пошуки... Навіть пра-

цюючи у себе на підприємстві, я буває їжджу у відрадження і коли хлопці намагаються у вільний від роботи час сісти випити, то я навпаки беру рюкзак і йду кудись у нові місця, вивчаю їх. Як бачите, можна поєднати і роботу і пошуки. Пошук для мене навіть і зараз не закінчився, я постійно у пошуку, і навіть служба в армії у теперішній час є для мене пошуком.

Це пошук себе, в першу чергу?

Пошук себе і нашої нації. Де і що ми втратили і як нам його віднайти. На даний момент я служу тут дев'ятий місяць, можу сказати, що в подальшому можливо залишусь на службі, можливо ні, але, в принципі, я не шкодую про ці 9 місяців, які я зараз знаходжусь в армії, я буду цим пишатись і, думаю, буде пишатись моя родина.

А таке ще питання: чому ми, українці, ось такі? Питання про нашу ментальність.

Знаєте, чесно кажучи, мені важко було зрозуміти мою рідню у селі, моїх знайомих. У моєму селі, звідки я родом, люди дуже сильно вміють працювати, але є село поряд, там талановиті люди, вони дуже тяжко працюють, багато, вміють заробляти великі кошти, це плюс, це риси справжнього українця: господарність, працьовитість, але їм не вистачало саме ідеї, того, куди б вони справді могли направити свої сили. На жаль, ідея відсутня. З чим це пов'язано? Я думаю, з тими репресіями, які почалися ще від приходу радянської влади. От уявіть собі, скільки людей було вбито, чому спілкуючись зі своїми родичами, які пам'ятають перекази нашої родини, з нашого

минулого, вони кажуть так: «Прийшли і забрали». Кажу: «Чому забрали, чому розкуркулили?». А вони: «Просто прийшли і забрали, тому що в нього було дві хати, три коняки і так далі». Ага, забрали кого — забрали господаря, який все це заробив сам, своєю кров'ю й потом, працював дуже тяжко, вся родина працювала, а вони прийшли і просто забрали. Потім що — або вигнали, або розстріляли. «А хто, — кажу, — це робив?». «Ну, це на місцевому рівні, п'янички різні та шльондри». Вони зібралися, прийшли, забрали, пропили і так далі.

Пролетаріат...

Це, можна сказати, голода, по-сільському казали «голода», це ті, хто не хотів працювати. Потім, звісно, почався голод 1920-х, 1930-х років, моя бабуся розповідала мені про голод 1940-х років, післявоєнний. Уже те, що вона розповідала, мене вжахнуло. Вона казала, що в нашому селищі навіть тоді були випадки людоїдства, тобто людина їла людину, а уявіть, що в 1930-х роках було. Живих свідків я не зустрів, але є спомини, які я читав про Голодомор. Навіть ті книжки мені важко читати, мене починає сіпати, тому що як це уявити, що дитина умирає у матері на руках від голоду, хтось когось з'їв, десь заманювали дітей, ще живих людей збирали на фіри, на вози, везли й кидали їх у ями, щоб отримати стакан зерна за те, що він привіз поховати людину.

І це не десь в Африці, а тут, у нас.

Це все у нас, звісно це все у нас. І коли мені хтось каже: «Та це все брехня! Вранье это все!».

Знаєте, чесно, хочеться таких людей кинути в яму і щоб він не їв, щоб він там помучився так само і зрозумів що це таке. Оцей пережитий голод дуже сильно надірвав психіку людей. Самий розстріл, вбивство людини одразу, воно не змінить його психіки, людини немає, але коли до людини застосовують постійно тортури, ламають психологічно — це все передається на генному рівні.

Я читав книжку Джона Оруела «1984» і «Ферму тварин», ви знаєте, це книжки про тоталітарне суспільство, там описана технологія ламання людини. Фільм мало про це говорить, а коли читаєш книжку, як ламали людину, найбільшого героя, який там був, його зламали, він зрадив усіх, він вже готовий був зрадити всіх, і він полюбив своїх тиранів. Оце зробили з нашою нацією: ми полюбили (скажімо так, наші батьки й діди, бо ми вже не всі їх любимо, слава Богу) їх, і саме тому вони зараз із піною коло рота захищають той совдеповський лад, той совок, ту ковбасу згадують. Коли починаєш їм говорити про відсутність свободи, виявляється, що вона їм не потрібна. Найгірший раб — це не той, у кого є кайдани на руках, а той, у кого кайдани в голові, коли вони в мізках у нього. Кайдани з рук можна зірвати і втекти на волю, а коли вони у тебе в мізках — ти нічого не зможеш зробити.

На жаль, з нашої нації зробили ось таких рабів і дуже-дуже тяжко це зламати, це не одне покоління повинно пройти, щоб ми стали справжніми українцями.

Чи можна провести паралелі між тим, що відбувається протягом останнього року в Криму й на Донбасі із нашою історією, з тими репресіями?

Якби я не був в Донецьку, де зараз АТО проходить, я б може й промовчав і нічого не казав, бо я не знаю, не бачив. Але я, на щастя, бачив. Крим я не бачив, але Донецький регіон, починаючи від Волновахи і на північ до Авдіївки (район, де ми працювали), я бачив, я бачив цих людей, з деякими з них я спілкувався, були дискусії з ними, тому я скажу, що дійсно можна провести паралелі.

Коли людині намагаєшся пояснити якийсь факт — ти бачиш у людей якийсь... От, наприклад, як п'яний: ти йому кажеш, що він п'яний, а він — ні, я не п'яний, це ти п'яний. Отак в цій ситуації було і з нами: починаєш з людиною спілкуватися, а тебе одразу починають обзивати фашистом, тобі нависли клеймо (ярлик) і все. У них такий принцип — тебе обізвали, захищайся, ти повинен виправдовуватись, ти вже винуватий. На жаль, у нас нема наступального напрямку, ми постійно захищаємось і захищаємось.

Оцей совок, який був нам втравлений у голову, він узяв своє. Наприклад, яке притиснення російської мови? Вони кажуть, що українізацією їх ображають. Ніхто нікого не змушував говорити українською мовою. По собі я знаю, що було навпаки, мене як українця змушували (створюючи штучні умови навколо мене) перейти на російську мову. Знаєте як важко, ставши російськомовним, потім знову повернутись до українства? Це дуже-дуже

важко. Я по собі знаю, я почав ламати себе, адже я хотів не тільки розмовляти українською, я хотів мислити українською. Я міг говорити українською коли треба, але думки в мене були російською мовою, я на це звернув увагу і мені одна людина сказала: «Коли ти почнеш мислити українською, коли твої думки йтимуть українською невимушено — тоді ти відчуєш, що ти повернувся до українства». На щастя, такий момент у мене настав, але зараз будучи в армії, думки скакають з української на російську, але я над цим ще попрацюю, коли повернуся, рано чи пізно, але я буду намагатися, я себе здолаю. Перемога над собою — це найголовніше, коли здолаєш себе — тоді ти переможеш усіх своїх ворогів.

Перед цим ми говорили про національну ідею, в чому вона полягає і чи є вона взагалі, українська національна ідея?

Я висловлюю лише власне ставлення, у кожного може бути своє бачення. Для мене, наприклад, це насамперед повага до того, що було. Ми не поважаємо те, що в нас було, ми досі соромимося ОУН, УПА, Холодного Яру, ми навіть про них не знали, це лише останніми роками це все виявилось. Ми цураємося козаків, бо у нас по телевізору показують, що вони лише пили, сміялись і нічого більше не робили, у нас така реклама зараз. Якась реклама пива була — п'яний козак. Ми не знаємо, чим насправді вони займалися, ми не пам'ятаємо того, що у нас було перед козаками. Кажуть, мовляв, це було десь там далеко. Ні, хлопці, справжня

нація мусить пам'ятати все від самого початку до кінця.

Козацтво в нас ще якось згадують, але ніхто не згадує чому воно зникло і хто його знищив. Я, наприклад, для себе з'ясував, що руйнували Січ спочатку Петро Перший, московський цар, потім ця німецька цариця Катерина, так звана Єкатеріна (а насправді – німкеня, там і краплини російської крові не було). Потім що у нас трапилось? Вона ж знову ввела кріпацтво на наших землях, покріпачила козаків і вільних селян та міщан, потім відбулось закриття Києво-Могилянської академії, переведення вчених на Московію (вони просто використали наших вчених, а зараз кажуть, що це ми від них пішли і саме вони нас хоч чомусь навчили). Потім були заборони вживання нашої мови, ті Емські укази. Начебто всі про це знають, але чомусь ніхто не пам'ятає. Спілкуючись з простими громадянами усвідомлюєш, що вони про це не чули й не знають. Їхні спомини закінчуються так званою «Великою Вітчизняною війною». Я почав цікавитися і виявилось, що була-таки Київська Русь, а потім було її зруйнування московською ордою, чомусь про це мало хто згадує. Причому літописи пишуть, що руйнування було настільки жорстоким, що те, що потім робили татари, – виявилось квіточками. Про це ніхто не знає, натомість усі вважають, що саме татари зруйнували вщент Київ. Ми, мабуть, даремно на татар наїжджаємо, як кажуть, тут треба розібратися. Треба нагадувати людям ці ключові моменти, бо ми забуваємо, хто й звідки

пішов. Коли ми копнемо ще глибше, то виявиться, що на території міста Москви тоді були болота й ведмеді ходили, а у нас по всіх містах стояли церкви, люди були освіченими.

Як у тій приказці: коли Русь хрестили — у Москві жаби квакали.

Отож, саме так і є. Якби ми згадали це, то все одразу стало б на свої місця: хто тут менший брат, що ми не якесь «відхилення від московської гілки», від «триєдиного народу» і таке інше. І я з дитинства своїй доці (зараз їй майже п'ять років) постійно розповідаю про козаків, про воїнів УПА. Дитина це пропускає повз вуха, але вона щось і запам'ятовує. У мене вдома висить портрет князя Святослава Хороброго, висить портрет Романа Шухевича, і коли ми приходимо додому я доці постійно кажу: «Це Роман Шухевич, це князь Святослав, а це Тарас Шевченко», — і вона вже знає. У місті в нас стоїть пам'ятник Тарасу Шевченку і вона знає, кому стоїть цей пам'ятник. У неї зараз відбувається внутрішня боротьба, вона говорить то російською, то українською, але вона чує від мене і я знаю, що коли вона виросте, то зробить свідомий вибір і повернеться до свого коріння, бо я надав їй всі свої почуття, всю свою любов до України, до ідеї, до своєї нації. На жаль, я не люблю деякі елементи нашої нації.

Які саме?

Ті ж самі зрадники-яничари, манкурти типу Колісніченка, Ківалова і тих, хто голосували за ці закони. Він говорить: «Я українець, но я русскоязычный». Таких людей я б ніколи не назвав українцями,

покидьок і все. Мені важко зрозуміти, чому новий парламент позиціонує себе патріотичним, але не введе в дію закон, який би одразу лишав громадянства таких людей. Наприклад, заперечуєш Голодомор — позбавити громадянства, дати йому виписку, що він може мешкати на території цієї країни, але позбавити права голосу, щоб він не обирав нам януковичів, азарових, комуністів і так далі. Хто їх обирає? Нам кажуть: «Вони пройшли до Ради». Як це пройшли? Їм дозволили пройти, а дозволили чому? Тому що є люди, які їх підтримують, а ті, хто їх підтримує, — ненавидять Україну. Давайте прямо скажемо: вони просто нас ненавидять. Ми намагаємось з ними толерантно поводитися, а вони нас щиро ненавидять, щиро, це в них у крові, розумієте. Настільки їхні пращури, які прийшли сюди нищити нас, починаючи ще від царів, оце їхні нащадки, вони нас ненавиділи і будуть завжди ненавидіти. Якщо ми їх просто не позбавимо права голосу, то ми ніколи не створимо дійсно патріотичний парламент, бо там будуть різні особистості. Це не українці, це не люди, це покидьки, які не поважають країну, в якій живуть.

Я своїм друзям, які намагаються мене перекопати, що я перегиною планку, що це неправильно так ставитись до людей, що вони теж мають право голосу, кажу: «Говоріть, що хочете, але якщо б вони жили у Польщі, Німеччині чи Америці — то вони б одразу вивчили ту мову, поважали б ту країну, в якій живуть, вивчили б їх культуру і виконували б їхнє законодавство. Але чомусь в Україні москаль або зросійщений українець поводитьься так, наче тут

все має бути навпаки, а не як у всьому світі». Знаєте, є світ зі своїми законами, а ми чомусь живемо не по світовим законам, у нас чомусь повинні бути якісь специфічні закони для москаля. У вас є Росія, будь ласка, поїдьте, ніхто не забороняє. Але вони не дуже хочуть туди їхати, бо їх там ніхто не чекає, їм там не дадуть ні роботи, нічого.

Наприклад, до війни була програма Путіна «Соотечественник», пропонувалось оплатити переїзд, дати підйомні, швидко зробити громадянство — поїхала невелика кількість. Їм створили умови, але вони чомусь не їдуть.

У цьому й полягає особливість москаля: він не хоче їхати до Росії, але й тут йому все не подобається. Він хоче щоб «руській мір» настав тут і зараз.

Так, це справжня сарана. Я скажу як є: у мене є дружина, вона з Росії. Познайомилися ми в мосму місті Енергодарі, вона приїхала сюди з Росії і попервах казала, що вона «русская». Кажу:

— А хто ти по крові?

Вона каже:

— У мене тато українець, він поїхав з нашого міста туди заробляти кошти і там залишився, а мама у мене литово-вірменка.

— І ти, — кажу, — вважаєш себе росіянкую?

— Я родилась там, училась, я по-руски розговаривала, я русская, — це вона так попервах казала.

Кажу:

— Почекай, давай спочатку: ні краплини російської крові, так?

— Так.

– Те, що ти там народилась і жила – це ще нічого не значить, ти зараз живеш тут.

Потім вона стала мою дружиною, народилася дитина і зараз, на щастя, вона усвідомила, що вона не є «русская», вона є українка, її тато був українець, мати іншої національності, але гени передаються по батьківській лінії. Кажу:

– Ким ти себе більше відчуваєш: литовкою, вірменкою чи українкою?

– Звісно, українкою.

– Ну так у чому проблема?

Потім поступово вона вивчила українську мову, вона ще не перейшла остаточно з російської на українську, але вона почала поважати цю країну, вона пишається тим, що тут живе. Зараз складно, тяжко, війна і таке інше, у неї залишилася там мама і рідний брат, у Росії, і вона мені каже:

– Я спілкуюся з мамою, а мені нема про що спілкуватися, вони там настільки усі залякані. Ми можемо говорити про те, що у нас в Україні твориться, мама ж боїться говорити, просто боїться про це говорити, розумієте.

Теща моя каже їй:

– Вот у вас там стреляют, взрывают, берите ребенка и едите к нам, у нас тихо.

А дружина каже:

– Мама, здесь все спокойно, я твоя дочь, я тебе говорю.

– Нет, ты мне говоришь неправду.

Уявляєте наскільки промили людям мізки в тій Росії? Я повертаюсь до того, що таке москаль.

Москаль — це така сформована специфічна нація, штучна, куди приймають усіх, головне, що ти розмовляєш російською мовою, б'єш себе в груди, кричиш: «Я русский!» і ведеш паразитичний спосіб життя. По-другому я це не назву. Знаєте, їм потрібні наші ресурси, вони хочуть, щоб ми на них працювали і все за них робили. Якщо чесно, хто засвоював той Сибір, хто засвоював те лісництво, де народилася моя дружина? Батько українець, мати ж литово-вірменка, при тому репресована. Ви уявляєте? Моя теща настільки нормальна людина (рідко щастить з тещею — мені пощастило), спілкуючись із нею я дізнався, що бабця моєї дружини з Литви, «лісові брати» так звані вбили там діда, бабу з дітьми виселили у Сибір, у республіку Комі, це не зовсім Сибір, республіка Комі. Потім вона зустріла вірменина, який був теж репресований, він жив на Кавказі, а радянська влада його репресувала. Там вони зустрілися, побралися, і так народилася моя теща. Вона, знаючи, що її матір і батька нізащо пригноблювала і нищила московська влада, вона все рівно вважає себе росіянкою і цим пишається. Мені це складно зрозуміти. Ось так з'являються росіяни: вона вважає себе росіянкою, хоча у неї немає ані краплини російської крові.

Знов-таки, у мого друга жінка теж із Росії. Майже та сама історія: поїхав він туди, було застілля, сидять вони за столом і місцеві розказують, що вони «руськіє». Він каже:

— Я знаю, що ви не «руськіє». Ви греки і мордва, — родина його дружини це греки і мордовці,

там ні краплини російської крові не було. Вони кажуть:

— Если мы живем в России — мы русские! — отак вони йому заявили.

Так чого ж вони, приїжджаючи до нас і живучи в Україні, не кажуть, що вони українці? Тож вони на нього дуже образилися, він перестав до них їздити і спілкуватись.

Про москаля є дуже багато приказок, наприклад, «Бреше, як москаль». Спочатку я цього не розумів, але зараз, дивлячись їхнє телебачення, я розумію, що наші предки були розумні люди, якщо вони ще тоді таке сказали. Тож москаль — це штучна нація, для них не обов'язково, щоб ти був слов'янином по крові, туди набирають кого завгодно.

Коротше кажучи, «руській» — це стан душі.

Скоріше всього, так і є. Їх характеризує патологічне бажання стати месією для всіх. Вони самі сидять зі рваними штанами на печі, але хочуть допомогти всьому світу, принаймні Україні так точно. Зрозуміти це важко: йому самому лінь взяти голку, нитку й зашити свої штанці й сорочку, а потім вже допомагати іншим, ні, він сам рваний і голий лізе допомагати іншим.

На Донбасі вже «допомогли».

Ну ось таким чином вони нам і допомагають, москаль є москаль.

У Ореста Лютого є пісня «Убий у собі москаля». А чи є у Вас якийсь рецепт як «убити в собі москаля»?

Це дуже важка внутрішня боротьба, я не знаю, як жіночому роду, а от чоловічому роду нашому

треба бути фізично готовим постояти за себе. Елементарно: коли ти розмовляєш українською (як стають українцями? Треба принаймні почати говорити українською), ти відчуваєш на собі тиск, адже суспільство російськомовне, воно намагається на тебе тиснути, жартом принижує або ще якимось чином — треба вміти постояти за себе. З тебе глузують — переходь у наступ, глузуй з них. Наприклад, сидить п'яна компанія і чує, що ти говориш українською, тобі починають кричати: «Бендера!». Що у нас зазвичай роблять? Починають виправдовуватись: «Та я, та я...», або тихенько відходять, або переходять на російську і так далі. У мене позиція інша: я сміливо розмовляю українською, якщо комусь щось не подобається — я кажу: «Стулить пельку». Нічого, я буду битися за це фізично, до кінця, якщо мене будуть принижувати за те, що я українець. Ви знаєте, мені це навіть надає сили.

Я ніколи себе не нав'язую, але коли з мене починають глузувати (на щастя, таких ситуацій було небагато), підколювати мене, брати наші слова і щось мені закидати — я просто попереджую: «Ще один жарт і я дам тобі в лоба». Вони думали, що я жартую, ні, будь ласка, давай вийдемо поговоримо. Бувають люди фізично набагато сильніші за тебе, але коли на твоєму боці правда (а правда була на моєму боці, бо я хочу бути самим собою, а мене намагаються зламати), то це надає сили і коли ти даєш здачі, москалю особливо, ох як вони це розуміють! Вони більше нічого не розуміють, крім грубої сили. Коли я дав одному по зубах і про це дізнались

інші — знаєте, ставлення стало іншим, нехай мене стали ненавидіти і ставитися з презирством, але стали поважати за те, що я можу дати здачі.

Отак я ламав себе, коли я раз поламав себе, другий... Нехай буде що буде, але я відстояв себе. Ти відчуваєш, що не тільки можна, але й потрібно, коли є результат — це допомагає. Я звертаюся до чоловіків: займайтеся спортом, ведіть здоровий спосіб життя, не бійтеся, адже страх це дрібниця, коли правда за тобою і за тобою є сила — ти все здолаєш.

Ну от, насамперед треба вміти постояти за себе. Крім того, що ще треба?

Наприклад, беремо Південь і Схід. У тебе можуть виникнути труднощі у побутово-матеріальному плані. Як це характеризується? Є люди, які ненавидять українців. Ти приходиш влаштовуватися на роботу, а керівник там такий. Ти розмовляєш українською мовою — звісно, він не візьме тебе на роботу. Треба бути готовим до того, що у тебе можуть виникнути труднощі на певному етапі. Я з цим зіткнувся, коли почав на роботі розмовляти українською мовою. І знаєте що вони вирішили (а у мене там бригада була російськомовна і у майже усіх них прізвища були на «-ов» або «-єв») і вони між собою вирішили: «Ах так, он вы...ся — так мы его за...м и он с работы уйдет, мы ему устроим». Це було на рівні бригадирів, а я простий слюсар. Тож певний тиск був, були дискусії, жажливі суперечки, я витримав, не зламався. Не зламали. Так, було важко, можуть зняти премію, можуть пони-

зити, але треба бути до цього готовим, це є жертва, яку треба принести.

Що ще? Треба постійно шукати друзів, соратників, які завжди будуть з тобою, щоб ти не був одинаком. Хоча треба бути й до цього готовим. Якщо ти вже на Півдні наважився позиціонувати себе як українця — то ти одинак, ти в меншості, але є такі ж люди, як і ти, я їх знаходив, ми спілкуємось, проводимо разом час, це допомагає, між собою ми розуміємось, нам легше стає від розуміння того, що я не один, є результат, ми бачимо, що зміни йдуть, нехай і дуже повільні. Ми не тільки спілкуємось, ми й допомагаємо один одному.

Також треба цікавитися своєю історією. Коли ти вивчиш свою справжню історію, а не ту, яку нам писали москалі, ти зрозумієш, ким були твої пращури. Не повірите — це надихає, це допомагає. Мене особисто це дуже надихає, я пишаюся тим, що я козацького роду. По материнській лінії наших всіх пращурів по-вуличному називали Кошовими. Питаю дідового брата: «А чому Кошові?». «Та хтось із наших пращурів був кошовим отаманом». Ви знаєте, це дуже допомагає, мені це дуже приємно. На жаль, ми не знаємо своєї історії далі діда-баби, щонайбільше прадідів. Більше ніхто нічого не знає. У нас були славетні пращури, тому треба цікавитись, «розкопувати», шукати, збирати цю інформацію і найголовніше — передавати її своїм дітям щоб вони не забувалися. Тому треба цікавитись собою, своїм родом, своєю історією і саме собою, вести здоровий спосіб життя. Я думаю, це допоможе.

Ну що ж, перейдемо від теоретичних міркувань до нашого сьогоднішнього? Вас мобілізували у серпні минулого року...

Що можна сказати... Коли почалася перша хвиля мобілізації – я це всерйоз чомусь не сприйняв. Потім була друга, я очікував, що мене як прапорщика запасу призвуть, що я буду потрібен, але мене не викликали. І вже перед третьою хвилею я сам пішов до військкомату і попрохав, щоб мене мобілізували, взяли на службу. Потреби мобілізувати тоді не було, створювалася рота оборони при військовому комісаріаті нашого міста, записали мене туди, вона була на стадії формування. Потім якраз почалася третя хвиля мобілізації (липень-серпень), я чекав, що прийде повістка, але вона чомусь не приходила. В останні дні, на початку серпня, я сам прийшов, нагадав про себе, і мене відправили проходити службу. Я хотів до нацгвардії, але міський військкомат виконував замовлення обласного, була рознарядка до артилерії. Отак я потрапив у артилерію.

А чому саме нацгвардія?

Все-таки я був військовослужбовцем Внутрішніх Військ, це мій профіль, нацгвардія виконувала завдання з охорони блокпостів, тож я вважав, що там моє місце. Але так я туди й не потрапив, потрапив у артилерію. Спочатку мене як прапорщика поставили начальником складу. У нас побутує така думка, що якщо ти прапорщик, то ти «тилова криса». Мене поставили начальником складу у роті матеріального забезпечення. Тижні зо три я нама-

гався перевестися кудись у інший підрозділ, ходив на прийоми до начальника штабу і командира бригади. Зрештою начальник штабу вирішив, що я його доконаю, [сміється] і пішов назустріч, перевівши мене у другу гаубичну артилерійську батарею першого дивізіону. При чому випало це так, що мене привезли на полігон з військової частини і один із командирів гармат відмовився їхати у зону АТО. Це був їхній перший виїзд у зону АТО, тож він відмовився перед самим виїздом і треба було швидко знайти йому заміну, а тут був я. Мене просто спитали:

— Ти впораєшся, зможеш?

Кажу:

— Я з цим не стикався, але я дуже старатимусь.

— Добре. Але якщо у тебе не вийде — отримаєш по шапці. [сміється]

Ось таким чином буквально за пару годин я став командиром гармати і поїхав у складі батареї виконувати завдання безпосередньо у зоні АТО.

Ви проходили якісь навчання, теоретичну підготовку?

Хочу сказати, що у серпні місяці навчання дуже відрізнялися від тих, які проходять зараз мобілізовані військовослужбовці. Невеликі стрільби із автомата — це все, що я проходив, бо я ж був начальником складу. Артилеристи, звісно, проходили нормальну підготовку, їх навчали, тренували, були практичні стрільби на Новочеркаському полігоні (це під Дніпропетровськом, Новомосковськом). Хлопці, як артилеристи, нормально підготувалися,

вони були готові. Я просто був виключенням із цього правила, тому довелося вчитися на ходу, буквально вже у бойових умовах.

А у чому полягає специфіка посади командира гармати?

Можна сказати, що це просто більша відповідальність за людей, ти відповідаєш за свою гармату, за свій розрахунок. У бойовому розрахунку гармати знаходиться шість номерів обслуги, навідник, командир гармати і водій. Дев'ять чоловік. Командир гармати — старший, він відповідає за цих людей. Це різні люди, зі своїми уявленнями про світ, тому тут треба трохи бути психологом, розумієте. Це перше. Друге — це безпосереднє виконання завдання, коли ти отримуєш дані, які тобі дає командир батареї, старший офіцер батареї. А ти є провідником до навідника, скажімо так, від командира батареї до навідника ти є провідником, ти складаєш ті цифри, які тобі дають, вносиш поправки, організуєш роботу гармати, контролюєш і так далі. Це така маленька адміністративна посада, якщо по-цивільному. У армії (не в артилерії) це командир відділення, а в артилерії це командир гармати.

А Ваша гармата — це гаубиця 152 міліметри, так?

Так, 2А65, ці гармати чудово себе показали, не один раз ми їх використовували у надважких умовах: великі морози, до 30 градусів, велика спека — вони себе чудово показали. Є певні проблеми невеликі, вони усувалися безпосередньо на місці, адже

гармати стояли довго, ніде не були задіяні, стояли на консервації, за ці роки ніхто нічого не перевіряв. Ще я хочу сказати, що я йшов у війська з думкою, що формується нова українська армія, розумієте, якісно нова, тому я сам туди напросився, вона має якісно відрізнятись від радянської і від тої, що була до часів Майдану. Так, вона почала формуватися, але дуже-дуже повільними темпами. Армія — це настільки консервативна організація, що вона важко піддається реформам. Ви не повірите, мабуть, все на світі легше реформувати, ніж армію. Більшість офіцерів високого звання (від полковника і вище) закінчували ще радянські ВУЗи, ніхто їх не намагався перевчити, маючи вже незалежну Україну, ніхто на це не звертав уваги. У більшості як офіцери вони виконують своє завдання, є деякі нюанси, є офіцери мобілізовані, які колись щось десь пропустили, не знають, але це все поступово вирішується. Можна сказати, що не всі офіцери мають патріотичний настрій, але як військовослужбовці вони виконують своє завдання до кінця.

Тут постає ще таке питання. Навіть два питання у одному: якою, на Ваш погляд, має бути нова українська армія і наскільки вдало йдуть процеси її реформування?

Нова українська армія повинна формуватися за іншими принципами, це головне. Як формується зараз наша армія? Є замовлення з Міноборони на військкомати на певну кількість людей. Що робить військкомат? Правильно, він набирає кількість людей, але не відбирає якість. Дивіться, є замов-

лення, скажімо, міському відділу: двадцять чоловік туди-то. Він набере двадцять чоловік, але що це будуть за люди? Так, медичний огляд проведеться, сюди беруть більш-менш фізично здорових, але морально-психологічний стан людей ніхто не перевіряє. Сюди, у армію, може потрапити хто завгодно. Ми це бачимо на прикладі того, що є багато людей, які вживають алкоголь. Хто їх перевіряв, хтось із ними спілкувався? Ніхто їх не перевіряв. Є люди, які відверто кажуть: «Я прийшов сюди служити, але я не хочу, воно мені не треба. Мене примусили!» Навіщо таку людину брати у армію? Давайте залишимо його вдома, оподаткуємо його окремим податком, якщо він не хоче. Нехай він виплачує певні кошти тим, хто хоче. Давайте відбирати тих, хто реально хоче, створимо їм певні умови зробимо з них один колектив. От уявіть: у колективі є ті, хто випиває і ті, хто не п'є. Звичайно, будуть конфлікти. Коли людина ідейна стикається із п'яною людиною, то порозуміння не буде, їм важко буде разом воювати. Якщо ми створимо підрозділи, у яких люди будуть думати у одному напрямку, — це вже буде формування нової української армії.

Друге, що нам треба, — це ідея. У армії українська ідея особливо не афішується, прямо скажу: цього немає. Я не чув від офіцерів слів про Україну, є просто прямий наказ виконати бойове завдання, ми повинні, але ніхто не каже від щирого серця, що давайте це зробимо, бо ми любимо цю країну. Нема ідеї.

Ви знаєте, для мене є прикладом полк «Азов». По-перше, там є відбір і відбирає не військкомат, а

представник полку. Гаразд, якщо ми будемо відбирати лише фізично здорових, то ми нікого не наберемо, я згоден. Але морально-психологічні якості людини дуже важливі. От хто зі мною спілкувався? Ніхто не спілкувався. Що треба зробити: більш жорсткий відбір. Тих, хто за морально-психологічними якостями не хоче захищати Україну, використовувати десь у тилкових підрозділах, де вони будуть щось будувати. Намагання зараз є: тих, хто не хоче, відправляють у окремі частини, але епізодично.

Особисто я, будучи три з половиною місяці на полігоні «Широкий лан» у Миколаївській області на посаді сержанта-інструктора спілкувався з багатьма людьми, які мобілізуються. Мені було цікаво: а що їх сюди привело і на що вони здатні. Деякі люди мені відкрито казали: «Мне пофіг, мене ілі стаття, ілі сюди». Навіщо така людина потрібна у армії? Ми будемо платити йому кошти, одягнемо його, будемо годувати, а він ненавидітиме нас, буде ходити й глузувати. Немає відбору, розумієте. Є певний фізичний відбір, а морально-психологічного немає. Навіть привітання «Слава Україні! Героям слава!» приживається тут, м'яко кажучи, не сильно, дуже рідко застосовується. Людина, яка вживає алкоголь, принижує саме гасло, тому таких людей не варто брати взагалі до армії.

А як складаються відносини між людьми, які вживають алкоголь, і які не вживають його принципово? Чи не виникає конфліктів на цьому підґрунті?

Ви знаєте, як кажуть, свій до свого, кожен кучкується за інтересами. Конфлікти бувають виключно

на словах. Ті, хто не вживає, — вони тримаються окремо, хоча й у одному підрозділі. Бувають такі випадки, коли той, хто випиває, заважає тим, хто не п'є. Буває, п'яні заважають тим, хто хоче спати. Це нормальне явище, коли солдат хоче спати, він втопився після занять. А той, хто пив цілий день, — тому хочеться ще пити і співати. Звісно, тут виникне конфлікт. Також є велика небезпека: ті, хто вживає алкоголь, — вони є винуватцями багатьох трагедій у Збройних силах. Пригадаймо трагедію, коли збили дитину у Донецькій області, це реально трагедія. З причини чого? Просто водій був п'яний. Десь був випадок, коли один п'яний застрелив іншого п'яного солдата. Хіба це нормально? Бачите, якби ми вже почали відбирати морально і психологічно стійких людей — ми б уникли цих даремних втрат, ми б завоювали авторитет у місцевих цивільних мешканців, тобто ми знов повертаємось до комплектування Збройних сил. Таким чином, алкоголізм — це наша біда. Це не є нонсенсом, давайте чесно зізнаємось, що армія — це віддзеркалення суспільства. Якщо у нашому суспільстві п'ють горілку (і п'ють багато) і більшість це вважає нормальним, то так само це переноситься на армію, і те, що тут немає певних гальм (дружина й діти вдома), людина може дозволити собі більше пити. Якщо вдома це якимось чином стримує, то тут навпаки цих гальм немає.

Напевно, рівень вживання алкоголю якимось чином пов'язаний із бойовою обстановкою? Люди морально втоплюються, і їм треба якось знімати стрес...

Я хочу зауважити, що більшість вживають алкоголь не тоді, коли конфлікт в розпалі і йдуть реальні бойові дії. Більше вживають алкоголь саме тоді, коли немає бойових дій, коли триває перемир'я так зване. От зараз у нас перемир'я. Давайте проаналізуємо новини. У нас зараз більше втрат, ніж коли йдуть бойові дії. Люди сидять у окопах, ані уперед, ані назад, він не знає що йому робити і починає пити. Ми кажемо правду: він починає пити. Звідси починаються проблеми. Коли йдуть бойові дії — людина менше думає, що їй робити. Повірте, коли йде бій і у тебе є можливість відпочити, зняти стрес — людина може трохи випити, вона випила, перевела подих і вона готова, вона знає, що скоро знову в бій. А коли мир, нічого не трапилось — то починається «розслабон» так званий, не війна і не мир, що ми зараз маємо у результаті оцих мінських угод, це ще більше допомагає буйно розквітнути алкоголізму.

А якась боротьба з цим ведеться?

Я знаю безліч прикладів, коли керівництво хоче зробити багато, але законодавство не дозволяє застосувати жорсткіші методи до тих, хто вживає алкоголь. У командира немає повноважень, щоб робити якісь більш радикальні кроки. Ми чуємо багато, що на передовій викопають яму глибоку для тих, хто вживає алкоголь, людину кидають у ту яму, щоб вона приходила до тями. Потім, коли людина там посидить, вона починає все розуміти. Але це ж незаконно. За це, при бажанні, командирів підрозділу можуть висунути претензії за перевищення

службових повноважень. Тому, можна сказати, що командири роблять певні спроби змінити ситуацію, але вони обмежені у правах. Це вже останнім часом стало, що можуть позбавити грошової премії за випивку, а до цього ж взагалі нічого не могли із ними зробити. Лише останнім часом є певний поступ у цьому напрямку.

На Ваш погляд, наскільки довго триватиме ця війна? І взагалі, що це таке: війна, АТО, чи що це?

Безумовно, для мене це війна, як і для всіх, хто воює у 55-ій артбригаді. Це можуть називати не війною лише представники нашої влади на місцях і у Києві, для них це не війна. Для нас — це реально війна. Дивіться, якщо ми потрапили під обстріл і була вбита людина: це хіба не війна? Це пряма війна. Якщо ми виїжджаємо і постійно чуємо як десь щось стріляє, то ми стріляємо, то по нас: як це можна назвати якоюсь «антитерористичною операцією»? Антитерористичною операцією можна назвати захоплення якогось бандитського угруповання десь у місті Києві або у Дніпропетровську, а коли по цілому регіону постійно йдуть бої... Якщо навіть ми свого часу застосовували авіацію, коли застосовуються «Гради» і так далі — це не є АТО.

На Ваш погляд, які є причини цієї війни?

Безумовно, це рука Москви, ніхто не скаже, що це внутрішній конфлікт. Були певні причини, але ці причини створила Москва, вона створила умови. Ну як можна дістати десь танки, БТри? Добре, можна дістати автомати, кулемети, гранатомети чи гранати якимось незаконним чином. Як можна дістати

сотні танків, гармат, «Ураганів», «Смерчів»? Як це все можна дістати? Як дістати той «Бук», що збив літак? Як це все законно можна дістати? У Донецькій області у нас кордон лише із однією державою — це Росія, все, для мене це питання вирішене раз і назавжди. Я не розумію людей, які намагаються мені щось пояснити, кажучи: «Ти што-то не розумієш». Кажу: «Я все чудово розумію». Той, хто воює у армії, він чудово розуміє, звідки береться все те озброєння.

На Ваш погляд, чи існує якийсь зв'язок між поставками озброєння і так званими «гуманітарними конвоями»?

Я думаю, що у тих офіційних конвоях дійсно гречка, продукти харчування, які знімає камера. Але заїжджають сюди і інші вантажі, які не перевіряються. А той офіційний гумконвой — я не сперечаюсь, Росія завозить щось із їжі, щось із побутових речей.

Але тут постає питання: кому саме йде та гречка...

Ну, тут зрозуміло, що вона ділиться між тими, кому вона потрібніша, а інша частина віддається населенню. Так що гумконвої справжні, але куди вони йдуть і між ким діляться — це інше питання. А озброєння — воно просто завозиться. Ну як можна завести танк у гумконвої? Ніяк. І навіть, якщо можна просто перетнути кордон, переїхавши з Росії в Україну. І нема тут ніяких таємниць, усі бачили в Інтернеті фотографії, де танки стоять на околицях Донецька. Всі бачать, але увесь світ чомусь мовчить.

Ви знаєте, у мене склалась дуже негативна думка про Європу. Я не прихильник Москви, але мабуть, ще більший ворог і Європи, тому що завдяки їхній пасивності ми знаходимось у цьому стані. Дивіться, в нас така приказка склалася, можна сказати, анекдот, що приходять до Порошенка і кажуть: «Ворог зайняв Донецьк». Він у Європу: «От у нас ворог зайняв Донецьк». Що Європа, вона каже: «Ми стурбовані». Порошенку доповідають: «Ворог вже підступив до Києва». Він знов у Європу: «Ворог під Києвом». Європа каже: «Ми дуже стурбовані». «Ворог під Львовом», – доповідають Порошенку. Він у Європу, а там відповідь: «Ну от, нема приводів для турботи». Розумієте, склалася така анекдотична ситуація, але ж...

Було б смішно, якби це не було правдою...

Так, але ж ми втрачаємо свою державу. Давайте пригадаємо Будапештський меморандум, коли ми віддали ядерну зброю під гарантію, що Великобританія, Франція, США і Росія обіцяють нам територіальний захист країни. Згодом Росія на нас напала. Де позиція Америки, Великобританії і Франції? Її немає. Там є якесь мекання-бекання незрозуміле, але для тверезої людини все зрозуміло: «Вирішуйте свої проблеми самі». Отак сказала нам Європа. Порошенко і влада намагаються нам показати, що Європа стурбована і щось там робить. Але те що вона робить – це дрібниці.

А з чим пов'язана така їхня пасивність?

З тим, що ми не є у складі Євросоюзу. Навіщо їм вирішувати наші проблеми? Поки ми самі не

впораємось зі своїми проблемами — їх за нас ніхто не вирішить. Коли у вас свої турботи, а тут сусід прибігає й каже: «Допоможи», — то пробачте, якщо чесно, ти спершу вирішиш свої проблеми, а вже потім допоможеш сусіду. Так і Європа, у них є купа своїх проблем: економічних, національних, расових, релігійних, ті ж мусульмани. У проблемах України одразу треба стикатися з Росією, а це країна, яка має великі ресурси і це серйозний ворог, це не якась Сербія, це серйозний ворог, розумієте? Тому з Росією ніхто не хоче мати спільних справ, протистояти їй.

Чи може це локальне протистояння з часом вилитись у глобальну війну, Третю світову, наприклад?

Не буде ніякої Третьої світової. Ми вважаємо, що Обама і Путін вороги, але ви знаєте, ці люди лідери великих країн, і вони чудово між собою розуміються, а перед нами розігрується такий спектакль, ніби хтось комусь подзвонив, щось сказав, хтось когось обізвав — це все показуха. Людина, яка все усвідомлює, знає, що ніколи ворон ворону око не виклює. Великі держави звикли вирішувати свої проблеми за рахунок інших держав. Росія обурюється, що Америка полізла свого часу у Ірак, Америка пообурюється, що Росія полізла в Україну, цим все й закінчиться, будуть голосні заяви і все. Вони люди певного кола, яке нам недосяжне і перед нами створили картиночку таку, що там йде боротьба, протистояння, а насправді цього нічого немає. Війни не буде, їм не вигідна Третя світова, вони сидітимуть у своїх теплих місцях, у них все

буде чудово, прості люди будуть гинути, а вони будуть там... Я вважаю, так ситуація склалася і так воно буде й надалі.

І все ж у чому полягає першопричина? Навіщо Путіну здався той самий Крим, Донецьк чи Луганськ, наприклад, уся ця так звана «Новоросія»?

Ми знаємо, що споконвіку Росія аби заспокоїти своїх громадян і уникнути внутрішніх конфліктів завжди створювала переможну війну. Є переможна війна — рейтинг царя чи Президента, чи хто там у них буде, рейтинг завжди виростає, усі проблеми заглушуються і відходять на якийсь десятий, задній план, так і зараз. Якби Путін не створив цього конфлікту — його населення почало б з нього питати (не тому, що вони хочуть свободи, вони хотіли б жерти, по-іншому я про них не скажу, вони хочуть тільки жерти і пити, більше вони нічого не хочуть), вони почали б питати: чому, маючи такі ресурси, у нас все так погано? Тому потрібна маленька переможна війна. Вони забрали у Грузії Абхазію і Південну Осетію, це була маленька переможна війна, яка велась під таким гаслом, що вони мовляв своїм громадянам допомогли (перед тим вони пороздавали російські паспорти абхазам і осетинам) і росіяни пішли за них воювати. Так само і Крим, тим більше тут і справді типу «русскіє», так, там багато етнічних росіян, нічого не скажеш, вони прийшли, взяли Крим і рейтинг Путіна росте як на дріжджах. Не від того, що люди стали краще їсти чи у них стало більше грошей, ми знаємо, що зараз вони теж збідніли, як і українці, значно збідніли, але він же

допоміг «русским», як вони кажуть, «ми вездє своїх достанем і спасьом». Саме тому він створив цей конфлікт у Криму.

Звісно, він хотів відірвати увесь Південь і Схід, але так не вийшло, як він хотів, а конфлікт вже почався. Ви знаєте, у Путіна нема одного плану, у нього три-чотири плани, якщо один не спрацював — вступає другий план, не спрацював другий — третій, а як треба буде, то придумують його технологи ще купу планів. Тому не вийшло Південь відірвати — добре, затяжний конфлікт, нехай Україна вкидає туди усі гроші, українці стануть жити бідно, станеться соціальний вибух — тоді можна буде ще щось учудити. Розумієте, він на ходу коригує операцію, це як гра у шахи, щось постійно змінюється. Тим більше ми програємо у чому: він застосовує брудні технології і війна ця, чесно кажучи, брудна, не шаблонна, як Перша і Друга світові.

А ми змушені постійно виправдовуватися.

Так, до цього ми й повертаємось, що ми постійно виправдовуємось і захищаємось. Можна із впевненістю сказати, що на тому боці, сепаратистському, такі ж люди, як ви і я, вони теж бояться померти, фанатики звичайно є, але у більшості це звичайні люди, які пішли або грошей заробити, або ще щось, їх задурманили, а потім вони побачили як воно справді є. Вони не дуже хочуть йти вперед щоб їх знищили, а якщо вони підуть у відкритий наступ, то це будуть великі втрати, не тільки з нашого боку, але і з їхнього, не зважаючи на зраду деякого нашого високого керівництва на рівні Генштабу.

Зараз усі говорять, що планується на північ прорив, на Артемівськ — нелогічно це все робити. Логічно брати через Волноваху на Бердянськ і Мелітополь: відрізається одразу увесь Маріуполь, потрапляє в оточення велика група українських військ і відкривається дорога на Крим. Чи буде так — не знаю, подивимось.

Великої війни не буде, але вони будуть нас кошмарити, а ми що робимо — захищаємося й захищаємося. От зараз ми читаємо новини постійно, сидючи тут ми читаємо постійно новини, визнаємо правду, що то там, то там хтось кожного дня гине, але ми не ведемо як такий вогонь у відповідь, вони стріляють із артилерії, а ми не стріляємо. Я дзвоню товаришам, питаю: «Працюєте на передовій?». «Ні, не працюємо». То виходить, що ми несемо постійні втрати, а вони не несуть, така війна нам не вигідна, ми чомусь не наносимо превентивні удари.

Ми якось із товаришами сиділи отак, спілкувались, ну що нам заважає сконцентрувати у певному місці певні невеликі сили, артилерія відпрацювала, взяли село, перенесли війська на іншу ділянку фронту, через два дні взяли ще одне село, потім перенесли ще. Та якщо ми будемо на тиждень брати по одному селу — ми за рік закінчимо цю війну. От що нам заважає так робити? Щось заважає, виявляється. А що заважає — нема команди. Знову-таки я висловлюю лише свою думку і тих друзів, які зі мною згодні, може коли про це почують інші громадяни, проаналізують ситуацію, подивляться на все — може вони будуть зі мною згодні, я вражаю, що так воно й є.

Давайте ще візьмемо приклад — Дебальцеве. Ми усі пам'ятаємо як нам казали, коли наші війська залишили це місто, що дебальцевський залізничний вузол зруйнований (це пан Лисенко казав) і підлягає ремонту протягом півроку. Та вже через тиждень почали рухатись потяги! З Росії почали по прямій дорозі, а не по якійсь об'їзній, привозити під Донецьк зброю, боєприпаси і так далі. Виявляється, нас пошило в дурні наше керівництво. Або вони просто залишили цей вузол, не підірвавши його, або вони просто нас обдурили, сказавши, що він виведений із ладу, а він не виведений із ладу. Бачите, нас просто обдурили. Вже за це керівництво Генштабу потрібно спитати: де слідча комісія хоча б по цьому залізничному вузлу, нема нічого, все мовчить. Що нам дала комісія, створена при Раді з приводу Іловайська? Та нічого! Нічого не вирішено.

Зараз іде дискусія по донецькому аеропорту. Що відбувається? Нічого. Розказують, то злітна смуга ціла, то не ціла. Я був у донецькому аеропорту два тижні, бачив ту смугу, нормальна смуга, нічого вона там особливо не зруйнована, якісь там виямки... БТР їздив по ній нормально і не потрапив у ті ямки, їздив, як на шосе, нормально. Тобто залишили його, не підірвали, але заявили, що він непридатний. Так, будівлі непридатні, але головне а аеропорту що — злітна смуга. Розставити по боках вогники і прийняти літак можна й без адміністративних будівель. Тож питання: нас знов надурили, чи це навмисне було зроблено? Отака ситуація

складається. Боляче але... Хлопці це все знають, але задати питання нікому і люди залишаються зі своїми думками наодинці, з тим негативом, що відкладається них.

Мінус у тому, що наше суспільство дуже швидко забуває усі обіцянки керівників. Я, на щастя, їх пам'ятаю.

Гаразд, давайте децю змінимо дискурс. Розкажіть, у складі яких ротацій Вам довелося бути? Коли Ви вперше потрапили у зону бойових дій?

Це було, якщо не помиляюсь, 23 або 24 серпня, напередодні Дня незалежності. У складі другої батареї ми виїхали повним підрозділом в район Іловайського «котла», про який ми тоді ще не знали. У нас був старший зі штабу АТО чи зі штабу сектору, були з нами й працівники СБУ, під їх керівництвом дві батареї (наша, друга, і ще третя) висунулися в той район. Хочу сказати, що стан техніки був не дуже задовільний, техніка була в жахливому стані — 20 років грабували армію, розвалювали. Ми, на щастя, доїхали нормально.

Техніка була застаріла? Яких вона років?

У принципі, техніка придатна, якби вона була відремонтована нормально. Ті КРАЗи — чудові машини, якщо вони відремонтовані. Коли нам відремонтували КРАЗ після чергової ротації — нормальна машина, вона чудово справляється із тими вимогами, які до неї пред'явлені. Просто децю було не перевірено. На щастя, доїхали нормально, надвечір приїхали в район селища Старобешева, попереду ліворуч від нас був Новий Світ, теплова станція там, зараз це вже можна

казати, виїхали ми на такий бугор і попереду перед нами низина величезна. Коли ми ввечері туди приїхали — попереду перед нами були бої, вогні літали, ліворуч, праворуч йшов реальний бій, не те що в одному місці, а скрізь було видно спалахи, розриви, обстріли. Це ще по нам не стріляли, це було перед нами. Знаєте, може так не правильно казати, але це було як у телевізорі, ми стоїмо дивимось, а попереду йде серйозний бій. Після цього ми привели гармати до бою, дві батареї поряд (наша і третя), очікували, що нам дадуть якусь ціль. Наша батарея не стріляла, а сусідня, третя, вночі відпрацювала, потім вночі ми повинні були змінити позицію, чомусь ми її не змінили. Потім командири почали задавати питання: чому ми не міняємо позицію? Відповідали: пізніше, пізніше, трохи пізніше. Години йдуть, а ми місце не міняємо, нам сказали, що приблизно о третій годині ночі ми поміняємо позицію, ми її не поміняли, потім обіцяли о сьомій ранку, але о сьомій поступила команда маскувати гармати. Хочу сказати, що стояли ми на височині і не були нічим приховані. Нас було видно здалеку, ми стояли, як у тирі, нас просто було видно. За нами була посадка, ми не стояли за посадкою, ми стояли перед посадкою і нас було чудово видно. Чому не стояли за посадкою, у соняшниковому полі, це знов-таки питання до вищестоящого керівництва. Це не був мій командир батареї, не він обирав цю позицію, він на таке не пішов би, просто я його знаю, я з ним ще потім не один раз їздив на виїзди. Ми стояли, як на долоні, як у тирі.

Напевно, вони чекали на зміну позиції?..

Так, нам казали, що будемо міняти позицію. Окопи почали рити вже під ранок. У нас, на щастя, на гарматі був окоп, правда, неглибокий, по пояс, і не окоп, а така яма два на два, то всі мої хлопці туди пострибали, лише один був з моєї гармати висунутий вперед у розвідку, я не знав, де він і що з ним. Прибіг також мій навідник, який був біля гармати, він був трохи зляканий, каже: «Хлопці, подивіться, що у мене в спині?». А йому в бронезилет втрапив осколок, він стояв коло гармати, коли був цей перший залп, і його зіштовхнуло ударом у спину. Ми глянули, а там осколок влучив. Бронезилет був «Корсар», наш, український, він все чудово витримав. Але уявіть, людина пережила стрес, в неї потрапив осколок, і тут всі зрозуміли: війна, ось вона, ось нашого товариша могло вбити. Це перший залп був по нас. На тій гарматі, де був Юра Д'ячков, одному з хлопців втрапив у каску осколок, звичайна совдепівська каска, вона витримала, там застряг осколок. Бачите, бронезилет і каска врятували двох людей.

Насправді обстріл йшов довго, але здалося, що все пройшло дуже швидко. Після цього я реально почав курити, ми в окопі викурили стільки цигарок, поки йшов обстріл — це просто не передати. Єдине, що ми могли — просто лежати й курити. Ми молились, щоб не потрапило прямо в окоп, щоб не вийшла братська могила.

Частина хлопців з третьої батареї бігла повз нас у сусідню посадку, відходили з лінії вогню у посадку, я зі своїми залишався на місці. Офіцери з «передка» прибігли до нас. Старший офіцер батареї, позивний

«Шева», молодець, під обстрілом побіг, дістав боєприпаси, почав роздавати нам додатковий боєкомплект патронів, його тут же поранило у ногу, поки він біг до нас. Багато людей не знало, що робити. Розумієте, перший обстріл він завжди жахливий. Хто пережив перший обстріл — він вже більш тримає себе в руках, він вже знає що робити і як. На щастя, ніхто відразу нікуди не побіг, частина сховалася в посадці, бо не мала окопів, решта ж була на місці й чекала команди.

Десь через півгодини почали поступати команди. Потім з одного краю почала горіти посадка, де стояли «КРАЗи», нагружені боєприпасами, снарядами для наших гармат. Почав горіти перший «КРАЗ», почав вибухати в ньому боєкомплект, згодом дійшла черга до другого «КРАЗу», який теж почав вибухати. Надійшла команда від офіцерів сідати по машинах і відходити. Мій водій побіг до машини, під'їхав до нас ближче, пробивши посадку, він просто валяв дерева, ви не уявляєте ті «КРАЗи» — чудові машини, поваляли, проїхали, почали люди застрибувати у машини. І тут, як у американських фільмах, проїхали сто метрів і машина заглохла. Я думав, таке тільки у фільмах буває. Що робити, всі машини вже від'їхали. Даю команду вилазити з машини, пішки відходимо по соняшнику, ми йдемо останніми, всіх хлопців тягнемо за собою. Поряд відходили інші хлопці, несли поранених, розумієте? Вони молодці, я ними пишаюсь, вони не полишили поранених і винесли їх із собою. Кажуть, там СБУшник був поранений, його теж тягли із собою.

Єдине, чого я не знаю, я не пригадую коли забрали тіло Юри, чи вже потім приїхали, чи одразу — цього я не пам'ятаю, казати не буду.

Знаєте, ще одне згадав, склалася така ситуація комічна, коли ми лежали в два ряди у окопі і мені голову нікуди було покласти (каску я забув біля гармати), тож довелося штик-ножем викопувати ямку, аби туди можна було покласти голову. Тоді, коли я поклав туди голову, — у мене було відчуття справжньої захищеності, наче я у такій надійній хатинці, де мене нічого не дістане. Дійсно, в окопі відчували себе захищеними, спершу був страх, а потім зрозуміли, що все нормально, якщо ти тут — тобі нічого не буде.

Коли пішки відходили — після соняшникового поля була заправка, де було місце збору. Машин не вистачало, вантажилися у ці машини, зайві речі викинули щоб люди помістилися. Почали відходити, рації вже сіли на той момент, телефони практично теж, ми вже були другу чи третю добу після виїзду, не було змоги зарядити. Наша машина була останньою, ми не знали куди їхати, ми з водієм пригадали приблизний напрямок, яким ми туди заходили, він вийшов на зв'язок з начальником штабу бригади, я кажу хлопцям: «Біжіть до командира чи до заступника, доповідайте, що ми потрапили під обстріл, батарея розбита, ми відійшли». Після цього на зв'язок вийшов начальник штабу частини, розпитав що з людьми, гарматами, машинами, я йому доповів, він сказав місце збору, де маємо зібратися, це була ферма.

Гармати довелося залишити там?

Так, на жаль, гармати довелося залишити там, відійшла лише частина машин. Ви знаєте, тяжко було знайти цю ферму, ми зверталися до місцевих мешканців, вони: «Ми нічево не знаєм! Ви будете нас убивать! Не надо стрелять!». Вони якись перелякані були, відчували, що бій наближається до них. Після цього ми знайшли цю ферму, розмістилися у підвалі, зайняли там оборону, через годину під'їхала решта батареї на чолі з комбатом.

Після цього було вирішено створити групу, щоб поїхати зняти клини з гармат (якщо знімаєш клин — гармата вже не може стріляти). Була створена добровільна група на чолі з командиром батальйону, добровольці виїхали туди на БТРі, але позиція ще обстрілювалася і вони вимушені були повернутися.

Далі ми ще деякий час перебували на фермі, перевіряли наявність особового складу, після цього була дана команда на відхід, з нами був полковник, який дав команду відходити, гармати ми залишили, ми не могли їх відтягнути. Чесно кажучи, назад їхали, як побиті цуценята. Але, дякувати Богові, ми відбулися малими втратами, можливо така була доля нашої батареї, можна сказати, що нам пощастило, могло бути набагато гірше.

Ось так трагічно закінчився наш перший виїзд. У нашій батареї був один загиблий і один тяжко поранений. Приблизно через дні три чи чотири нас відпустили додому, ми з'їздили до родин. Після цього наприкінці серпня відбувся наступний виїзд.

Якісь прояви агресії з боку місцевого населення були?

Знаєте, це треба бути повним дурнем, щоб чинити якусь агресію до групи озброєних солдатів. Так, може кинутись якась жінка, лаяти нас, але ми пропускали це повз вуха. Вона могла щось негативне сказати в наш бік, але що ти їй зробиш? Вступати в дискусію з такими людьми було даремно, а робити їм щось погане — такого не було в думках. Кричить — хай собі кричить, наша ціль була виконати поставлене командуванням бойове завдання.

Оцей випадок, коли за короткий термін були розбиті дві батареї, він якось вплинув на моральний стан бійців?

Дивіться, після того, як ми приїхали, з'їздили додому, зібралися знову в кінці серпня, нам сказали, що ми знову будемо від'їжджати, дали нам інші гармати, дали машини, укомплектували майном, яке ми втратили, багато хлопців документи повтрачали, погоріло там, телефони і таке інше. Багато чого нам було одразу видано і нас спитали, так само, як і вперше, чи згодні ми їхати в зону АТО. По чесному: «Хочеш їхати, чи не хочеш?», не було такого, щоб усіх примусово гнали. Двоє хлопців з моєї гармати відмовилися: навідник, якому потрапив осколок у бронезилет, і другий хлопець теж відмовився під впливом пережитого потрясіння. Я їх розумію, я нікого з хлопців ніколи не засуджував і не маю права їм нічого казати, принаймні один раз вони вже були, на відміну від тих, хто взагалі відмовився служити. Вони вже вчинили подвиг.

Можливо, якби перший виїзд був не таким жахливим для нас, все було б набагато легше і ніхто б із хлопців не відмовився, якби був період адаптації, якби все було більш плавно, а не так одразу. Здається, в нас більше й не було таких втрат після того випадку. Розумієте, Іловайськ є Іловайськ, тоді багато чого втрачалось. Звичайно, на фоні іловайської трагедії це не найбільша втрата, але для бригади це був, мабуть, найбільш складний період за увесь час, хоча були ще випадки, коли виходили батареї з-під Амвросіївки, з-під Д'якового, я точно не пригадую. Там теж було багато чого залишено, це інші хлопці можуть розказати. Я вам розповів про один із таких-от жахливих випадків.

А як загалом ставляться до людей, які пішли «у відказ»?

Ну, як ставляться... Той, хто був там і пережив все це, — той їх розуміє. Знаєте, ніхто нікого не засуджує, у нас такого не було. Ми це все пережили і ми їх розуміємо, просто ми змогли цю планку для себе посунути і вирішили, що зможемо ще, хтось зрозумів, що це його межа і він не зможе піти далі, нічого їх за це засуджувати. Я можу засудити тих, хто взагалі ні разу не їздив і не знає й не бачив цього, я можу сказати, що це боягуз, а якщо людина була і потрапила у якусь критичну ситуацію — я не маю морального права їй щось казати. Принаймні він зміг перший раз поїхати, поламати себе. Це дуже важко їхати, знаючи, що ти можеш загинути. Цивільній людині це важко збагнути, вона вважає, що там нема нічого такого. Насправді ж це дуже

важко, коли ти знаєш, що твоя родина може залишитись без батька чи чоловіка. Так що тих хлопців, які відмовлялися, ми ніколи не засуджували за це, ми просто не маємо морального права їх засуджувати. Тих, хто не поїхав із самого початку, ні разу там не буди, я можу засудити, тому що на них витрачався час, їх навчали.

Розкажіть про Луценка, ви ж разом служили. Ви мали з ним контакт?

Так, це був наш другий виїзд, коли ми там були більше двох місяців і тут у батареї з'явився новий хлопець. Ну, новий так новий, буває, інколи привозять людей, хтось проситься із тилових підрозділів на «передок», це нормально. Ну з'явився — то й з'явився. Потім хлопці кажуть, що це син Луценка, стало цікаво. В один із виїздів на бойове чергування ввечері він підсів до нашого вогнища, почали спілкуватися, хлопець як хлопець, мені цікаво поспілкуватися на політичні теми, з приводу життя дітей високопосадовців, мені це було цікаво, я хотів з ним поспілкуватись, він від цього ухилявся, кажучи: «Політика мого батька — це одне, а моє життя — це інше». У принципі, задушевних розмов у мене з ним не було, для мене походження не має значення, для мене людина важлива своїми вчинками і ставленням до інших.

У мене ніколи не було трепету перед високопосадовцями, вони такі ж люди, як і ми, тільки й того, що ми надали їм владу. А те, що деякі з нас їх бояться, — це той самий комплекс малоросійства. Чому ми маємо боятись того ж Президента чи ще

когось, якщо він обраний нами і мусить нам слугувати?

Луценко був поставлений на посаду командира гармати, хлопці його навчили, з нами він пробув сорок із чимось діб. В одній з розмов він сказав, що у нього є проблеми зі здоров'ям і можливо він більше не зможе поїхати з нами в АТО. Після цієї поїздки він з нами дійсно не поїхав. Це він приїхав десь на початку листопада. Як тільки вибори до Верховної Ради пройшли (ви розумієте про що я говорю) він з нами більше не їздив.

А який він у побуті, у спілкуванні? Він дійсно воював?

Ні, він дійсно воював, тягав снаряди, тут жодних питань немає, він як усі, був з усіма нарівні, також тягав снаряди, розкладав гармати, жив, як і ми, у полі, спав під відкритим небом на карематі, як і ми, теж коло вогнища мерз, під дощем мок, ніяким особливих умов він для себе не вимагав. Тобто в плані побуту і служби — якби не знати, що це син Луценка, то звичайний солдат, як і ми, що тут казати, ось так було. Він себе зарекомендував як нормальний чоловік. Одного разу приїхав до нас на «передок» його тато, допоміг нашій батареї гуманітаркою, привіз намети, дещо із їжі, молодець, багато чого привіз. Приїхав він до нас на «передок», безпосередньо на вогневий рубіж, привітався, поспілкувався, людина як людина, хлопці з ним нафотографувалися, мені це було особливо нецікаво. Я запрошував приїхати старшого Луценка до нас, у місто Енергодар, бо в нас є певні про-

блеми, хотілось би щоб він їх допоміг вирішити, він відповів, що можливо приїде, але на жаль, ще не приїжджав. Якщо буде у нього можливість приїхати, я нагадую моє прохання, нехай приїде, ми зустрінемо його, покажемо які в нас є проблеми, може він допоможе їх вирішити. Теж людина як людина, нічого особливого. Потім ще Луценко-молодший кілька разів приїжджав до нас на батарею, привозив волонтерську допомогу, одному з хлопців, товаришу моєму, коригувальнику вогню, він надіслав спеціальний планшет, далекомір, тобто такі речі, які допомагали хлопцю під час перебування у донецькому аеропорту. В принципі, це все, що я можу сказати про Луценка-молодшого.

З-ніг Старобешового вас відправили додому, до Запоріжжя, потім?

Так. Ми ротації називаємо виїздами. Потім був другий виїзд, ми виїхали в кінці серпня, він був найдовший, аж у листопаді ми повернулися. Ми виїхали в район Волновахи, у нас був базовий табір у посадці, ми ховалися, жили у посадках, командир батареї, капітан, поставився до цього серйозно, ми виймали батареї і сім-карти з телефонів, ми ховалися по посадках, не вступали у контакти з місцевими, не знаходились на околицях населених пунктів, а жили таким аскетичним життям. Я вважаю, що це принесло результат, бо у нас за цей виїзд не було ніяких втрат, слава Богу. Тобто комбат робив так, як вважав за потрібне, командував толково, дякувати Богу і йому, що ніхто з хлопців не загинув, ми виконували свої завдання.



Табір артилеристів

У районі Волновахи у нас був свій сектор від Маріуполя, де був наш третій дивізіон, і до Донецька (Волноваха — умовний центр). От від Маріуполя до Донецька їздили наші дві батареї і там працювали. По більшості це був район Гранітного, тоді були жорстокі бої за Гранітне і працювали в цьому напрямку: Старогнатівка, Гранітне і так далі.

Розкажіть, як проходили виїзди? Ви жили в таборі, а періодично виїжджали на бойове чергування?

Так, базовий табір приблизно за 30 кілометрів від передової, ми чергували через добу: доба — одна батарея, доба — інша, ми міняли одне одного. Тобто ми добу були на передку, а наступна доба

була для відпочинку у базовому таборі. Вважаю, що це було правильно зроблено, нормальний принцип, хлопці могли відпочити спокійно. Спершу ми постійно виставляли чатових на пости, тому що очікували, що якісь ДРГ будуть, постійно нас шукали безпілотниками. Де-де, а під Волновахою вони дуже часто над нами літали, постійне затемнення, ввечері вогнища гасилися, нічого не горіло, не світилося, колони вночі пересувалися без світла, втемну. Повірте, це дуже складно, коли їде «КРАЗ» із гарматою вночі по незнайомій дорозі, це дуже небезпечно, але все обходилося.

Спочатку були мінські домовленості і певний час ми не працювали (працювали — це значить стріляли по ворогу), потім все-таки надійшли команди, ми почали працювати, обстрілювали ворога. По тому, як казав нам командир батареї, ми робили їм велику шкоду, тож я вважаю, що ми не даремно пробули той другий виїзд, відпрацювали добре.

В один із днів з нами була третя батарея, їй надійшла команда вирушати у напрямку Донецька. Вона виїхала, через декілька днів (а може й через день, я точно не пригадую) надійшла команда й нам. Ми думали, [що] ми їдемо їх змінити, а насправді виявилось, що ми з ними будемо працювати постійно. Знов ми з третьою батареєю працювали по донецькому аеропорту, прикриваючи дії наших «кіборгів». Тож вся друга частина нашого другого виїзду пройшла в районі Донецька. Знаходячись там, трохи по-іншому був організований наш побут. Базовий табір ми розташували біля

покинутої старої ферми, там жив і її власник, нормально до нас поставився, дозволив нам зайняти приміщення, кинути електрику на стовпи, тобто у нас вже були певні побутові умови, колонка у нього була з водою. Під Волновахою був період, коли не було води напитися і комбат вирішив не ризикувати нашими життями, тож ми намагалися нікуди не виїжджати просто так, то бували періоди, що ми пили воду з калюж, робили саморобні фільтри із вати та активованого вугля, проціджували, кип'ятили і пили, і таки був період, що не вмивалися, не чистили зуби, бо навіть просто попити не було води. Потім все налагодилося, вже ми засвоїлися, все пішло легше і там ми працювали до середини листопада.

Про цю ферму можна вказувати? Той чоловік виїхав, чи він досі там?

Ну, я ж не назвав місця, де саме ми жили, тому я вважаю, що можна. Він нормальна адекватна людина, поставився до нас добре, спілкувався з нами, по можливості намагався допомогти, головне, що він, як кажуть, не здавав нас, нікому нічого не було відомо, він не розказував нікому. Ті, хто там по-справжньому господарює, — ті нас підтримували, їм не хочеться, аби туди прийшли хлопці якісь інші і там творили якусь шкоду.

Вам доводилося мати безпосередній контакт із ворогом?

Хочу сказати, що ще коли ми були в районі Старобешового, коли потрапили у цю передрягу, коли відходили, на одному із флангів виникла стрі-

лянина, це було не на нашому фланзі, на іншому. Хлопці розказували, що там були кулеметники, був вогневий контакт, хлопці відстрілювалися. Там, де я відходив зі своєю гарматою, ворог на нас не йшов, тому я не застосовував автоматичну зброю. І в подальшому на виїздах не доводилося застосовувати стрілецьку зброю.

Можливості поспілкуватися із ворогом не було?

Не було, тому що ми ж займали позиції так, щоб нас не було видно, подалі від доріг. Задача артилерії — стати непомітно, виконати бойове завдання і знов щезнути. Ми уникаємо виявлення, бо поки ми не помічені — ми живі й здорові, виконуємо завдання, якщо ж нас помітили, то є велика можливість, що нас накриють.

Розкажіть про третій виїзд.

Після того, як ми приїхали другий раз, у нас був третій виїзд, там нас декілька разів накривали вогнем мінометів і «Градів».

Це був район аеропорту?

Так, це було знову біля аеропорту, це була вже зима, зовсім інші умови, великий мороз, 25-30 градусів. У нас знову був базовий табір, намети з утеплювачем, «буржуйки» так звані і загалом все. Коли виїздили на «передок», на виконання бойових завдань, то наметів там не було: виїжджає тентована машина, з нею гармата і особовий склад. Вдень ми розпалювали вогнище у балках чи посадках, комбат обирав чудові позиції, так, щоб була низина, щоб можна було заховатися від обстрілу і щоб нас не помічали. Ви розумієте, що таке низина: там можна

розпалити вогнище, заховати машину. Вогнище нас рятувало, якби не вогонь — я не уявляю як би це було. Були такі сильні морози, що коли сидиш біля вогнища, то спереду ти ще грієшся, а ззаду тебе все рівно бере мороз, повертаєшся то спиною, то передом, проблеми з ногами були. Підвозили нам волонтери валянки, все це вирішувалося. Слава Богу, ніхто не обморозився, все нормально.

А як ви харчувалися?

На виїзди надається сухий пайок на добу на кожну людину, а у базовому таборі видаються продукти, з яких ми самі собі готували їжу, починаючи від різних круп, буряка, картоплі, моркви, капусти, цукру, тушонки, згущенки і до хліба, хтось привозив, один із хлібзаводів, чи запорізький, чи який, я не пригадаю, надавав волонтерську допомогу, привозив свіжий хліб. Це було чудово: свіжий хліб і булочки. Я пригадую період, коли ми були під Вол-



Намет на ящиках для снарядів

новахою, гризли лише сухарі і мріяли про хліб, то туди нам привозили свіжий хліб, я б із радістю назвав цей комбінат, щоб подякувати їм, але на жаль, я не знаю, який саме. Коли нам туди привозили свіжий хліб — це для нас реально багато значило.

Потім у нас вже була й електрика, можна було зарядити телефони, був DVD-програвач, хтось взяв ноутбук, ми мали змогу проводити дозвілля, могли подивитись якийсь фільм, заїзти в Інтернет, почитати новини — це дозволяло урізноманітнити наш побут.

А до цього як проходило дозвілля?

Ви знаєте, по більшості рили окопи, дуже часто міняли позиції, часто змінювали місце для базового табору, на новому місці обов'язково рили окоп, накривали, накат робили, очікували чогось. Ми настільки втомлювались, що мусили багато відпочивати і по можливості не рухатись, бо було дуже важко. Вільний час, щоправда був, по більшості це було готування їжі і спілкування біля вогнища. Час проходив так: зібрались біля вогнища, щось готуємо, спілкуємося, п'ємо чай. Знову наголошу, що вогонь це був наш друг, саме він був домом, а не якийсь дах над головою. Де ми зупинилися, де наша стоянка, розвели вогнище — от навколо нього це наш дім, де ми проводили більшу частину свого вільного часу і просто відпочивали. На бойовому виїзді ми дуже мало спали, або навіть взагалі не спали, і маючи добу відпочинку ми намагалися просто відпочити.

А про що люди говорять на фронті біля вогнища?

Ви знаєте, не стільки про війну говорять, скільки про те як воно вдома, що було, хто чим займався. Ми купили собі радіо на батарейках [*посміхається*] і слухали наші канали, «Радіо-24» ловило там нормально, постійно слухали новини, обговорювали їх між собою, ми обов'язково перетирали кожну новину, були дискусії, це було цікаво. Ловили й сепарські канали, слухали їхнього... Як же його, забув. Там був такий у них, вів передачі постійно і ми оце слухали їхні канали, наші, аналізували, сперечалися, висміювали, робили висновки і прогнози що буде далі, що буде на фронті, у тилу, у політиці, це було цікаво і багато часу витрачалося на слухання радіо і аналіз ситуації. Саме так ми й проводили більшість вільного часу.

А як тримали зв'язок із рідними? Була змога?

Так, була. Відходиш від базового табору в бік, вставляєш картку, батарею, поговорив, проблем ніяких не було, з рідними були постійно на зв'язку.

Про що запитують, чим цікавляться родичі, що їх турбує?

Не всі ж говорили, що вони були там. Наприклад, я своїй дружині зізнався лише тоді, коли вийшов із донецького аеропорту, коли приїхав додому, тоді розповів їй, що я воював. Вона вважала, що я сиджудесь на складі із боєприпасами. Багато хлопців не казали рідним, аби вони не турбувались. Обирали момент, коли тихо, і дзвонили їм. А так більше ти розпитуєш, що там вдома. Ну що ти розкажеш: стріляли чи не стріляли, у нас всі живі, слава Богу, ти ж не скажеш, де ти знаходишся, лише загальні риси,

чим харчуємося, що сьогодні робили і що плануємо робити. Ніхто не конкретизував, бо думали, що телефони прослуховуються (а може так і було, я не знаю) і не хотіли нічого зайвого сказати. По-перше, щоб не видати нас, а по-друге, щоб не було проблем із СБУ або якимись іншими органами. А так здебільшого розпитували як там вдома, слухали, що там наші розказують, у кожного ж родина. Друзям я просто казав щоб вони не телефонували, я сам дзвонитиму, коли буде можливість. Розпитували, як там вдома, у друзів, кого забирають у армію, кого не забирають. Друзі ж цікавилися, що планують сепари, чи буде наступ, куди будуть наступати, ми з ними ділились своїми думками. Ну, якось так.

А чого там, на фронті, найбільше не вистачає? Вам особисто чого не вистачало?

Тут можна розділити на матеріальне і нематеріальне. З матеріального найперше – вода, влітку дуже хочеться пити, не завжди буває вода. Завжди хочеться помитися, прийняти душ – це щастя для солдата. До нас вже потім почала приїжджати баня, а спершу не було. Комбат організував, ми вийшли, знайшли ставок, виставили очеплення і у цьому ставку купалися у багні і були такі щасливі, у мене такого купання в житті ніколи не було. З їжею спершу були проблеми, але потім налагодилося. З матеріального це в принципі все. Був період, що цигарок не вистачало, то таке.

Не вистачало духовної їжі. Тут хто до чого звик: хтось звик до Інтернету, хтось до телевізора, мені наприклад, не вистачало книжок, я люблю читати.

Щойно виникла можливість з'їздити у магазин — то я зайшов у книжкову крамницю, хотів книжок собі купити. Продавщиця побачила, що солдат замість горілки цікавиться книжками, та ще й якими, а у них майже нічого не було, то вона мені від себе просто так подарувала книжки, розумієте? Я читав, передавав хлопцям, багато хто з хлопців теж читав. Читання теж дуже допомагало, ми могли разом прочитати книгу, а потім якісь моменти обговорювати, це було цікаво.

Потім з'явилися телефони, хтось купив кращий телефон, де є можливість в Інтернет вийти, той DVD-програвач, той ноутбук узяв із собою і таким чином оцей інформаційний вакуум почав наповнюватися. Я почав брати із собою книги і було чим зайнятися. Грали також у карти, у нарди, у доміно. У нас була така традиція: ми приїжджали з виїзду, у нас доміно у наметі, вмикаємо новини, граємо у доміно, поїли, чаї ганяємо, граємо у доміно. Карти теж, хто кому генерала зробить, це теж було цікаво. Час дуже швидко йшов і ніколи не набридало, хоча ми через день грали.

А чи немає такого надлишку спілкування, коли ти протягом двох місяців знаходишся у замкненому колективі?

Бувало таке, що там через щось погиркались, але це таке, моментами, цей негатив швидко закінчувався і далі: «Та що ми з тобою сваримося, братан?». Тобто все було нормально, бо ми всі постійно разом, це важко уявити в цивільному житті, коли одна й та сама група в тих умовах, нерви дуже

натягнуті. Але колектив зібрався нормальний, в гарматі все було чудово, я вдячний усім хлопцям, хто зі мною був, хто мене підтримував, особливо спершу. Я ж не їхній командир гармати був, я прибув до них у день виїзду, уявляєте? За півгодини до виїзду приходить якийсь новий чоловік і каже: «Я ваш командир гармати». Уявляєте? Вони мене нормально прийняли у колектив, допомогли багато в чому, я їм за це дуже вдячний. Я пишаюся, що я з ними був. Здебільшого усі хлопці російськомовні, але ви уявляєте, які вони молодці. Вони не висловлювали ідей за Україну, вони говорили просто і прямо: «Я не хочу, щоб ця вся погань прийшла до мене у Бердянськ, Оріхів, Токмак, Запоріжжя. Я зроблю все для того, щоб воно залишилось тут, а не прийшло до мене». За це я їм окремо дякую.

У вас був зв'язок із іншими батареями?

Так, безумовно. Усі гармати поряд, за 10-15 метрів одна від одної, ходили один до одного, хлопець з іншої батареї міг прийти до нас поспілкуватись, розповісти якусь новину, послухати наші якісь історії, чимось поділитися. Або якщо хтось не їздив на виїзд, а ми їздили – приходить, розпитує. Ми, у свою чергу, розпитуємо, що тут у таборі було, поки нас не було. Ходили у сусідню батарею, були з нами й інші підрозділи, були залишки житомирських протитанкістів, дві гармати їхні з нами були. Я ходив до них, познайомився із хлопцями, спілкувався, розпитував як вони воювали, вони цікавились як у нас було, сиділи разом вечеряли. Це завжди цікаво, у нас одне, а у когось інше, треба все розпитати.

Не було градації на «східняків» і «западенців»?

У нас були переважно всі хлопці, процентів 80-90, із Запорізької області, Кіровоград був і частина, якщо не помиляюсь, Дніпропетровськ і Херсонщина. Все нормально, Ви знаєте, навіть зараз, нова батарея, більшість із Західної України, є з Харкова, є місцеві, запорізькі, все чудово, все нормально. Українська і російська мови лунають, ніяких проблем не виникає. То в кого у голові каша — у того й виникають якісь претензії одне до одного, а у кого світла голова — той ніколи не буде на порожньому місці здійснювати бучу і висувати претензії один одному. Так що можна із впевненістю сказати, що ніякого поділу немає, у мене все чудово, нормально.

Давайте перейдемо до розповіді про той виїзд, коли Ви перебували у донецькому аеропорті. Розкажіть якнайдетальніше, як пройшов той виїзд?

В один із днів, коли ми перебували під Донецьком, комбат викликав командирів гармат і сказав, що від нашої і третьої батареї треба по одному чоловіку, які підуть коригувальниками нашого вогню у донецький аеропорт. Він прямо сказав, що завдання не з легких, коригувальник — це завжди мішень, усі це знають, він прямо сказав, що на коригувальника буде сипатись все. Він молодець, він нам прямо повідомив, на що ми йдемо. Один хлопець хотів, але його залишили, я визвався, але мені сказали до ранку подумати. Справді, з моєї гармати хотів один хлопець, але він молодий, двадцять з чимось років, ще ані дружини, ані дитини не має, я вмовив його

залишитись, хоча він дуже хотів. Зранку я підійшов до командира батареї, кажу: «Я хочу, я поїду».

З нами також служив хлопець з Донецька, не буду казати хто він, позивний «Бродяга». У мене був позивний «Борода», а у нього «Бродяга», він давно поривався у сторону Донецька, бо він сам донецький.

Це ж він той «Бродяга», що прийшов добровольцем? За нього багато розказували.

Так, це він. Я узяв гріх на душу, оскільки третя батарея не дала жодного чоловіка, я комбату запропонував: «Бродяга» хоче теж поїхати. Давай, ми поїдемо удвох?». Комбат спочатку не хотів, каже: «Хлопець теж ще молодий, ще дітей нема», — але потім зголосився відправити нас двох.

Поїхали ми у штаб сектору, там знов був полковник, який займався артилерією, курував нас, він нас додатково проінструктував. Спочатку нас комбат із СОБом багато чому навчили, бо для нас робота коригувальника була новою і незнайомою, потім нас ще трохи навчили у штабі сектору. Нам дали карту, супутниковий знімок аеропорту і його околиць і ми поїхали.

Три дні ми чекали, поки нам дадуть транспорт, приїхали під Піски, був створений з'єднаний загін, до якого входили ми, два коригувальники, і ще хлопці-добровольці для зміни тих, хто знаходиться в аеропорту. Це хлопці з різних підрозділів: територіальна оборона, кіровоградський спецназ, кого тільки не було, навіть повар був зі штабу сектору. Наша група була додатково екіпірована, нам видали

кевларові шоломи, підствольні гранатомети, гранати, додаткові боекомплекти, загалом видали кому чого не вистачало, все обновили.

Таким чином, нас вивезли у Піски, враження були, коли бачиш все зруйноване, скрізь все стріляє, стрілецький бій десь йде, щось поряд вибухає... Там була покинута автобаза, де знаходилася мінометна батарея і БТРи звідти виїжджали у аеропорт. Дуже швидко нас розсадили по БТРах, все дуже швидко, ми не знаємо цих БТРів, що це таке, купа речей із собою, вода, їжа, боекомплекти... Сіли в машини, виїхали на злітну смугу і безпосередньо по ній на всій швидкості, на яку здатен БТР, рухались у бік аеропорту.

У той час у аеропорті наші війська тримали три об'єкти — башту, новий і старий термінали. Ми мали потрапити у старий термінал, але нас чомусь закинули на башту, часу пересідати там не було, все це максимально швидко, я ніколи цього не забуду. БТР рухається, почалася стрілянина, БТР стріляє у відповідь, під'їжджає до башти, відчиняється люк, навкруги все стріляє, я перед собою бачу сходи і як якийсь боець кричить: «Выбегаем быстрее! Быстро носим!». Ми швидко починаємо скидати речі з БТРа, перебігаємо на цю сторону (тут вогню нема, а з того боку йде бій), все це було швидко, спонтанно. Вперше це дійсно незвично, тобі здається, що зараз у тебе влучить. Ми швидко піднялися на другий поверх, старший із позивним «Сумрак» нас зустрів, він із 79-ї аеромобільної бригади, з Миколаєва, командир розвідроти. Він одразу почав: «Так, тут

кам'яна стіна, вона не пробивається, а отут фанера йде, тут треба пробігати, тут обстрілюється». Все це перебіжками, забігли з крила у башту, все навкруги розбито, ми у шоці, зайшли у башту, з башти хлопці відстрілюються, для нас це було незвично, це був просто шок, не страх, а просто шок, ми не знаємо, що нам робити, починаємо бігати. Він нам каже: «Хлопці, сіли і сидите отут. Ми відіб'ємо атаку і все вам розкажемо». Ми сіли, дочекались, доки вони відбили атаку, все стріляє навкруги, по нас, по них. Коли все вщухло — почався інструктаж, нам почали розказувати...

Так все згадується, стільки вражень від цього аеропорту було, це неможливо передати... Натисни на паузу.

[Після короткотривалої паузи]

Хотілося б одразу відзначити, що я жодного разу не пошкодував, навпаки, хотів себе випробувати. Якщо я себе завжди позиціонував як українця, який хоче захищати свою землю — для мене це було перш за все випробуванням, я завжди говорю, що найскладніша боротьба це боротьба із самим собою. Схотів — пішов, я про це не шкодую і все життя буду цим пишатись, це для мене важливо.

І от, коли ми потрапили в башту, виявилось, що нас не там висадили, у Пісках нас не в той БТР посадили. Було три різних об'єкти, між ними переходу немає, пройти можна лише між старим і новим терміналами вночі. Пройти ми не можемо, залишились там, пробули більше тижня на башті, коригували вогонь з башти. Хоча саме з башти було найзруч-

ніше коригувати вогонь, звідти все було видно, ми тримали оборону на другому поверсі, а на четвертому поверсі башти знаходився наш пост, де сиділи коригувальники.

Хочу сказати, що людей у башті було мало, аеропорт тримало небагато людей, їх було у сумі трохи більше сотні, ніколи там не було багато людей, у башті було чоловік двадцять. І оці двадцять чоловік (важко собі уявити, я сам собі не уявляв, що таке можливо) тримали цю башту від усіх, хто був навкруги, а навкруги були одні лише сепари, нікого з наших навкруги не було.

А сепарів приблизно скільки було?

Чесно, я не скажу скільки, я просто розкажу як це все було. Коли нас трохи проінструкували,



Розбита техніка у Донецькому аеропорту

дали завдання, ми засвоїлися, вийшли на зв'язок зі своїм штабом, доповіли, що ми прибули на місце. Попервах артилерія працювала несильно, там був інший коригувальник, який коригував «Гради» і міномети, його позивний «Соловей», ніхто там не цікавився прізвиськами чи подібними речами. Особливість аеропорту у той час, це був жовтень-листопад, що там разом із «сімдесят дев'яткою» тримав оборону і Правий сектор, це була особливість, яку я одразу зауважив, на башті було приблизно п'ятеро-шестеро представників Правого сектору, решта – ВДВшники.

У перший чи другий день відбувся серйозний бій, коли довелося групі бійців вийти на вулицю і дати залп із гранатометів, бо була ворожа вогнева точка, звідки нас крили, її можна було вразити тільки із РПГ. І от група бійців Правого сектору і сімдесят дев'ятки вийшла, зробила перший постріл, не влучила, другий, третій, і лише з четвертого чи з п'ятого пострілу вдалося влучити і саме у цей момент прилетіла так звана «ответка», вибухнула коло них, двох поранило (один із Правого сектору, інший із сімдесят дев'ятки), вони зтягнули їх назад, через день чи два їх евакуювали з башти.

Отак ми побачили яка війна насправді, у близьких умовах, із застосуванням стрілецької зброї.

На башті ми з «Бродягою» виконували завдання по черзі, наше завдання було разом з одним із бійців сімдесят дев'ятки чергувати постійно на верху башти. Маючи прибори нічного бачення, тепловізори, ми охороняли підступи до башти, щоб, не

дай Бог, сепари не підійшли до неї близько чи щоб, не дай Боже, увійшли всередину. Наше головне завдання було тримати їх на відстані, не підпускати їх близько до будівлі. Якщо б вони близько підійшли до будівлі, тоді б нам було дуже складно.

Яка відстань була сепарам до башти?

Вони то підходили, то відходили, поряд були різні господарчі будівлі, а там був паркан кам'яний, плита така йшла, це було приблизно метрів за п'ятсот. За тією плитою була посадка, вони могли пересуватись непоміченими, у них підкопи були зроблені, ходи, вони могли пролазити, але ми цього не бачили, головне було не пустити їх за плиту, до нас. Використовувати прибори нічного бачення і тепловізори було дуже зручно.

Що ще можна сказати... Вони знали, де ми сидимо, вони ж не дурні, я знаю, що вони нас слухали, усі наші розмови. Коли ти починаєш коригувати, у це місце летіло все, що завгодно, що туди тільки не летіло, а тобі потрібно постійно висовуватись, виглядати чи вони не лізуть, тобі з другого поверху дають команду оглянути напрям (південь, захід, північ, схід), це було складно, бо ти знаєш, що якщо ти занадто висунешся, то не втримаєшся, почнеш розглядати, щось у тебе влучить. Ми постійно перебували під обстрілами, нам часто давали команду спуститись униз, бо по верху валили абсолютно із усього, сховатись не було де. Башта вже була розбита, у деяких місцях було просто виламані шматки, просто відкрите місце. Ми що тільки не вигадували, виглядали, ставиш дзеркало, ставиш ще

одне дзеркало і дивишся через дзеркало, а не безпосередньо. Постійні чергування: дві доби чергуєш, дві типу відпочиваєш, але я чотири доби просто не міг спати. Приходжу, у мене вільна зміна, навкруги хлопці стріляють, постійно щось стріляє, вони стріляють, ми відбиваємося, я просто чотири доби не міг спати, для мене це був стрес, але організм витримав. Я сам собі не вірю, що таке можливо. І таким чином ми тиждень там чергували. Знову ж, яка там вільна зміна? Ти або біжиш десь постріляєш, або біжиш нагору одразу.

Потім почали викликати вогонь, почала працювати моя ж батарея і третя, які були під Донецьком, недалеко від нас. Сепари дуже боялись артилерії, щойно вона починала працювати — усі їхні атаки захлинались. Вони могли валити, доки не починала працювати артилерія. «Гради» — це не так результативно, тому працювали міномети з Пісків, звідки ми виїжджали, і наша артилерія. Це настільки було дієво, що як тільки ми викликаємо артилерію — їхня атака зупиняється.

А що ще було цікавого?

Багато чого було цікавого, вражень море, щось згадаю, щось забуду. Наприклад, за тим парканом і посадкою була церква, монастир, і старий цвинтар. Спершу ми туди не стріляли, а потім із дзвіниці почали стріляти то снайпер, то гранатометник, то ще щось. Я декілька разів запрошував туди вогонь, ця ціль у нас називалась «хрест», я просив: «Дайте на хрест». Мені відповідали: «Не можна, це культова споруда, не можна». Хоча там монахинь уже

не було. Багато разів мені наші відмовляли, а сепари почали цим користуватися. Потім всі зрозуміли, що вони постійно будуть звідти стріляти — почали вже й туди бити, і коли частина будівлі обвалилася — нам стало набагато спокійніше. Вони не гребують нічим: культова споруда — та будь ласка. І те, що наші гармати потім рвали так, що й могили вилітали — нікого з них це не цікавило, їхнє завдання було знищити нас. Така була ситуація.

Одна справа коли я стріляв, зовсім інше — коли ти чуєш як летить снаряд, коли він рветься — це такий вибух... Мені сподобалось, як працювала наша артилерія, наші дві батареї працювали відмінно, молодці. Я сам переконався, як працює артилерія і тепер розумію, чому сепари так ненавидять артилеристів.

Були й кумедні випадки, може один розказати. Коли я вночі чергував зі своїм напарником, він був сапер, з ВДВ, нас повинен був змінити «Бродяга» зі снайпером із сімдесят дев'ятки, снайпер прийшов на двадцять хвилин раніше. Я кажу: «Чого ти прийшов, ще ж рано, йди відпочивай». А вітер все гойдає, навкруги торохтить, залізо б'є постійно, нічого не чути. Він наче пішов, ну пішов — то й пішов. Через п'ять хвилин я чую якийсь шурхіт, а там у башті був вибитий шматок стіни, можна було просто залізти до нас. Я напарнику кажу: «Я чув якийсь шурхіт». Підкликав його, точно, там хтось є. Ми по рації (а у нас був позивний «Небо»: «Башта, ми «Небо», внизу сепари, дозвольте відкрити вогонь!». «Ні, не дозволяю». «Тоді дозвольте кинути

гранату!». «Дозволяю». Добре, що ми взяли РГД-5, а не Ф-1, кидає мій напарник туди гранату, вона вибухає, і ми чуємо крик: «Вы че, п...сы, о...ли?!!». І тут виявляється, що це той снайпер, він сказав нам: «Ну, я поїду займу позицію, поработаю». А ми через вітер не почули, ми почули тільки: «Ну, я поїду». Там був такий бруствер, він за нього ліг і почав собі шукати ціль, ми звідси кинули гранату і вона впала прямо перед бруствером, він почув відстріл гранати, зметикував, пригнувся (ось що значить ВДВ). Цілий, не зачепило, трішки оглушило і все. Саня його звать, не знаю позивний, забув, Саня звать. Був такий кумедний випадок, але це воно зараз смішно, а тоді настільки була напружена обстановка.



ПТУР на вогневій позиції в аеропорту

Що ще пригадалося. Мені мій тренер завжди казав (ще у цивільному житті). Я у нього питаю: «Льоха, чому мені не щастить? Я не зустрічаю цікавих людей». А він завжди відповідав: «А де ти їх хочеш знайти? У магазині? Йди шукай надзвичайні місця, і там будуть надзвичайні люди». У башті я зустрів таку людину. Чую, російська мова, мені наче знайома, дивлюся на людину і кажу: «Я тебе десь бачив». Він відповідає: «Ты меня нигде не мог видеть, я из России». Кажу: «Точно, ти ФСБшник, Ілля Богданов». У нього був позивний «Дальній», це той ФСБшник з Далекого Сходу, який пішов воювати за Україну, я його зустрів саме у цій башті, мені було так приємно, це було круто, але наче так



Всередині приміщень Донецького аеропорту

буденно, він просто воював у Правому секторі. Ми потім із ним розговорилися, він каже: «Та я хотів у «Азов», але «Азов» менше воює на цей момент, а Правий сектор завжди воює». Ось так, будь ласка, штурмова рота, аеропорт. З ним був ще один керівник Правого сектору з позивним «Гонта», з Волині. «Гонта» потім казав, що у нього був наказ, якщо Ілля зробить щось не так, – просто ліквідувати його, але якщо з ним щось трапиться, то з «Гонти» спитають, тож «Гонта» у нього був за янгола-охоронця, але як вони воювали, це не передати. Це були два професіонали і у той самий час такі безбашені люди.

Унизу, під баштою, валялися тіла сепаратистів, руки, ноги відірвані, я кажу це звичайно, бо я для мене це стало буденним, а попервах у мене був шок: обгоріле тіло лежить, а далі біля КПП лежало тіло у формі, але голови не було, видно коли танк їхав – розчавив йому голову, від гусениць колія була. Я почав у хлопців, хто довше тут був, розпитувати хто це. Хлопці кажуть: «Та це сепар лежить, коли їх ще давно тут ганяли, їхній танк тікав і проїхав йому прямо по голові, то він так і лежить, вже досі затух». І от Ілля Богданов із «Гонтою» виходять до цього тіла, ми їх прикриваємо, їм треба було обшманати, що там у нього є. Це стільки сили треба було мати щоб вийти, слава Богу, все обійшлося.

Був момент, коли за злітною смугою по нас вели вогонь, ми туди наваляли і багатьох завалили. Вони удвох вирішили йти туди, а це майже вісімсот метрів. «Сумрак» їх ледь відмовив йти.

Я щасливий, що я там був, що я зустрів таких людей, я з ними просто воював.

Був момент, коли сепари зайшли у башту, один раз таке було, ось чому я переконався, що вони нас слухають. Ми знаходилися на посту, вгорі, і у нас щось трапилось із тепловізором і нам по рації кажуть: «Знімайте пост, спускайтеся сюди». А з другого поверху погано видно, не все. Ми спускаємося вниз, а перед цим ми з моїм напарником, сапером, вирушили у сусіднє крило, яке не контролювали (воно було розбите) і на дверях зробили розтяжку. І тут вночі (я якраз чергував, це була четверта ранку) тиша така була, чую, хтось йде по битому склу (там все було завалено, тихенько пройти неможливо) і я реально чую кроки, починаю будити хлопців, вони поки оговтуються, чую вибух, починаю стріляти в тому напрямку, я його не бачив, було темно. «Сумрак» дає команду кидати гранати униз під стіни, бо якщо сепари підійшли, то ми їх не зможемо дістати. Я не знаю, скільки я тоді викидав гранат, я у житті не кидав ніколи стільки, я навіть стільки не бачив, скільки я тоді викидав. Зранку з'ясувалося, що вони прослуховували рацію, почули, що ми прибрали пост зверху, підійшли у мертву зону до крила, залізли у зруйноване крило, і вже ті двері, які ведуть безпосередньо до нас у башту (там були одні, тамбур, і вже наші двері), вони смикнули двері, а там була розтяжка, граната спрацювала, вони почули відстріл (теж професіонали), швидко закрили двері, а двері усі там броньовані, відбувся вибух і вони почали тікати, в цей час я почув, як

вони підходили, відбувся вибух, я почав стріляти, хлопці прокинулись. Тож був такий момент, що вони вночі майже увійшли до нас у башту.

Потім, після башти, був наказ перекинути нас у старий термінал, для цього спеціально приїхав БТР, під'їхав під вхід, уся висадка, посадка, погрузка, все це відбувається під прикриттям, стріляють, вогонь артилерії прикривав імовірні точки, звідки можуть по нас бити, це така координація. Ми сідаємо у БТР, нас везуть на новий термінал, щоб ми вночі перейшли на старий. Нам попався водій, який не знав дороги, ми проїжджаємо новий термінал, я йому кричу: «Куди ти їдеш? Старий, там сепари, туди їхати не можна». А він каже: «Я не знаю, куди їхати». Він починає розвертати, хлопці у новому терміналі побачили нашу помилку, запалили фаєри, показали куди нам треба їхати. Після цього знову висадка під вогнем, все це так буденно. Ми пробули до ночі у новому терміналі, вночі зі старого терміналу прибуває група, до старого терміналу під'їзду немає, лише вночі групи пересуваються, ходять так звані «челноки», які забирають боєкомплекти, їжу, паливо, все що потрібно, несуть усе це на собі через відкриту місцевість, де усе завалено, торохтить, падає.

Ми з цією групою о четвертій ранку переходимо у старий термінал з «Бродягою». Там знаходився старший по обороні аеропорту, ми прибули на місце і після цього почали працювати там. Відбулася чергова ротація, із сімдесят дев'ятки прийшов інший батальйон, а ротація це слабке місце: нові

прийшли, ще не обстріляні, хоча вони зі старими пробувають там добу, але все одне. Там вже було більше людей, чоловік тридцять ВДВшників і чоловік п'ятнадцять чи двадцять із Правого сектору.

Там ми тримали два поверхи, частина крила і третій поверх були зруйновані, у тій частині крила були сепари, це було настільки близько. Постійно працювали тепловізори і «ночники». Правий сектор — то взагалі молодці. Одного разу вони виявили групу сепарів, три чоловіка, вони йшли, майже не ховаючись, це нонсенс, правосеки починають їх ВОГами їх валити, з під ствольного гранатомета, одного підбили, він падає, але тіло у тепловізорі світиться, значить поранений, а ті втекли. Вирішили не добивати, ловити на живця, усю ніч за ним спостерігали, щоб накрити групу, яка за ним прийде, але ніхто не прийшов, тіло припинило світитися — помер. Це війна, таке буває.

Ще дещо згадалося. Я ніколи не забуду, як я вперше прийшов у старий термінал, нам сказали: «Хлопці, тут стоїть холодильник, замотаний скотчем, не відкривайте його, там лежать сепари. Вони тут лежать чорті стільки, якщо відкриєте — ми всі помremo». Усіх, хто вперше приходив, завжди інструктують. Потім я дивився відео, коли сепари взяли старий термінал, вони показували цей холодильник зі словами, що укropи не забирають тіла своїх загиблих. Я знаю, що це брехня і мені шкода, що вони навіть не поховали їх, могли б забрати хоча б, але вони показали, що це типу наші тіла, які ми залишили. Якби я не знав цього особисто —

я б не казав, але я переконався у цьому черговий раз.

Це були якісь великі холодильники, промислові?

Так, це були величезні промислові холодильники, там наче якась була кафешка, чи що. Аеропорт скрізь був розбитий, ніде нічого цілого нема, все розбито. Потім працювали там, де були будівлі міліції, штабу, «Метро», туди викликали артилерію. Було навіть таке, що ми збили їхній прапор (вони виставили на готелі свій прапор), намагалися його збити з кулемета, снайпер пробував – не звалили, викликали артилерію, збили прапор, був такий момент.

У мене був червоно-чорний і жовто-блакитний прапор, ми з «правосеками» вивісили їх на башті *[посміхається]*.

А як сепари на це відреагували?

Стріляли, але нічого не змогли зробити, це їх бісило. Це була та будівля, де ми не лазили, ми її не тримали, але ми залізли туди, вивісили прапори, це було чудово, я пишаюсь тим, що я вивісив там свій прапор. Я вважаю, що не даремно там був, я зробив свою справу, показав, хто там був і що ми хотіли зробити. Взагалі, усі хлопці були настільки згуртовані, усі знали що вони там роблять, для них це було буденно і звично, там були не лише мобілізовані, було багато штатних, які пройшли такі місця, як Савур-могила, для них аеропорт був звичною річчю.

Коли ми виконали своє завдання і вночі поверталися із старого терміналу на новий, де провели

добу, поки приїхав за нами транспорт, тут сепари з підвалу вилазять через шахту, починають стріляти, все це у одному приміщенні, вони десь і на другому поверсі лазили, з цього крила, де наш пост стоїть. От уявіть: тут наш пост, а нагорі вони лаять, десь тут у кімнатах вони можуть бути, дуже близько. Це важко уявити, але все так і було.

Був період, коли БТри їздили спокійно, їх не обстрілювали, а переважно це все було під обстрілом. Ми працювали добре, я вважаю, що артилерія виконала своє бойове завдання. Це була друга половина жовтня — початок листопада, я пробув два тижні чи навіть трішки більше. ВДВшники мінялися кожні 7-8 днів, більше їм не дозволяли залишатися, правосеки мінялися 2-3 тижні, вони довше знаходились.

Правий сектор чимось відрізняється від Збройних сил України?

Можна сказати, що вони відрізняються лише тим, що у той момент вони вважали всі ці так звані «перемир'я» ненормальним явищем. Коли по нас вели вогонь, а старший аеропорту не давав команду відповідати, допоки не буде реального «місива», то Правий сектор казав: «Та чхали ми на всі ці перемир'я». Ось у цьому вони відрізнялися. Правий сектор мав свою думку, вони казали так: «Йде війна, ми прийшли воювати, а не для того щоб нас вбивали, а ми мовчали б». Ось у цьому головна різниця.

Ну звісно, була різниця і в екіпуванні. Хоча, хочу сказати, що такої кількості боєприпасів, як у аеропорту, я ніколи не бачив, боєприпаси були

скрізь: йдеш по коридорі — стоять величезні, по коліно, квітники, з них земля висипана, а там патрони насипані, ПТУРи стоять скрізь, лежать ящики з гранатами, тобто боєприпасів було стільки, що триматися можна було довго. Підвал старого терміналу був замінований, на кожній опорі була сто двадцятими мінами, тротилловими шашками, пластидом, були виведені шнури... Я щоправда не знаю, чому термінал не був підірваний, коли наші війська вийшли... Коли ми виходили у туалет чи покурити — я вжахнувся в перший раз, коли побачив. Там були протипіхотні міни, чого там тільки не було, при чому більшість цього залишилася від сепарів, коли наші відбили. Навіщо це все там було — я не знаю, такої кількості боєприпасів, як у аеропорту, я ніде не бачив. Ще хочу відзначити, що коли ми виходили з аеропорту — башта ще стояла.

А яка була реакція, коли вона впала?

Рано чи пізно вона повинна була впасти, вже тоді, коли я був у ній, вона настільки була обстріляна і не знаю на чому трималася. Вона просто була якісно збудована, тому дуже довго трималася, вона у деяких місцях була майже на половину зруйнована, але дивом трималася. Це було питання часу, тому вони навмисне в неї валили, розуміючи, що з часом вона все ж впаде.

Просто башта стала таким своєрідним символом...

Так, башта допомагала тримати підступи, з неї було добре усе видно, було зручно коригувати вогонь. Коли вони завалили башту — у них з'яви-

лася змога підійти непоміченими і ввійти всередину.

Був момент, коли керівництво викликало танки, між новим терміналом і баштою була пожежна частина, ми її називали «зброю», бо вона була пофарбована у червоно-білу смугу, туди залізла група (снайпер і гранатометник), яка кошмарила і новий термінал, і башту. Ми викликали туди артилерію, але туди було дуже складно влучити, бо поруч термінал. Коли снаряд розірвався біля терміналу — припинили артилерійський вогонь, раптом влучить у своїх. Тоді викликали групу танків, був стрілецький бій, ми прикривали сектор у напрямку до посадки, щоб не вийшла група гранатометників і не вдарила по танках. Потім під'їхали танки і ту «збру» майже зрівняли із землею (це було вночі) і після цього настав спокій і затишок.

Один раз загубився БТР, вночі не туди поїхав, ми розпереживалися: «Куди ти їдеш, там сепари...». На щастя, водій зрозумів, розвернувся, а сепари, мабуть, самі не очікували такого, не зреагували... Бувають такі випадки...

На Ваш погляд, чому довелося покинути аеропорт?

Це питання не до мене. Я можу висловити свою думку: все почалося зі старого терміналу, там була частина крила, яку ми не контролювали, і саме через це крило вони увійшли у будівлю і в результаті таких близьких боїв вони змогли витиснути звідти наших бійців. Як це відбувалося — я не бачив, казати не буду. Після цього мій напарник

«Бродяга» їздив зі ще одним добровольцем із третьої батареї, їх обох поранило — «Бродягу» в у ногу, а його у руку. Коли «Бродяга» відступав, бо почався обстріл, залетів ВОГ із підствольного гранатомета і влучив йому у ногу. Його вивозили вночі, через сепарів (якщо пам'ятаєте, була домовленість, коли наші хлопці в'їжджали і виїздили через сепарів). Їх так і не нагородили, а ні його, а ні його напарника...

Що підтримувало Ваш бойовий дух?

Це банально звучить, може, мені не повірять, подумают, що це якийсь жарт або пафос, але є людина в Україні, яка заслуговує на величезну пошану і нагороди, про які ми навіть не мріяли. Його треба нагородити, але він не нагороджений. Це Мирослав Симчич, людина, яка воювала в рядах



Один із захисників Донецького аеропорту

УПА і під його керівництвом була розбита дивізія полковника Дергачьова, і загинув сам полковник Дергачьов, котрий займався виселенням і депортацією кримських татар і інших народів, сволота ще та. І от саме Мирослав Симчич під містом Космач розбив цей каральний загін у тяжкому бою. Після того, як він потрапив у полон, у радянські лапи, він провів у радянських концтаборах тридцять два з половиною роки, пройшов найтяжчі випробування, вступав у жорстокі бійки із зеками, яких на них кидали. Я був у цієї людини у Західній Україні, коли їздив у відрядження. Я його особисто побачив, поспілкувався. Це старий дід, дев'яносто років вже йому. Коли я його побачив — я подумав, що це звичайна людина, але коли він почав говорити — ви не уявляєте, він змінився, у нього очі горять, він розказував з таким запалом. І мені хочеться сподіватися, що у нас буде та Україна, за яку він воював, за яку він боровся. Я підтримую із ним зв'язки, я йому дзвонив, вітав із прийняттям закону про декомунізацію, про визнання воїнів ОУН-УПА. Як йому це було приємно — дізнатися таку новину. Ця людина була для мене тим, хто мене надихав. Я йому дуже за це вдячний, обов'язково згадайте про нього.

Ви маєте якісь нагороди?

Начальник штабу подав мене на нагороду, але наше керівництво, десь там уверху, вирішило, що ми з «Бродягою» не варті нагороди і нас обрізали, мабуть, комусь із генералів вона потрібніша, вони вчинили більший подвиг. Тож я не маю нагород. А «Бродягу» потім нагородили якоюсь церковною

нагородою. *[сміється]* Хоча, я вважаю, це і сором, і сміх, що церква нагороджує, а Міноборони... Сподіваюсь, що хоч у кінці війни «Бродягу» нагородять, він підписав контракт на особливих умовах, зараз він у Авдіївці, виявляє, коригує. Настільки це лягло йому до душі, що він сам погодився бути коригувальником, Донецьк – це його батьківщина. Що йому робити? У нього вся рідня там залишилася, він намагався їх вивезти, але не вийшло...

До речі, під час чергової відпустки «Бродяга» їздив на Західну Україну, до того він там не був, він дуже мріяв про цю подорож. Звичайний російськомовний хлопець. Він із родиною, яка приїхала до нас у Запоріжжя, з'їздив туди, показав їм «Бандерштат», у нього лишилися дуже позитивні враження. Єдине, каже, що постійно перевіряли документи, бо він був у формі, а так все чудово, це звичайний міф про бандерівців, які розстрілюють усіх підряд, звичайна маячня.

На даний час це поки все, що я можу розказати. Була ще одна поїздка в АТО, потім я потрапив на полігон «Широкий Лан», де був три з половиною місяці на посаді сержанта-інструктора, навчав хлопців тому, що я знав і умів, розповідав що треба робити щоб вижити, бо найголовніше – щоб вони повернулися додому живими й здоровими.

Що ще можна розказати з цікавого про війну (якщо це можна назвати цікавим), це коли під час третього нашого виїзду за одне чергування нас двічі накрыли і, дякувати Богу, ніхто із хлопців не постраждав, це справжнє диво. Гармати були роз-

биті вщент, наш «КРАЗ» теж був розбитий... Ми приїхали на одну позицію — нас там накрили, але ми встигли відійти, залишивши гармати, потім ми приїхали, забрали цілі гармати, і з ними поїхали виконувати завдання на інше місце. Там нас вирахували і знов там добили.

Ось так проходила наша служба... На даний час я знаходжуся на полігоні «Близнюки», де формується нова батарея. Поки що я у батареї єдиний, хто був у АТО, більшість нещодавно мобілізовані, хотілося б, щоб було більше досвідчених, щоб можна було хлопцям щось розказати, показати, навчити...

Ви можете бути командиром цієї батареї?

Ні, це офіцерська посада, я можу бути лише командиром гармати. Я ним прийшов, ним був, і ним піду, якщо дасть Бог повернутися живим і здоровим. За останні дев'ять місяців війна і армія для мене стало чимось таким... Наче я усе життя тут був.

Війна сильно змінює людей. На Вас вона сильно вплинула?

Ну от, наприклад, коли я повернувся з аеропорту додому. Кожен приїзд з АТО — це коли від тебе тхне димом і так далі. Коли я їхав додому, в Енергодар, з автовокзалу я йшов зарослий, у брудній формі, весь такий жахливий, мені просто хотілося деяких людей бити. Десь іде війна, хлопців вбивають, а десь все класно, усі відгороджуються, наче війни й нема. Коли я почав зустрічати своїх друзів і знайомих — я із деякими дуже сильно полаявся, повидаляв їхні телефони, я вважаю за непотрібне

в подальшому з ними спілкуватись, бо та «вата» в голові ніяк не лікується. Я їм кажу одне: «Ви поїдьте туди, побудьте там — а тоді щось кажіть, тоді ви будете на рівних, тоді я вас буду слухати». Я тоді був дуже сердитий на це суспільство, яке не бажає нічого розуміти, цей Південь наш. Зараз вже пройшло, я вирішив так, що кожен сам обирає свій шлях: нехай хтось собі обирає шлях амеби, а я піду іншим шляхом, шляхом моральної, духовної, психологічної. Я вважаю, що я там не даремно був і приніс хоч якусь користь, що мені не даремно український народ платив зарплатню, годував і навчав, принаймні, це я відпрацював і може навіть трішки із запасом, зробив щось корисне. Так само і хлопці, які були там зі мною, вони теж були не даремно, принаймні моя рідна батарея, з якою я був. Хочу сказати, що хлопці, які потрапили у аеропорт — молодці, честь їм і слава, вони герої. Взагалі, хто пройшов Збройні сили, хто пішов воювати, хто був на «передку» — я всіма пишаюся і пишаюсь тим, що я з ними воював, мені приємно, що я був поряд із ними.

Якщо не секрет, поділіться планами на майбутнє? Коли закінчиться війна, чим плануєте займатися?

Так, деякі плани є, вдома зібралось чимало роботи, не все ж життя «гайки крутити» на підприємстві у Ахметова. Я й до цього вів активне політичне життя, хоча й не був членом жодної з політичних партій, був довіреною особою, спостерігачем на виборчих дільницях, це той мінімум, який

може зробити кожна особа у цивільному житті. Роботи багато, а в чому вона полягатиме — далі буде видно.

Наостанок, може, Ви хотіли б звернутися до тих людей, хто у майбутньому читатиме це інтерв'ю, щось передати або побажати...

Хочеться сподіватися, що коли вийде це інтерв'ю, вже буде мир у нас, хоча надій мало на це. Хочеться також, щоб наше керівництво звертало більше уваги на морально-психологічний стан тих людей, яких сюди набирають. Це головне, для початку цього було б достатньо, а решта вже у нас піде. Хотілося б також, щоб було поменше показухи, коли приїздить якийсь міністр або Президент — йому показують те, що він хоче бачити, а не те, що є насправді, щоб вони звернули увагу на реальний стан речей.

А звичайним людям?

А що звичайні люди, просто треба бути собою. Якщо ти українець — будь українцем, якщо ти росіянин — будь нормальною людиною, треба бути нормальним громадянином тієї країни, у якій ти живеш. Тут я звертаюсь до росіян, які живуть у нас в Україні або до російськомовних — шануйтеся і тоді у нас не буде жодних проблем, конфліктів, у нас буде мир в Україні.

ЗАГИБЛІ ГЕРОЇ 55-ОЇ АРТБРИГАДИ



Білокобильський Сергій Михайлович (народився 23 січня 1983 р.) — капітан, помічник начальника зв'язку Управління. 19 липня 2014 р. о 15 годині під час підготовки вогневої позиції третя зведена артилерійська батарея потрапила до центру вогневого ураження сепаратистів у районі с. Дякове Антрацитів-

ського району Луганської обл. Під щільним обстрілом був поранений осколком, що влучив під бронжилет. Указом Президента України від 14 серпня 2014 р. №651/2014 нагороджений Орденом Богдана Хмельницького III ступеня (посмертно).



Габчак Іван Миколайович (народився 29 червня 1992 р.) — лейтенант, командир взводу звукометричної розвідки батареї звукометричної розвідки дивізіону артилерійської розвідки. Загинув 29 серпня 2014 р. в районі населеного пункту Многопілля під час спроби вийти з оточення. Під час маршу в колоні 51 омбр в

напрямку населеного пункту Старобешево підрозділ був обстріляний зі стрілецької зброї та мінометів. Указом Президента України від 24 жовтня 2014 р. №784/2014 нагороджений Орденом Богдана Хмельницького III ступеня (посмертно).



Говоруха Олександр Миколайович (народився 29 червня 1994 р.) — солдат, водій 2-ї протитанкової артилерійської батареї протитанкового артилерійського дивізіону. Близько 23.40 14 лютого 2015 р. під час артилерійського обстрілу вогневої позиції 1-ої габатур біля м. Дебальцеве Донецької обл., отримав важкі пора-

нення і був направлений до м. Артемівськ Донецької обл. 15 лютого 2015 р. помер у Артемівській міській лікарні. Указом Президента України від 23 травня 2015 р. №282/2015 нагороджений Орденом за мужність III ступеня (посмертно).



Дужик Євген Євгенович (народився 28 травня 1989 р.) — молодший сержант, командир гармати протитанкового артилерійського дивізіону 1-ї протитанкової батареї. 14 лютого 2015 р. близько 23.45 годин особовий склад протитанкового артилерійського дивізіону проводив бій в районі м. Дебальцеве Донецької

обл. Молодший сержант Дужик Є.Є. був командиром гармати, яка здійснювала постріли у відповідь сепаратистам. По гарматі сепаратисти відкрили вогонь з гранатомета та автоматичної зброї. Під час вибуху молодший сержант загинув. Указом Президента України від 23 травня 2015 р. №282/2015

нагороджений Орденом за мужність III ступеня (посмертно).



Дьячков Юрій Анатолійович (народився 4 грудня 1980 р.) — солдат, номер обслуги 2-ї гаубичної артилерійської батареї 1 гаубичного артилерійського дивізіону. 25 серпня 2014 р. в районі населеного пункту Старобешево Донецької обл. о 6.00 ранку по нашій позиції терористи відкрили прицільний вогонь з «Града». У бою

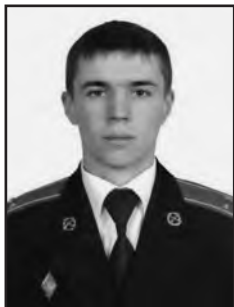
солдат Юрій Дьячков попав під щільний обстріл і був смертельно поранений в обличчя. Указом Президента України від 26 лютого 2015 р. №109/2015 нагороджений Орденом за мужність III ступеня (посмертно).



Катанов Віктор Володимирович (народився 15 березня 1982 р.) — солдат, номер обслуги 3-ї гаубичної артилерійської батареї 1 гаубичного артилерійського дивізіону. 25 серпня 2014 р. в районі населеного пункту Старобешево Донецької обл. о 6.00 ранку по колоні 55-ої артбригади терористи відкрили

прицільний вогонь. У бою солдат Віктор Катанов, рятуючи гармату, потрапив під щільний обстріл і був смертельно поранений (осколкове поранення лівого стегна з ушкодженням гілок стегнової артерії та вени), помер від гострої крововтрати.

Указом Президента України від 26 лютого 2015 р. №109/2015 нагороджений Орденом за мужність III ступеня (помертно).



Севостьянчик Дмитро Олександрович (народився 17 травня 1991 р.) — лейтенант, командир обчислювального взводу батареї звукометричної розвідки 41-го дивізіону артилерійської розвідки. 29 серпня 2014 р. на світанку підрозділ звукової розвідки, який знаходився на блокпосту 39/6 в районі населеного пункту Многопілля, здійснював спробу вийти з оточення. Під час маршу в колонії 51-ої омбр в напрямку населеного пункту Старобешево Донецької обл. підрозділ був обстріляний зі стрілецької зброї та мінометів. Під час обстрілу лейтенант Севастьянчик Д.О. отримав смертельне поранення. Указом Президента України від 24 жовтня 2014 р. №784/2014 нагороджений Орденом Богдана Хмельницького III ступеня (помертно).



Сиротін Євген Олексійович (народився 5 грудня 1992 р.) — сержант, командир 2-ї гармати 1-го гаубичного артилерійського взводу. Загинув 7 серпня 2014 р. разом з майором Третяком П.А. під час виїзду на позиції терористів «ЛНР» поблизу міста Красний Луч. Указом Президента Укра-

їни від 4 грудня 2014 р. №915/2014 нагороджений Орденом за мужність III ступеня (по смертно).



Третяк Петро Анатолійович (народився 3 серпня 1972 р.) — майор (по смертно присвоєно військове звання підполковника), заступник командира 3-ї зведеної гаубичної артилерійської батареї по роботі з особовим складом. 7 серпня 2014 р. приблизно о 22.00 БМП в упор виїхав на блокпост сепаратистів «ЛНР»

поблизу населеного пункту Красний Луч. Відразу ж по машині був відкритий вогонь з гранатомета та автоматичної зброї. Під час бою, прикриваючи своїх побратимів вогнем з особистої зброї, майор Третяк П.А. загинув. Указом Президента України від 15 травня 2015 р. №278/2015 нагороджений Орденом Богдана Хмельницького III ступеня (по смертно).

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

- Абхазія – 401
Авдіївка (м. Донецької обл.) – 76, 236-240, 243, 287,
318, 377, 447
Азовське море – 119
Амвросіївка (м. Донецької обл.) – 26, 41, 43, 45,
90-91, 412
Андріївка (сmt. Волноваського р-ну Донецької обл.)
– 65
Артемівськ (м. Донецької обл.) – 45, 85, 358, 403, 452
Африка – 59, 375
Баку (м., столиця Азербайджану) – 273
Бангладеш – 297
Баранівка (с. Красноармійського р-ну Донецької
обл.) – 218
Бахмутівка (с. Новоайдарського р-ну Луганської
обл.) – 76
Башкортостан – 81
Бельбек (аеропорт у Нахімовському р-ні м. Севасто-
поль) – 349
Бердянськ (м. Запорізької обл.) – 114, 117, 165, 167,
192, 194, 198, 199, 204-206, 214, 215, 226, 403, 425
Берлін (м., столиця Німеччини) – 156
Біла Церква (м. Київської обл.) – 27, 33
Білорусь – 155, 281
Братислава (м., столиця Словаччини) – 13
Брно (м., центр Південноморавського краю Чехії) –
13
Будапешт (м., столиця Угорщини) – 13
Бурятія – 281
Велика Британія – 399

- Відень (м., столиця Австрії) – 13
- Вільнянськ (м. Запорізької обл.) – 64
- Вінницька обл. – 368
- Водяне (с. Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл.) – 366
- Волноваха (м. Донецької обл.) – 65, 66, 68, 77, 84, 111, 123, 124, 126, 128, 129, 139-142, 162, 163, 171, 172, 174, 188, 195, 201, 212, 213, 216, 217, 234, 235, 237, 240, 287, 289, 292, 294, 318, 332, 334, 337, 342, 377, 403, 416-418, 420-421
- Володимир-Волинський (м. Волинської обл.) – 260, 261, 263
- Гвардійське (сmt. Новомосковського р-ну Дніпропетровської обл.) – 90
- Горлівка (м. Донецької обл.) – 43, 197
- Гранітне (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) – 65, 172, 188, 189, 416
- Грузія – 81-83, 134, 401
- Гуляйполе (м. Запорізької обл.) – 214, 215, 283, 313, 322, 323, 360
- Дагестан – 81
- Далекий Схід – 81, 83, 436
- Дебальцеве (м. Донецької обл.) – 15, 43, 45, 46, 55, 61, 83, 85, 86, 98, 117, 341, 356-359, 361, 404, 452
- Дем'янськ (сmt. Новгородської обл. Російської Федерації) – 13
- Димитров (м. Донецької обл.) – 124, 219
- Дмитрівка (с. Шахтарського р-ну Донецької обл.) – 51, 52, 61, 62
- Дніпропетровськ (м., обласний центр) – 34, 41, 48, 125, 247, 260, 263, 322, 390, 397, 426

- Донецьк (м., обласний центр) — 25, 41, 65, 85, 86, 91, 111-113, 196, 213, 217, 256, 260, 264, 291, 292, 359, 377, 398, 399, 401, 404, 416, 417, 426, 427
- Донецька обл. — 37-38, 39, 91, 106, 110, 124, 143, 176, 183, 186, 197, 201, 288, 377, 395, 398
- Донецький аеропорт — 15, 65, 67, 75, 111, 112, 123, 140, 164, 174, 189, 214, 218, 221, 222, 239, 291, 318, 320, 338, 339, 341, 404, 417, 419, 422, 427, 429-444
- Дякове (с. Антрацитівського р-ну Луганської обл.) — 15, 27, 28, 29, 49, 53, 57, 59, 97, 98, 412, 451
- Енергодар (м. Запорізької обл.) — 366, 368, 369, 382, 414, 448
- Естонія — 81
- Європейський Союз (ЄС, Європа) — 78, 79, 118, 153, 345, 399, 400
- Житомир (м., обласний центр) — 105
- Закавказзя — 64, 165
- Закарпаття — 165
- Запоріжжя (м., обласний центр) — 13, 48, 57, 77, 81, 83, 88, 98, 105, 109, 111, 114, 132, 167, 211, 222, 231, 234, 238, 246, 247, 260, 263, 266, 303, 313-315, 318, 323, 329, 331, 337, 343, 344, 346, 365, 415, 425
- Зеленопілля (с. Свердловського р-ну Луганської обл.) — 26, 97
- Ізварине (пункт пропуску в Краснодарському р-ні Луганської обл.) — 27, 28
- Іловайськ (м. Донецької обл.) — 53, 54, 106, 108, 111, 122, 247, 275, 313, 327, 341, 404, 412
- Ірак — 400
- Казахстан — 350
- Кальміус (річка в Донецькій обл.) — 65

- Київ (м., столиця України) – 34, 135, 192, 367, 379, 397, 399
- Кирилівка (смт. Якимівського р-ну Запорізької обл.) – 119, 121, 220
- Китай – 80, 81
- Кіровоград (м., обласний центр) – 426
- Комі (Республіка Комі) – 384
- Космач (с. Косівського р-ну Івано-Франківської обл.) – 446
- Красний Лиман (м. Донецької обл.) – 310
- Красний Луч (м. Луганської обл.) – 310, 312, 454, 455
- Красногорівка (м. Донецької обл.) – 76, 287
- Краснодон (м. Луганської обл.) – 27, 28
- Кривий Ріг (м. Дніпропетровської обл.) – 355
- Крим – 38, 77, 82, 85, 111, 137, 153, 166, 183, 196, 198, 201, 305, 306, 309, 323, 348, 363, 377, 401, 403
- Курахове (м. Донецької обл.) – 288
- Курильські острови – 81
- Латвія – 373
- Ленінське (с. Амвросіївського р-ну Донецької обл.) – 90
- Лисичанськ (м. Луганської обл.) – 312
- Литва – 373
- Луганськ (м., обласний центр) – 41, 53, 55, 61, 110, 355, 359, 363, 401
- Луганська обл. – 39, 143, 176, 288
- Львів (м., обласний центр) – 34, 77, 86, 230, 399
- Маріуполь (м. Донецької обл.) – 82, 84, 86, 117, 267, 268, 271, 323, 333, 403, 416
- Мелітополь (м. Запорізької обл.) – 104, 403

- Миколаїв (м., обласний центр) — 260, 263, 320, 428
Миколаївська обл. — 394
Многопілля (с. Амвросіївського р-ну Донецької обл.) — 15, 451, 454
Молдова — 13, 82-83
Москва (м., столиця Російської Федерації) — 125, 156, 205, 349, 350, 380, 397, 399
Моспине (м. Донецької обл.) — 247
Нижній Новгород (м., обласний центр Російської Федерації) — 262
Нікополь (м. Дніпропетровської обл.) — 35
Німеччина — 381
Нові Петрівці (с. Вишгородського р-ну Київської обл.) — 368
Новобогданівка (с. Мелітопольського р-ну Запорізької обл.) — 49
Новомосковськ (м. Дніпропетровської обл.) — 390
Новопетрівка (с. Запорізького р-ну Запорізької обл.) — 104
Новософіївка (с. Вільнянського р-ну Запорізької обл.) — 47
Новотроїцьке (с. Бердянського р-ну Запорізької обл.) — 165, 167, 226
Новотроїцьке (смт. Новотроїцького р-ну Херсонської обл.) — 40
Одеса (м., обласний центр) — 32, 82
Омськ (м., обласний центр Російської Федерації) — 205
Оріхів (м. Запорізької обл.) — 425
Осикове (с. Старобешівського р-ну Донецької обл.) — 247

- Очеретине (смт. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) – 218, 287
- Первомайський (смт. Сніжнянської міської ради Донецької обл.) – 312
- Південна Осетія – 401
- Північний Кавказ – 143
- Піски (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) – 76, 287, 427, 428, 429
- Пологи (м. Запорізької обл.) – 283
- Польща – 205, 381
- Попасна (м. Луганської обл.) – 312
- Приазовський р-н Запорізької обл. – 14
- Прибалтика – 134
- Придністров'я – 82, 83
- Приморськ (м. Запорізької обл.) – 313
- Рибинське (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) – 65
- Розівка (смт. Розівського р-ну Запорізької обл.) – 278
- Санкт-Петербург (Петербург, Пітер) – 95
- Саргана (смт. Іллічівського р-ну м. Маріуполь) – 268
- Свердловськ (м. Луганської обл.) – 26, 27, 93
- Селидове (м. Донецької обл.) – 66, 124
- Сербія – 400
- Сєверодонецьк (м. Луганської обл.) – 312
- Сибір – 81, 83, 384
- Сімферополь (м., столиця Автономної Республіки Крим) – 48
- Слов'янськ (м. Донецької обл.) – 133, 306, 307-310
- Сніжне (м. Донецької обл.) – 253-254, 256, 258

- Старий Крим (м. Автономної Республіки Крим) — 323
- Старобешеве (сmt. Старобешівського р-ну Донецької обл.) — 15, 91, 120-124, 158-159, 162, 168, 170, 171, 185-188, 204, 208, 209, 214, 220, 223, 232, 238, 240, 241, 247, 250, 251, 277-279, 281, 284, 289, 299, 307, 313, 317, 318, 325, 326, 329, 331, 334, 338, 340, 405, 415, 418, 451, 453, 454
- Старогнатівка (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 65, 416
- Степанівка (с. Шахтарського р-ну Донецької обл.) — 33, 258
- Суми (м., обласний центр) — 355, 360
- Сумська обл. — 104
- США — 381, 399, 400
- Талаківка (сmt. Іллічівського р-ну м. Маріуполь) — 268
- Токмак (м. Запорізької обл.) — 131, 132, 168, 226, 283, 425
- Торез (м. Донецької обл.) — 255, 256
- Тростянецький р-н Вінницької обл. — 370
- Туреччина — 82
- Угорщина — 119
- Франція — 399
- Хабаровськ (м., центр краю Російської Федерації) — 281
- Харбін (м., центр провінції Китайської Народної Республіки) — 81
- Харків (м., обласний центр) — 247, 260, 264, 265, 267, 426
- Херсон (м., обласний центр) — 255, 258

Херсонська обл. — 38, 40, 41, 426
Хортиця (острів) — 267, 373
Чебаркуль (м. Челябінської обл. Російської
Федерації) — 13
Черкаське (сmt. Новомосковського р-ну Дніпро-
петровської обл.) — 30, 90, 304, 390
Черкаський полігон — див. Черкаське
Чернівці (м., обласний центр) — 105
Чернігів (м., обласний центр) — 48, 320
Чернігівська обл. — 230
Чечня — 83
Чонгар (с. Генічеського р-ну Херсонської обл.) — 40
Чорне море — 82
Шепетівка (м. Хмельницької обл.) — 303
Якутія — 281
Ялта (м. Автономної Республіки Крим) — 36
Японія — 81

Публіцистичне видання

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2016 РОКИ)

Випуск 2

Відповідальний редактор: *Владислав Мороко*
Верстка та макетування: *Петро Клим*
Дизайн: *Ольга Сало*
Коректор: *Валентина Крайнік*

Український інститут національної пам'яті
01021, м. Київ, вул. Липська, 16.
www.memory.gov.ua
uinp@memory.gov.ua

Віддруковано з готового оригінал-макету
Підписано до друку 02.09.2016

Видавництво «К.І.С.»
04080 Київ-80, а/с 1, тел. (044) 462 5269
<http://kis.kiev.ua>

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи ДК №677 від 19.11.2001 р.